

Николай Шмагин

Куда уходит детство

роман-дилогия

Николай Шмагин

Куда уходит детство

«У Никитских ворот»

2019

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Шмагин Н. Н.

Куда уходит детство / Н. Н. Шмагин — «У Никитских ворот»,
2019

ISBN 978-5-00095-806-3

Читая прозу Николая Шмагина, невольно приоткрываешь дверь в творческий мир талантливого и самобытного писателя. А пишет он, прежде всего, о том, что хорошо знает – о судьбах простых сограждан, о собственном осмыслении прожитых лет, о родных и близких ему людях. Умение ярко передать быт прошлых времён, мысли и переживания своих героев, красоту русской природы и силу русского духа – отличительная черта автора. За кажущейся простотой его фраз просматривается тонкое чувство слова и высокая душевная организация, обусловленные хорошим знанием наследия классической литературы. В книге «Куда уходит детство» вы найдете, прежде всего, бережное отношение к родному языку, умение честно, без прикрас и жеманства описать мысли, переживания, поступки главного героя, зримые, кинематографически точно выверенные жизненные ситуации. Словом, всё то, что выгодно выделяет Николая Шмагина среди наводнившей книжный рынок современной литературы.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00095-806-3

© Шмагин Н. Н., 2019
© У Никитских ворот, 2019

Содержание

Алатырская сага	6
Москвич из Алатыря. Предисловие	7
От автора	10
Дом под горой	12
Первая глава	12
День первый	12
Вечерние игры	13
День второй. Влюблённый художник	14
День третий. Праздник	15
Пожар	16
Вторая глава	26
Третья глава	38
Четвертая глава	53
Дом на Сурско-Набережной	70
Пятая глава	70
Сон первый. В столицу к родителям	70
В Чебоксарах	70
Знакомые места	71
Родительский дом	71
В гостях хорошо, а дома лучше	72
Сон второй. Встреча друзей	72
В квартире друга	72
Во дворе	73
Скрипка	73
Шестая глава	84
Седьмая глава	98
Восьмая глава	115
И снова зима (2-я часть)	125
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Николай Шмагин

Куда уходит детство

© Шмагин Н.Н., 2019

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2019

Алатырская сага

АЛАТЫРЬ, латырь – в русских средневековых легендах и фольклоре – камень «всем камням отец», пуп земли, наделяемый сакральными и целебными свойствами.

Легенды об Алатыре восходят к представлениям о янтаре как апотропее (средневековое название Балтийского моря – Алатырское море).

В стихе о Голубиной книге и русских заговорах Алатырь («бел-горюч камень») ассоциируется с алтарем, расположенным в центре мира, посреди океана, на острове Буяне (Руяне); на нем стоит мировое древо, или трон, святители, сидит девица, исцеляющая раны; из-под него растекаются по всему миру целебные реки.

Мифологический словарь

Москвич из Алатыря. Предисловие

Можно только гадать, как сложилась бы судьба сына художника-фронтовика Н. Д. Шмагина, пойдя тот в профессиональном отношении по стопам отца. Наверняка, в смысле ремесла занял бы твёрдую позицию провинциального художника, однако, известного и почитаемого лишь узким кругом земляков – любителей живописи.

К счастью, мятежный дух юноши, наделённого разными талантами, стремился вдогонку за детской мечтой вырваться из тесных рамок районного городка, а заложенные с ранних лет упорство, трудолюбие, тяга к знаниям и, в хорошем смысле, авантюризм влекли его к закономерному успеху сквозь все, порой драматичные, этапы жизненного пути.

Говорить о творчестве Николая Шмагина мне легко, но в то же время и не просто. Легко потому, что близко и понятно то, о чём он пишет. По прочтении строк, вышедших из-под его пера, мне не абстрактно представляются образы выпукло показанных им персонажей, но я узнаю их, реальных, извлекаемых памятью из впечатлений детства. Трудность же родом из того же далёкого времени, ибо давняя наша дружба не оставляет возможности для лукавства при оценке литературных достижений этого, безусловно, неординарного писателя.

...Так случилось, что наши совместные с ним детские годы прошли в одном дворе Алатырского Подгорья, точно обрисованного Шмагиным несколькими мастерскими мазками:

«Высоко над миром застыла полная луна, освещая лес, подгорье, раскинувшееся вдоль реки, скованной льдом. Среди домиков и домишек, огородов с садами, разделённых заборами и занесённых снегом, крутых переулков и малых проулков, стоит двухэтажный деревянный дом, словно дворец, сонно темнея окнами».

Потом, в разное время и при разных обстоятельствах, мы покинули родные места и на долгие два десятилетия потеряли друг друга в бескрайнем человеческом море СССР.

Однажды в 1974 году Николай, в то время уже «завоевывающий» себе место в столице и, каким-то образом узнавший адрес, вдруг объявился у нас на Берёзовой аллее. Помню, как я и мои близкие, хорошо знакомые с непростыми перипетиями детства Николая, были приятно поражены известием о его работе художником на «Мосфильме».

Как раз тогда он участвовал в создании фильма-эпопеи С. Ф. Бондарчука «Они сражались за Родину», ставшего классикой советского кино.

Можно сказать, в ту нашу встречу я заново познакомился с мальчиком из детства, узнав его новую неожиданную ипостась – кинематографиста.

И снова он растворился в городской суете, не оставив ни адреса, ни номера телефона. Грешным делом, я решил, будто причиной тому снобизм служителя десятой музы. Понадобилось ещё долгих сорок лет, чтобы убедиться, как сильно я тогда ошибался – у Николая в то время просто не было ещё не только телефона, но даже постоянного пристанища в столице.

Готовясь в 2014 году к визиту в родной город, я встретил в Интернете знакомое имя на обложке романа «Дорога в Алатырь», запоем прочёл книгу, от отдельных строк которой меня прямо-таки бросило в жар – «ведь, это же он о нас пишет. Значит, помнит!»:

«Снег укутал всю землю, даже на деревьях в саду лежат лохматые белые шапки. Вот под его тяжестью дрогнула ветка, и посыпался на сахарную целину белый дождь.

Выскочив на улицу, Ванька посмотрел в окна на втором этаже. – Витька, выходи! – ему не стоялось на месте, такие новости.

– Чево раскричался? – выглянула из сеней бабушка, – али опять запамятовал? Неделя уж прошла, как уехали, в Москве теперь живут, – она сердобольно глядела, как радость померкла на Ванькином лице.

– Может, им не понравится там, – пробормотал он, – и они вернуться...»

Вот так я вновь обрёл друга детских лет, ставшего, помимо прочего, крепким прозаиком. А Николай Шмагин нашёл в моём лице въедливого пристрастного читателя, с той поры не оставляющего без внимания ни строчки, им написанной.

Так что же привлекает в его трудах, чем заботится его пытливая душа? Читая прозу Николая Шмагина, мы невольно приоткрываем дверь в творческий мир талантливого и самобытного писателя. Уверен, неблагодарное занятие – пересказывать содержание хорошей книги, извлекать из контекста показавшиеся знаковыми цитаты, по-своему интерпретировать их, напрасно отвлекая тем потенциального читателя от самостоятельного погружения в повествование. А пишет он, прежде всего, о том, что хорошо знает – о судьбах простых наших сограждан, о собственном осмыслении прожитых лет, о родных и близких ему людях. Умение ярко передать быт прошлых времён, мысли и переживания своих героев, красоту русской природы и силу русского духа – отличительная черта Николая Шмагина.

И, конечно, один из основных персонажей, сопутствующий писателю на протяжении всей его творческой биографии – родной Алатырь, малая Родина, навсегда занявшая главенствующее место в его сердце.

«Детство и юность остались позади, в Алатыре, впереди его ждала новая, неизведанная ещё, но такая долгожданная жизнь, какая она будет? Когда Ванька жил в Алатыре, ему представлялось, что это единственное место на земле, где он живёт, и казалось странным, что он может проживать ещё где-нибудь, кроме их подгорья, единственного райского уголка на земле, в котором он был так счастлив».

Встреча читателя с произведением нового для него автора – будь то рассказ, повесть или роман, всегда неожиданность. Какие сюрпризы припасла она: радость, восторг или разочарование? И когда вдруг появляются строки, отмеченные оригинальным взглядом, казалось бы, на самые обыденные вещи, радуешься тому, что не оскудела земля русская талантами!

Строки Николая Шмагина на протяжении всех глав его нового романа поражают такой глубины искренностью и буквально исповедальной откровенностью, дойти до какой осмеливается далеко не каждый мастер пера в автобиографических произведениях. О мыслях, переживаниях, поступках главного героя, в котором угадывается сам автор, он пишет честно, без прикрас и жеманства. Рисуемые Шмагиным жизненные ситуации зримы, выверены кинематографически точно, и это недаром, ведь, за его плечами оконченный с красным дипломом сценарный факультет ВГИКа!

За кажущейся простотой его фраз просматривается тонкое чувство родного языка и высокая душевная организация, обусловленные хорошим знанием наследия нашей русской классической литературы.

Выгодное отличие прозы Николая Шмагина от наводнивших современных книжный рынок литературных поделок состоит, прежде всего, – и это становится понятным сразу по прочтении первых же страниц его романов – в трепетном отношении к родному языку. Книги этого самобытного автора возвращают читателя в лоно традиций русской литературной классики.

Такое дорогого стоит, ибо теперь встречается не часто. Всё больше сталкиваешься с обеднённым донельзя словарным запасом, а то и с прямым небрежением к первооснове всего – Слову! А кого не беспокоит в наше время примитивизация русской речи, засорение её чужеродной лексикой? Язык ведь – куда значимее, нежели просто средство общения. Он в большой мере – воплощение русской души, народного духа. Кому, как ни Николаю Шмагину, прозаику, получившему напутствие в литературу от Василия Макаровича Шукшина, стоять на страже его чистоты и незыблемости!

Достоянием русской литературы всегда было стремление к жизненной правде. Вот и подтверждает Николай Шмагин своим творчеством, что и сейчас она остаётся безусловной ценно-

стью. Произведения писателя органично встроены в современное национальное направление патриотической прозы.

Если в первом романе «Дорога в Алатырь» читателям предлагается во многом идеализированный путь эволюции маленького Ваньки через возмужавшего Ивана до пребывающего в благополучии пенсионера Ивана Николаевича, передающего эстафету памяти родному внуку, то иная цепь трагичных порой реалий предстаёт в новом романе «Куда уходит детство».

«Опять работа, командировки, чтобы пореже и поменьше находиться дома, где вместо спокойствия и уюта одни раздоры и скандалы. Семейная жизнь моя явно не удалась».

Однако, герой романа сумел преодолеть как невзгоды, так и соблазны столичной жизни, так как твёрдо верил, что его мечты обязательно сбудутся.

Да, жизненный путь москвича из Алатыря оказалась не из лёгких, но, судя по итогам, а в нашем возрасте их пора начинать подводить, – верным. Как справедливо заметил автор словами героя романа: *«Это был его выбор, и жаловаться на свою судьбу не следует»*.

Виктор Фролов, секретарь Союза писателей России

От автора

Мой первый роман «Дорога в Алатырь» – это семейная жизнь как бы в идеале, где почти сказочная судьба главного героя Ивана сложилась настолько удачно, как ему и мечталось с детства. Однако, он не был тем везунчиком, которому счастье упало прямо в руки. Пришлось поработать, закончить ШРМ, отслужить в армии, проявить характер, настойчивость, чтобы претворить свои мечты в жизнь, и она улыбнулась ему. Но главным достижением стало для него единение их душ с внуком, которого он привёз из столицы на свою малую Родину, рассказал историю жизни всей своей семьи, показал подгорье, городок, в котором вырос, и тот осознал, наконец, что могилы их предков не пустой звук. Об этом и многом другом можно прочитать в романе.

В романе-дилогии «Куда уходит детство», наоборот, всё как в жизни, когда мечты – это одно, а суровая реальность нечто другое. То есть, наш советский неореализм во всём своём многообразии. Первый роман дилогии, это «Алатырская сага» о счастливом детстве и забываемой юности, тогда как во втором романе дилогии «Там, за горизонтом...» герой сразу же оказывается во взрослой жизни, ведь он так стремился побыстрее стать взрослым. Работает и живёт в Краснодаре, затем служба в армии, в войсках ПВО в Подмосковье, где он впервые почувствовал, что детство и юность остались там, за горизонтом.

Это же чувство посетило его во второй раз, когда он обосновался в Москве, о которой мечтал всегда, женился на москвичке. Стремительный круговорот столичной жизни, когда некогда остановиться, чтобы оглянуться назад, в прошлое, захватил его в свой заманчивый плен. А тут ещё друзья, соблазны, как без всего этого обойтись в молодости? Обратная сторона медали – это неудачи, разочарования, семейная жизнь даёт трещину, так ли уж хороша эта взрослая столичная жизнь? И вот всё сильнее тяга вернуться в те благословенные места, где прошло твоё детство и юность. Вместе с тем приходит осознание того, что та счастливая пора больше никогда не повторится...

В дальнейшем, во многом благодаря работе в кино, я познакомился и общался с известными режиссёрами, актёрами, писателями, которые были подарком судьбы для молодого декоратора. Ещё в 1974 году судьба свела меня с Василием Шукшиным, во время работы над фильмом «Они сражались за Родину», который снимал всемирно известный режиссёр Сергей Бондарчук. Даже проживали мы в соседних каютах на теплоходе «Дунай», стоящем на приколе возле хутора Мелологовский, на Дону. После тяжёлых съёмок он не отдыхал, как другие, а трудился над сценарием к своему новому фильму «Я пришёл дать вам волю вольную», о Степане Разине. Подойти к нему не было возможности, помог его друг и актёр Георгий Бурков, относившийся ко мне сочувственно. Прочитав мои первые литературные этюды, Шукшин одобрил их, и посоветовал поступать во ВГИК, на сценарный, что я и сделал впоследствии.

Во время работы над музыкальной комедией «Пока безумствует мечта» режиссёра Юрия Горковенко, снятой в 1978 году, как-то в Монино, съёмки проходили в музее авиации, молодого шептунного декоратора заметил не кто иной, как автор сценария фильма, он же известный писатель Василий Аксёнов. Мы познакомились, много общались, и даже выпивали после съёмок в злачных местах городка. Видимо, общность взглядов на окружающую нас действительность, и натуры земляков способствовали этому. Он из Казани, я из Алатыря, это совсем неподалёку по российским меркам. Особенно, когда я рассказал писателю, что дед мой из волжских купцов, уроженец города Тетюши, что под Казанью, его семья была раскулачена, и умер он совсем молодым, оставив жену с тремя сыновьями, одним из которых был мой отец, владеть нищенское существование, так как экспроприировали их подчистую. Мои первые рассказы писатель прочитал со вниманием, и его советы пригодились мне позднее. В связи с

выходом из СП он вынужден был эмигрировать в США, но общение с такой яркой личностью не прошло бесследно для начинающего литератора.

Ну и, наконец, во время съёмок картины «Василий и Василиса» режиссёра Ирины Поплавской, на волжских берегах, рядом с Дубной, писатель и автор сценария Валентин Распутин без лишних рассуждений, кратко сказал, прочитав пару моих рассказов: «Работай, Коля, у тебя есть все данные, чтобы писать о нашей русской провинции».

Общение с ними, как и с другими деятелями искусства, о которых я обязательно расскажу позднее, в своём следующем романе «Советская фабрика грёз», придало уверенности в своих силах и возможностях. Закончив ВГИК, стал снимать авторское документальное кино о малых исторических городах России, полузабытых и позаброшенных, внёсших, каждый в своё время, весомый вклад в дело становления и развития нашего государства. Не стоит забывать, что многие из тех, кто достиг определённых успехов и положения в обществе, сами родом из этой самой глубинки, как и множество нынешних москвичей, жителей других крупных городов.

Писать о российской провинции, где проживают и трудятся, хранят свои традиции и вековые устои простые русские люди, которые любят свою Родину, не предадут её, несмотря ни на какие трудности быта, которые подпитывают своими талантами и трудолюбием большие города, дело чести и совести каждого современного писателя.

Для всех нас актуален вопрос о том, как жить, во имя чего, и что останется после нас нашим детям и внукам.

Дом под горой

Свет прошлого, особенно детства и юности, озаряет всю нашу дальнейшую жизнь.

Автор

Первая глава Зимушка-зима (Ванькины сны)

День первый

Вдоль забора, за которым слышался глухой ритмичный шум, крался мальчик лет шести в матросском костюме с якорями, стараясь поймать порхающую перед ним бабочку.

Улучив момент, он бросился в траву и накрыл её руками, но бабочка мелькнула перед его носом и улетела.

Проводив её разочарованным взглядом, мальчик встал и, привлечённый шумом, с любопытством приник к щели, не видя, как от появившейся на дороге стайки гусей к нему подкрадывался здоровенный гусак...

За забором внутри деревянного строения железная машина яростно распилила толстое бревно на доски и принялась за следующее.

Внезапно ожил висевший на столбе громкоговоритель:

«Едут новосёлы по земле целинной, песня молодая далеко летит...»

...В это время гусь сердито тяпнул мальчика за мягкое место, и тот с криком отпрянул от забора, растерянно уставившись на обидчика.

Придя в себя, мальчик схватил палку, и бросился на нахальную птицу. Струсив, гусь пустился наутёк по дороге, ведущей в гору. Спугнув гусиную стайку, с криками разбежавшуюся в разные стороны, мальчик нёсся следом и, догнав-таки врага, шмякнул его палкой по спине.

Гусь растерянно заметался и кинулся ему под ноги. Споткнувшись о забияку, мальчик неожиданно для обоих очутился верхом на гусе, словно всадник на коне. Махая крыльями, незадачливый гусь с отчаянным криком рванулся вниз и вдруг полетел, задевая лапами землю.

Крепко вцепившись в него, мальчик летел и восторженно смеялся.

– Вы только гляньте! – закричала полная, бойкого вида женщина, остолбенев от изумления. Около дома возникла толпа любопытных.

Мальчик промчался на гусе мимо них и скрылся за углом.

– Люди добрые, – охнула на всю улицу женщина, – это ж мой гусь, – и она бросилась пересчитывать стайку растерянно гогочущих птиц.

– Пропал теперь, – подначил кто-то, – заморенный гусь, не жилец.

Растопырив крылья, гусь улепётывал от наездника из последних сил, а он победоносно смотрел ему вслед, затем пренебрежительно глянул на восхищённого карапуза, почтительно замершего неподалёку.

– Я видел, как ты летел, – карапуз задохнулся от избытка чувств.

– Ерунда, я не такое могу, – небрежно отмахнулся мальчик, направляясь к шоссе, по которому мчались машины. – А ты смелый?

– Не знаю, – карапуз застенчиво захихикал.

– Эх ты, – потерял к нему интерес мальчик, – из труса героя не получится. Смотри!.. – и, выждав, когда очередная машина была уже совсем близко, вихрем пронёсся через шоссе ей наперерез.

Взвизгнув тормозами, грузовик резко остановился у обочины.

– Под колёса захотел, чертёнок? – заорал шофер из кабины, но насмерть перепуганные сорванцы уже бежали прочь, навстречу обомлевшей от ужаса женщине, ставшей очевидцем страшной картины.

– Ванечка, ты жив? – кинулась она к мальчику, который при виде её перепугался ещё больше и рванул, было, в сторону, но женщина схватила его в охапку и, убедившись, что он цел и невредим, заплакала:

– Ты же обещал во дворе играть, опять за своё? Хоть работу бросай, – и она потащила упирающегося сына всё к тому же дому...

– Ваш сынок-то на гусе моём с горы летал, – встретила их у подъезда раздосадованная женщина. – Теперь бедняга едва дышит, – кивнула она на гуся, понуро стоящего у сарая. – Помирает, сердешный.

Мать растерянно смотрела на неё.

– Разве может маленький мальчик на гусе летать? Никак не может! Николай, скажи ей, – обрадовалась она, увидев подходившего мужа.

– Не верите? Все соседи видели! – возмутилась женщина.

– Если подохнет, мы заплатим, – успокоил Николай хозяйку гуся.

– Пап, он сам захотел, чтобы я летел на нём, – оживился, было, сын.

– Дома поговорим, – невольно усмехнулся отец, входя в подъезд, вслед за своим семейством...

– Как насчёт садика, узнавал? – мама вынула из ридикюля ключи.

Он безнадежно махнул рукой, с сочувствием посмотрел на сына.

– Опять дорогу перебежал, – расстроенная мама открыла дверь.

– Всё! Поедет к деду с бабкой, – решил отец, входя в длинный коридор коммунальной квартиры. – Поживёт там, а к школе заберём обратно...

Вечерние игры

Мать старательно мыла посуду после ужина, отец расположился с газетой на диване. Ванька был наказан одиночеством за дневные подвиги, и молча страдал, хлюпая носом.

Намаявшись в своём углу, он крадучись подходит к отцу и, увидев, что тот уже не сердится, вскакивает к нему на колени, и они опрокидываются на диван. Ванька быстро усаживается на его согнутые в коленях ноги, цепко обхватывает их руками и взмывает вверх...

Потом пикирует прямо на отца, опять взмывает, представляя себя нашим, советским лётчиком-истребителем, атакующим фашистов: жжж... тра-та-та... жжж... тра-та-та...

– Фу, устал, мочи нет, – отец снимает Ваньку с ног.

Началась борьба. Сопя и пыхтя, отец с сыном возятся на ковровой дорожке на полу. Отец очень сильный, толстый и большой, волосатый, применяет приём: захват головы подмышку.

В ответ сын, напрягая последние силы, применяет приём самбо, выкручивая папину руку за спину. Ещё немного, и папа повержен на живот.

Крепко стискивая своими ручонками папину тяжёлую руку, Ванька торжествующе сидел у него на спине, взъерошенный, с горящими ушами.

– Сдаюсь, – хрипит папа красным лицом.

– А ну, пора спать, вояки. Совсем отца замучил, – подходит мама.

– Пап, мы завтра будем бороться? – с надеждой вопрошает Ванька.

– А как же, конечно будем, спи, давай...

Проезжающая по шоссе машина высветила окна в комнате; свет пополз по потолку, стене, исчез. Урчание удаляющейся машины растворилось в наступившей ночной тиши, которую нарушало лишь поскрипывание родительской кровати да их сдавленный шёпот: уж не борются ли они там за шкаф без него, Ваньки?..

День второй. Влюблённый художник

Утро. Мама ушла на работу. Папа заканчивал портрет очередного члена политбюро. Ванька, сидя на скамеечке рядом, тоже мазюкал красками, водя кисточкой по картону, установленному на стуле отцом. Он писал свой автопортрет, иногда поглядывая на себя в зеркало.

Раздался стук в дверь и в комнату вошёл папин коллега по работе, художник Сверчков. Он мельком глянул на работу отца и остановился возле Ваньки, удивлённо рассматривая творение юного художника.

– Талант, несомненный талант, – наконец произнёс он, глядя на Ваньку сверху. Ванька засмутился, не прерывая занятия.

Отец с коллегой о чём-то поговорили и засобирались на работу.

– Сынуль, остаёшься за старшего, скоро мама придёт. Пока, – и они исчезли за дверью. Ванька тут же встал и подошёл к портретам отца, вглядываясь в них и считая себя заправским художником.

«Как же это папа проглядел, глаза не прописаны, как следует, тени не очень глубокие на лицах», – подумалось ему, и он с жаром принялся за работу. Наконец, удовлетворённый и усталый, он полюбовался исправленными произведениями искусства. Они были совершенны.

Ванька вышел в коридор и увидел девочку в школьном платье с фартуком, огромные банты украшали её косички, в руках – настоящий школьный портфель. Соседи улыбнулись друг другу.

– Ваня, приглашаю тебя к нам в гости, – она взяла его за руку, и Ванька очутился в соседской квартире. Навстречу уже спешила мама девочки.

– Танечка из школы вернулась, здравствуй Ваня. Садитесь обедать...

Таня с Ваней сидели за столом и учили уроки: Таня писала в тетради, выполняя домашнее задание, а Ваня рисовал зайцев, кошек, чертей, потом стал рисовать Таню за уроками.

Таня закончила уроки и заглянула в тетрадь соседа:

– Похоже, и косички с бантами получились. Ты художник, как отец.

– Это ерунда, я и не такое могу нарисовать, – зарделся польщённый художник и полез под стол: усевшись, потянул к себе девочку, затем в непонятном волнении стал гладить её колени. Таня встала из-за стола.

– Ваня, тебе пора домой, – строго сказала она кавалеру. Оскорблённый в своих лучших чувствах, Ванька удалился.

Побежав по двору, он привёл к себе в гости двух соседских девчонок своего возраста. Уложив их рядом на ковровой дорожке на полу, кавалер лёг сверху на одну из них и стал чмокать в губы, подражая взрослым.

Девочке стало щекотно, и она засмеялась.

Тогда кавалер лёг на другую, и они стали целоваться. Раздался шум в коридоре и голоса родителей, возвращающихся с работы. Девчонки почему-то испугались и забились на всякий случай под кровать, а Ванька остался стоять столбом посреди комнаты, весь взъерошенный.

Вошли родители и подозрительно поглядели на сына. Услышав шум, отец заглянул под кровать и извлёк на свет божий двух обольстительниц.

– Вы что под кроватью забыли? В прятки играете?

Смущённые и испуганные девчонки убежали домой, а Ванька нехотя признался, наконец:
– Мы тут в папу с мамой играли. Они мамы, а я папа.
Родители остолбенели от такого признания, не зная, что и ответить.

Вечер. Семейство втроём ужинало за круглым столом. Ванька, наконец, не выдержал и сказал отцу загадочно:

– Папа, ты разве ничего не заметил?

– Нет, а что? – сказал папа, и тут его словно осенило. Он встал, подошёл к портретам и замер, восхищённо глядя на них. Мама безмолвствовала.

– Ну, как? – Ванька торжествовал, его голос прерывался от волнения.

– Неплохо, – ответил папа тоже внезапно охрипшим голосом. Весь побагровев, он снял ремень и подошёл к сыну.

– Зачем это? – недоумённо нахмурившись, сын насторожился.

И тут отец снял с сына штаны и выпорол его ремнём. После экзекуции оскорблённый Ванька забился под стол: не оценил отец его искусство.

Отец заглянул под стол, сын отвернулся.

– Понимаешь, сынок, портреты завтра сдавать, а ты всё испортил.

– Я же хотел как лучше, – с жаром возразил Ванька.

– Понимаю. Но ты вот всё хочешь как лучше, а получается как нельзя хуже. Пора тебе об этом подумать. Теперь придётся исправлять, переписывать всю ночь. Чтобы стать настоящим художником, надо много учиться, понял?

Ванька сокрушённо кивнул головой, скрывая слёзы.

– Не горюй. Вылезай из-под стола и ложись спать. А завтра подумай над тем, что я сказал. А за порку извини, погорячился.

Мир и справедливость были восстановлены.

И опять Ванька любовался, как свет от проезжающих по шоссе машин полз по потолку, стенам, слушал затухающий вдали шум моторов, и опять наступившую звонкую тишину нарушало лишь мерное поскрипывание родительской кровати...

День третий. Праздник

Утро. Раз родители дома, значит воскресенье. Мать пекла пироги; вот она накрыла стол новой нарядной скатертью, поставила вазу с цветами, и комната приобрела праздничный вид.

– Сегодня у нас праздник, да, мама? – допытывался Ванька. – Праздник, у папы на работе, ты ведь хороший мальчик? – начала издалека мама, но Ваньку не проведёшь, он насторожился. – Мы уйдём ненадолго, а ты поиграешься дома, хорошо?

– Он уже взрослый, к тому же дал слово, – успокаивал папа маму, и Ванька украдкой вытер выступившие на глазах слёзы...

Настал момент прощания: родители стояли у двери, и Ванька восхищённо разглядывал их. На папе новый бостоновый костюм, на ногах коричневые поскрипывающие штиблеты, на голове фетровая шляпа, а мама!

В панбархатном платье, с пышной причёской, в замшевых туфельках на шпильках, в руке блестящий ридикюль.

Поцеловав сына ярко-красными губами, она тут же вытерла его щёку платочком, и они исчезли за дверью, оставив сына в глубокой задумчивости.

Что бы сделать такое, чтобы обрадовать родителей, когда они вернутся домой? Ванька оглядел комнату, и она показалась ему недостаточно хорошо убранной: «Ура, придумал! Я наведу идеальный порядок, и они ахнут от восторга, когда увидят, на что способен их сын».

Налив в таз воды, Ванька стянул со стола скатерть и принялся стирать, затем повесил её сушиться на бельевой верёвке, на кухне. Не найдя тряпки, взял какую-то занавеску и стал мыть пол; ну вот, кажется всё.

Снова накрыв стол скатертью, Ванька поставил вазу с цветами, принёс пироги в блюде и удовлетворённо огляделся: «Ну вот, теперь в комнате идеальный порядок! Позову-ка я гостей, раз праздник, вот родители тогда уж обрадуются; какой у них хороший сын, скажут».

Он выбежал из комнаты, и вскоре вся дворовая детвора была рассажена за круглым столом: Ванька разливал вино из бутылки по рюмкам, все ели пироги и прихлёбывали из рюмок, морщась; пресытившись, стали играть в прятки. Под визг и смех расшалившейся не на шутку детворы раскрылась дверь, и вошли родители.

Остолбев от увиденного, они смотрели, как из-под стола вылез их сын, перепачканный вареньем и взъерошенный больше прежнего. Пьяно улыбаясь и пошатываясь, он подбежал к ним, ожидая похвал.

– Дети, пора домой, – немного придя в себя, сказала мама.

– Ещё рано, – возразил соседский мальчишка, глянув в окно, но вот гости выпровожены. Отец покачивал головой и улыбался, глядя на сына-сорванца, мать же, показывая сыну грязный пол, испорченную скатерть, разбросанные пироги, терпеливо разъясняла:

– Наделал дел, нечего сказать. А ведь мы считали тебя уже взрослым.

– Я же хотел как лучше, чтобы в доме был праздник, – неуверенно оправдывался сын, начиная осознавать содеянное. После ему стало плохо, его начало тошнить...

Пожар

Ночью Ванька проснулся от тревожных голосов родителей. Они стояли у окна. Вся комната была озарена красным трепещущим светом, где-то трещало и гудело. Ванька вскочил с кровати и подбежал к окну.

– Пожар, пилорама горит, – папа приподнял сына на руках, и он глянул в окно: зарево охватило всю улицу. Стёкла окна были словно из красного стекла. Ночное чёрное небо, а на улице словно днём – незабываемое зрелище. Ванька ещё не понимал, что пожар – это ущерб и горе, и пребывал в восторге, что пожар, что он не спит ночью, а стоит с родителями у окна, и жадно наблюдал за происходящим:

Пожарные машины стояли у пилорамы, возле них бегали фигурки пожарных в касках, со шлангами в руках. И вдруг сильные струи воды из брандспойтов обрушились на охваченное пламенем строение. Началась борьба воды с огнём...

– Ну ладно, давайте спать. Хорошо ещё, пилорама эта далеко, искры не долетают, – папа с мамой улеглись, а Ванька лежал с открытыми глазами и вспоминал происшедшее, глядя на потолок: по нему ещё метались красные тени от пожара. Он слышал, как шептались родители:

«Пора Ванечку в Алатырь отправлять, к деду с бабушкой, пока он под машину не попал, или ещё чего не натворил», – мама.

«Ты права, в детсаду мест нет, а там ему будет лучше», – папа.

Ванька горько вздохнул и затих, всхлипывая во сне...

– ...Я больше не буду перед машинами бегать, я буду слушаться, честное слово, – захныкал он, ворочаясь на кровати, – не надо меня отправлять в Алатырь. Не хочу я к деду с бабушкой.

Виновато шмыгая носом, Ванька собрался, было, заплакать, и открыл глаза, изумлённо озираясь: в промёрзшее окно брезжил тусклый рассвет, на дощатой перегородке, отделяющей спальню от комнаты, висел его матросский костюм с мерцающими в полусумраке якорями.

Вошла маленькая старушка с валенками в руках, на её добром лице засветилась множеством морщинок ласковая улыбка.

– Замёрз небось, давай-ка одеваться, милок, печь затопим, оладушков напеку, – пыталась она растормошить внука, помогая одеться.

В свитере и валенках Ванька уныло жевал за столом, поглядывая на весело гудевший огонь в печи, на бабушку, пекущую оладьи.

– Вот подрасту, и мама с папой меня к себе заберут, – он тоскливо вздохнул и поёжился. Не дождавшись ответа, спросил громче:

– Дед где, бабушка?

– Придёт, куды он денется, – уклончиво ответила бабушка, вызвав этим любопытство внука.

– Ну, скажи, – заканючил, было, он, но тут звякнула щеколда в сенях, и Ванька выскочил из-за стола: – Дед идёт!

Дверь раскрылась, и вместо деда в кухню вошла почтальонша.

– Здрасьте вам, – приветливо улыбнувшись, она прошла к столу.

– Здрасьте Валечка, вот радость нежданная, – засуетилась бабушка.

– Холодище, жуть! А ночью до 50 градусов мороз, по радио передали, – сообщила почтальонша, отогревая у печки руки и глядя, как бабушка быстро накидала оладьев в блюдо, поставила на стол.

– Накось горяченьких, отведай. А я гадаю, сегодня придёшь али завтра, – бабушку волнует более насущная проблема.

– Спасибо, тётя Дусь, – не отказалась весёлая почтальонша, доставая из сумки ведомость. – У нас с этим строго. А где же хозяин?

– Хосподи, запропастился старый, – занервничала бабушка и в это время снова звякнула щеколда, а на пороге появилась высокая фигура деда в тулупе и с мешком в руках.

Свалив шевелящийся мешок на пол, дед развязал его и, хитро улыбаясь заиндеветыми усами, легонько вытряхнул маленького поросёнка.

– Хорошенький какой! – удивилась почтальонша, а Ванька в диком восторге бросился к нему, но поросёнок испуганно хрюкнул и забился в угол.

– Не трог его, пусть обвыкнет, – остановила бабушка собравшегося в угол внука. – Дорого чай, уплатил, – осведомилась озабоченно.

– Не дороже денег, – громко сморкаясь и кашляя, дед разделся и, одёргивая по привычке рубаху, словно гимнастёрку, подошёл к столу.

– Распишитесь, дядя Ваня, тут вот, – ткнула почтальонша пальцем. Дед с трудом вывел в ведомости корявую неразборчивую подпись и, выпрямившись, лукаво усмехнулся:

– Что ж ты, мать, человека ждать заставляешь? Взяла бы да поставила подпись с росчерком.

– Будет смеяться-то, – оживилась бабушка, почтительно наблюдавшая за ним, – разве что крестик. Не привелось грамоте-то обучиться, – пожаловалась она почтальонше, смущённо вздыхая и принимая деньги.

– Насчёт прибавки не слышать? – поинтересовался дед, сворачивая из газеты козью ножку. – На эти гроши разве проживёшь.

– Обещают, дядя Вань, – сочувственно вздохнула почтальонша.

– На это они горазды, тудытвую растуды, – пробасил дед, раскуривая самокрутку и усаживаясь на скамеечку у печной отдушины.

– Будет тебе, – махнула на него рукой бабушка, провожая почтальоншу до двери, в то время как Ванька торопливо одевался...

Снег укутал всю землю, даже на деревьях в саду лежат лохматые белые шапки. Вот под его тяжестью дрогнула ветка, и посыпался на сахарную целину искрящийся белый дождь.

Выскочив на улицу, Ванька посмотрел в окна на втором этаже.

– Витька, выходи! – ему не стоялось на месте, такие новости.

– Чево раскричался? – выглянула из сеней бабушка, – али опять запаматовал? Неделя уж прошла, как уехали, в Москве теперь живут, – она сердобольно глядела, как радость померкла на Ванькином лице.

– Может, им не понравится там, – пробормотал он, – и они вернутся...

– Не тужи, скоро Борьку кормить будем, чай новые друзья появятся, эка невидаль, – бабушке хотелось отвлечь внука от неприятных мыслей. – На лыжах, поди покатайся, красота какая вокруг, прям диво дивное.

Но Ваньке уже ничего не хотелось: безразличным взглядом окинув снежные окрестности, он увидел мальчишек, сооружающих перед горой большущий скачок.

– Эй, Ванёк, иди сюда, первым будешь! – призывно замахал руками коренастый парнишка в потрёпанной кацавейке и облезлом малахае.

Ванька побрёл было к ним, но, глянув на окна без занавесок, загрустил окончательно и замер около запорошенной снегом яблони.

– Слабо с Грацилевой махануть? А, Ванёк? – не отставал парнишка.

– Дружок его, Витька, в Москву укатил, – пробасил долговязый на длинных лыжах, прокладывая перед скачком лыжню, – скучает.

Ванька молча повернулся и ушёл, сопровождаемый насмешками.

Поросёнок жадно чмокал, заглывая соску до бутылки; молоко в ней исчезало на глазах, но он был ненасытен.

– Дай я, бабань, – боялся не успеть Ванька, с радостью принимая из бабушкиных рук бутылку.

– Прожорлив, знать большой вырастет, – одобрительно хмыкнул дед.

– Дай-то бог, – суеверно поплевала через левое плечо бабушка.

– На бога надейся, а сам не плошай, – подтрунивал дед.

– Не нравится Ванюшке у нас, всё уезжать трастит, – обиженно сообщила бабушка, дипломатично переводя разговор на другую тему.

– Ишь ты, – тоже обиделся дед, замолкая.

– Когда я вырасту большой, вас к себе возьму, – пожалел их Ванька, довольнo поглаживая блаженно хрюкающего на своей подстилке поросёнка.

– Вот уважил, – развеселились старички, – а пока у нас поживи.

– Садитесь-ка обедать, – отодвинув заслонку, бабушка достала из печи чугунок со щами, затем чугунок с картошкой, и вышла в сени...

Ванька пошёл в переднюю и, встав на цыпочки, включил круглый чёрный репродуктор на стене. Рядом над комодом висел портрет молодого деда в красноармейской форме. Радио молчало.

Тогда он залез на диван и, ткнув пальцем, прорвал чёрную бумагу, обнаружив за ней пустоту. Удивлённо заглянул за репродуктор и в это время тот разразился громкой бравурной музыкой. Ванька от неожиданности кубарем скатился с дивана.

...Бабушка вернулась с миской капусты, поверх которой красовались огурцы, и экономно окропила всё это постным маслом из бутылки.

– Лей, не скупись, – хмыкнул в усы дед, подмигивая внуку и нарезая ломтями скрипящий под ножом хлеб. – Топором не урубишь хлебушек-то, из кукурузы, язви его в душу.

– И того по две буханки дают, – вздохнула бабушка, разливая щи по мискам. – Раньше хоть цены снижали, а таперь всё дорожает, не подступишься. И што за жизнь пошла, одна маята.

«В последнем, решающем году шестой пятилетки заготовлено на 1 млрд. 600 млн. пудов зерна больше, чем в предыдущем...» – громогласно вещал репродуктор, невольно заставляя слушать. – *«Реальные доходы рабочих и крестьян по сравнению с 1940 годом увеличились в два раза».*

Глянув на сердито закашлявшегося деда, бабушка поспешила в комнату к репродуктору. *«Товарищи! В нашей стране достигнут невиданный расцвет...»* – репродуктор умолк на самом интересном месте.

– Мяса хочу, – буркнул недовольный тишиной Ванька, болтая ложкой в миске со щами, но под строгим взглядом деда перестал. Тогда он стал лихо болтать ногами под столом, делая вид, что не замечает осуждающего взгляда чересчур привередливого деда.

– Лупи картошку да ешь, пока горяченькая, – одёрнула его вернувшаяся бабушка. – У родителей мяса много, не чета нашему получают.

– За длинным рублём погнались, себя забыли, – в сердцах дед бросает ложку на стол, напугав бабушку с внуком. – Перекасти-поле.

– Что такое перекасти-поле, дед? – заёрзал от любопытства Ванька.

– Когда у человека корней нет, вот его и мотает по белу свету, – разъяснил дед, обращаясь к бабушке с горечью: – Мало у нас работы?

– У них там столица, а наш городишко курам на смех, – защищала она Ванькиных родителей. – Чай одеться-обуться надо, молодые, поди.

– Не хлебом единым жив человек, – отрезал дед ...

В наступившей тишине слышалось лишь сонное похрюкивание поросёнка, да дед с бабушкой усердно хрустели капустой. Ванька засмеялся:

– Мама говорила, за столом нельзя чавкать, она и разговаривать не велит, – вспомнил он и добавил, ябедничая: – а сами разговаривают.

– Ворона и за море летала, да вороной и вернулась, – заключил дед, вставая из-за стола и доставая кисет с махоркой.

– Балаболишь при мальчонке, чево не следует, – осерчала бабушка.

– Спина побаливает, тудыттвою её растуды, комаринский мужик, – закричал в ответ дед, усаживаясь на скамеечку и закуривая. Ванька тут же устроился рядом и, с завистью вдохнув дым, закашлялся.

– Всю квартиру продымил, ребёнок ведь, рази можно.

– Дед, кто такой комаринский мужик? – Ванька жаждал знать всё.

– Ишь ты, любопытный какой, – удивился дед, добродушно посмеиваясь. Глянув на прибирающую со стола бабушку, он лукаво ухмыльнулся и зашептал внуку на ухо: тот жадно слушал, затаив дыхание.

– Хосподи, седина в бороду, бес в ребро. Чему ребёнка учишь?

Ванька восторженно запрыгал, порываясь рассказать всё бабушке.

– Молчи, – упредил дед, улыбаясь в усы, – потом продекламируешь.

Ванька с готовностью закивал и умчался в переднюю, горлая там в избытке чувств: *«Как по улице варваринской, идёт мужик комаринский...»*

На мгновение всё смолкло, и бабушка заглянула в переднюю:

Ванька снова включал радио.

«Кукуруза – царица полей, дошагала до Севера!..» – проникновенно провозгласил диктор, и бабушка заторопилась к выключателю...

На кухне чертыхнулся дед. Ванька бросился к нему:

– Кукуруза разве может шагать, дед?

– У нас всё может...

– Почтальонша сказала, ночью 50 градусов мороз будет, – вспомнила бабушка, восстановив тишину в квартире.

– То-то смотрю, с утра продирает, – встревожился дед, вставая.

– В финскую-то, помнишь, ударили, погибло тогда в саду, не перечить, – жалостно вздыхала она, глядя на одевающегося деда. – Неужто ночь целу маяться собрался? Авось обойдётся, ну их к ляду.

– Авось да небось – хоть вовсе брось! – вскипел дед, сердито топая валенками. – Хворосту да сенца заготовлю.

– Я с тобой, – Ванька схватил его за руку, – помогать буду.

– Помощник нашёлся, мороз такой на дворе, – запротестовала было, бабушка, но, глянув на мужа, уступила: – давай-ка потеплее оденемся.

Дед разложил вокруг яблони хворост, сверху потрусил сена.

– Зачем сено, дед?

– Для дыму. Вишь, сырое оно, знать дыму много будет, яблоням тепло. И нам спокойнее, уразумел?

Ванька схватил охапку хвороста и, увязая в глубоком снегу, поволок к красавице-яблоне, стоящей поодаль от других деревьев.

– Неси сюда, – позвал дед, подходя к неказистой на вид яблоньке и утаптывая вокруг неё снег, – здесь раскладывай.

– Я у той хочу, – запротестовал внук.

– Это дикарка, не жалко, – объяснил дед. – Давно срубить пора.

– Что, яблоки не растут?

– Кислятина. А это апорт, осенью попробуешь, за уши не оттащишь, – дед старательно раскладывал хворост, а Ванька с жалостью смотрел на заиндеветшую дикарку, рядом с ней апорт казался ему уродом.

– Вот, – кряхтел под яблоней дед, обворачивая ствол мешковиной, – теперь не замёрзнут, – он удовлетворённо оглядел свою работу.

– Дед, можно я ночью помогать буду? – подгадал под настроение внук.

– Там видно будет...

Поглядев на одевающуюся бабушку, дед понимающе усмехнулся:

– Что, бог-помощь пошла разносить?

– К Богоявленским надо сходить, покалякать про то да сё. Ты уж сиди, старый, в бабские дела не суйся.

– Иди-иди, божья старушка. Посудачите. Вам, бабам, без этого никак нельзя, – развеселился дед, усаживаясь перекурить.

– Я с тобой, бабушка! – взвился неугомонный внук, хватая валенки и пальто. Ей ничего не оставалось, как помочь внуку одеться. Наконец, сопровождаемые насмешливым взглядом деда, они пошли в гости.

Оставшись в одиночестве, дед затушил окурок и присел к столу, поглядывая в окно: смеркалось. Делать было нечего, и он прошёл в переднюю, подтянул гирьку ходиков и включил радио: «*Местное время восемнадцать часов ровно...*» – услышал он и тут же выключил радио.

Поправив стрелку на циферблате, снова отправился на кухню, размышляя про себя: «Перекурить, что ли? Да нет, пожалуй, хватит на сегодня. Пора бросать, как говорит старуха. Надумала в гости, на ночь глядя, да ещё внука прихватила с собой, в этакий-то мороз. Что это я разбрюзжался, старый стал совсем. Одному если жить, с ума сойдёшь или сопьёшься. Помрёшь, одним словом. А нам надо ещё внука уму-разуму научить, опыт жизни передать по наследству. Так что поживём ещё, старуха, дел много...»

А в это время, сидя на диванчике, Ванька разглядывал добрые, морщинистые лица сестёр Богоявленских, калякающих о чём-то своём с его бабушкой за чашкой чая: на столе стоял пузатый самовар, рядом пироги в блюде, баранки. Откусив баранку, Ванька продолжил от нечего делать обзор комнаты, болтая ногами.

В красном углу висели большие иконы, горела лампадка под образами, а рядом на стене располагалась картина в раме под стеклом, на которую он и загляделся: тройка с седоками в санях мчалась по заснеженному лесу, а за ними гналась стая волков с оскаленными пастьями.

Предсмертный ужас застыл в вытаращенных конских глазах, возница из последних сил отбивался от нападающих зверей, вот-вот произойдёт трагедия, и Ваньке стало так жутко, что он боялся пошевелиться в полусумраке комнаты, пока бабушка не спохватилась, наконец:

– Что же это я, старая, заболталась, домой пора, а то дед мой заругается.

– Иван Яковлевич строгий мужчина, привет ему от нас, – согласно закивала бабушка Лида, а её сестра бабушка Люба прибавила, усмехаясь:

– Зато, он какие пикантные случаи из прежней жизни рассказывает, прямо заслушаешься. Про колдунов, как он публичный дом посещал...

– Будет тебе, окстись. Перед таким-то праздником, грех на душу принимать. И не стыдно тебе, старая, – корила её бабушка Лида, истово крестясь от греха подальше.

Под говор и смех старушек Ванька одевался на выход: скорее домой...

– Завтра Рождество Христово, в церковь с утра надо, – придя домой, бабушка занялась хозяйством с новыми силами: достала с полки квашню, банку с мукой. – Тесто поставлю, Батины обещались прийти.

– Валяй, божья старушка, – посмеивался довольный их возвращением дед, покуривая на своём любимом месте. – Мы с внуком пироги уважаем.

Ванька сонно улыбнулся и зевнул, вылезая из-за стола.

– Сомлел, милоч, – подошла к нему бабушка. – Пойдём в кровать.

– Я спать не буду, мы с дедом ночью костры жечь пойдём...

– До ночи долго, отдохни пока, а я тебе сказку поведаю, – уговаривала она внука, проводя в спальню и укладывая в кровать.

– Я про войну люблю, или про колдунов, страшные...

– Вот и я толкую, – усмеялась бабушка, усаживаясь на стоящий рядом скрипучий сундук. – Будто во время войны ходил вещий старец по городам и сёлам, и там где пройдёт, фашистов вскорости изгоняли.

– Мне папа рассказывал, как он с фашистами сражался, – вспомнил Ванька, глядя в скованное морозом окно. – А вещий старец, колдун?

– Не перебивай, слушай лучше. Так вот, будто знал старец заговор такой, как врага одолеть. Будто шёл он чистым полем ко дремучему лесу, ко ручью студенцу, где стоит старый дуб мокрежкой, а возле лежит горяч-камень Алатырь. Под этим камнем живут семь старцев...

– А почему семь старцев? – допытывался внук сонным голосом.

– Чтобы не было врагу покоя ни днём ни ночью, – пояснила бабушка. – Так вот, отвалил он этот камень Алатырь и призвал старцев, поклонился им низехонько: «Отпирайте вы, старцы, сундуки свои железные...»

Слышит Ванька бабушкин голос, а видит необыкновенный сон: вот он отваливает огромный камень, выходят из земли старцы, несут ему меч.

– Вот тебе, Иван – крестьянский сын, меч – кладенец. Иди с этим мечом смело на врага, не бойся... – говорит Ваньке передний старец.

– Я не боюсь, я буду героем! – громко отвечает Ванька, засмотревшись на грозных старцев.

... – и тогда обретёшь ты силу великую, и победишь врагов окаянных всех до единого, как отцы и деды наши побеждали.

...«Замыкаю свои словеса замками железными, бросаю ключи под горяч-камень Алатырь! И ничем мой заговор не отмыкается», – закончила бабушка своё повествование и встала потихоньку.

– Бабаня, – спохватился Ванька, – о чём заговор, в сундуках что?

– Заспался, – улыбнулась бабушка, приглаживая внуку вихры, – и самое интересное прослушал. Слова говорил такие, после которых люди на смерть за Родину идут, и не боятся. А в сундуках тех сила наша несметная, секрет её враги разгадать не могут, от того боятся нас пуще смерти. Спи, давай, – она поправила одеяло и не успела выйти, как Ванька уже крепко спал.

– Охо-хо, старость не радость, с мальцом-то хлопот полон рот, за день намаешься, – вздыхала бабушка, сноровисто замешивая тесто.

– Без хлопот, что за жизнь? Без него скушно было, – дед сидел за столом и шумно пил чай вприкуску с сахаром, поглядывая в темнеющее окно.

...А Ваньке в это время снился уже другой сон, ночной, долгожданный: будто он с дедом в саду зажигает костры вокруг яблонь, и густой дым окутывает деревья, отгоняя мороз.

Поодаль стоит одинокая, застывшая в лунном свете дикая яблонька, и кажется Ваньке, будто она стонет от лютого холода...

– Что надулся, как мышь на крупу, – добродушно посмеивался дед, глядя на обиженное лицо внука. – Мороз трескучий был, аж дыхание перехватывало. Вот подрастёшь маненько, тогда другое дело.

Хлопнула сенная дверь, и через мгновение вошла розовощёкая с морозу бабушка: на её круглом благодном лице застыла умиротворённая улыбка.

– К обедне ходила? – оживился догадливый внук. – Чего принесла?

Он нетерпеливо ожидал, пока улыбающаяся бабушка бережно вешала на гвоздь плюшевый пиджак с шалью.

– Мороз-то поутих, кажись, – она протянула внуку просвирку.

Грызая божий дар, он более миролюбиво глянул на деда:

– Дед, а ваш город на горячем камне построили? Ну, на том месте?

– Может и так, – сухощавое лицо деда просветлело. – Заложен он был ещё при царе Иване Грозном, как сторожевой город...

– Хлебом не корми, только бы ему истории разные калякать, – ворчала бабушка, снимая с квашни марлю и засучивая рукава.

Ванька восторженно кинулся к нему на колени, обхватил за шею:

– Ты рассказывай, не слушай бабушку. Пусть она тесто месит.

– Тогда каждую осень караулы наши степь за лесом жгли, чтобы значит, ногайцы в при-суре не ворвались.

– Ногайцы, это татары, дедуленька? – взволнованный Ванька замер.

– Они самые, – подтвердил дед, – Ногайская Орда. Как нагрянут бесчётно с Дикого Поля, сколько народу извели, в полон угнали, не счесть. Вот и построили города-крепости цепочкой, вдоль леса, от набегов, значит. Город наш знатный, – с гордостью произнёс он, – его когда-то разинский атаман Нечай брал. Говорят, сам Степан Разин в пещерах на Стрелке прятался, когда воеводы царские войско его под Симбирском разбили. Бывал я в тех пещерах, в детстве ещё.

– Далеко они, дедуленька? Пойдём туда!

– Вот лето настанет, видно будет...

Бабушка старательно месила тесто: ноздреватое, тягучее, оно поскрипывало и пищало под уминавшими его бабушкиными руками.

– Запарилась, – выпрямившись, она весело смотрела на примолкших, было, собеседников. – Проголодались, поди. Сейчас самовар поставлю.

– Емельян Пугачев у нас бывал, правил суд да расправу над помещиками, – деду приятно было говорить об истории родного города. – Всесоюзный староста Калинин в восемнадцатом приезжал, речь держал перед народом, на привокзальной площади.

– Ты видел его? – задохнулся от изумления внук.

– Как тебя сейчас, слазь-ка, – деду не терпелось перекурить.

– Откуда ты всё знаешь, дед?

– Историю своего края надо изучать, – поучал внука дед, усаживаясь перед отдушиной и закуривая. – Любить свою землю надо, а не знаешь истории, так и не сможешь. Неоткуда любви-то будет взяться. Вот и едут из дома, кто куда... – в его голосе застарелая обида.

– Запомняла, было, – спохватилась бабушка, выпрямляясь над самоваром. – Кварту-то соседскую заселили. Спускаюсь с горы, а военный с женой и мальчонка чемоданы тащут. Вот тебе и друг новый.

Но Ванька уже не слышал; он лихорадочно одевался, забыв про чай.

Дверь в соседскую квартиру была закрыта, во дворе никого. Ванька вздохнул, разочарованно потоптался в ожидании, и побежал в сад.

Снег вокруг яблонь почернел от кострища и Ванька несказанно обрадовался, увидев обмотанный мешковиной ствол его любимой дикарки. Он поднял обгоревшую палку и постукал по стволу: с веток посыпался снег прямо ему за шиворот.

– Вот видишь, дед не забыл про тебя, – удовлетворённо улыбнулся он яблоне, поёживаясь, и вздохнул: – я не нарочно проспал, не сердись, ладно?

Не дождавшись ответа, посмотрел в окна на втором этаже. Вспомнив, что сказала бабушка, опрометью помчался во двор...

С крыльца спускалась необыкновенно полная женщина в шубе. Кинув презрительный взгляд на появившегося Ваньку, она гордо проплыла к калитке, где у груды вещей стоял паренёк, поглядывая в его сторону.

Разинув рот от удивления, Ванька камнем торчал у крыльца, глядя, как большого роста военный в шинели с золотыми погонами подхватил два огромных чемодана и, покраснев от натуги, поволок мимо него в дверь, едва не сбив с ног при этом.

Приняв воинственную позу и размахивая палкой, Ванька по-хозяйски промчался в калитку и остановился неподалёку возле забора.

– Фу, какой оборванец, – снова окинула его презрительным взглядом огромная женщина, – ещё хулиганит тут.

Паренёк насмешливо запрыскал под нос, топчась около чемоданов, которые он явно охранял, и глядя на Ваньку так же презрительно.

Оскорблённый холодным приёмом, Ванька воинственно заорал на весь переулочек и снова прогалопировал мимо них к дому.

– С этим хулиганом, Васенька, не дружи, – мать с сыном дождались отца и, нагрузившись вещами, исчезли за дверью своей квартиры. Из переулка в калитку вбежала большая лохматая дворняга, радостно виляя хвостом. Ванька подбежал к забору и нарвал с репейника колючек.

– Эй, Дружок, ко мне!

Он быстро утыкал репьями густую шерсть, вымещая на собаке обиду. Дворняга вырвалась и, скуля, побежала по переулку, стараясь стряхнуть намертво приставшие колючки.

– Ванёк, айда с нами! – обернувшись, он увидел знакомых мальчишек и бросился в сени за лыжами...

Длинный на длинных лыжах поправлял скачок, прокатываясь по лыжне.

– Почему гора Грацилевой зовётся, знаешь? – спросил парнишка в кацавейке у подбежавшего к ним Ваньки.

– Потому что до революции здесь хозяином был помещик Грацилев, – удивил Ванька мальчишек своей эрудицией и надел лыжи.

– Откуда знаешь? – недоверчиво смотрел на него парнишка.

– Дед рассказывал. Помещика прогнали, а название так и осталось.

– Симак, – окликнул парнишку длинный, – маханёшь сверху? Все трое задрали головы и опасливо изучали вершину.

– Ванёк пусть первым, – отозвался, наконец, Симак, – он всё знает.

Ванька оглянулся и увидел около дома своего недруга, завистливо поглядывающего в их сторону.

– Чего zenки вылупил, иди сюда! – закричал Симак. – Это кто такой?

– Сосед, вместо Витьки, – нехотя отозвался Ванька и вздохнул. – Противный такой, – и неожиданно для себя стал взбираться на гору...

Запыхавшись, он развернулся и глянул сверху: далеко внизу мальчишки казались совсем крошечными. Перед ним во всей первозданной красе раскинулось подгорье, даже их двухэтажный дом казался отсюда маленьким.

У Ваньки перехватило дыхание, и закружилась голова. Он почувствовал непреодолимый страх, всю невозможность съехать с такой крутизны.

– Махай, не бойся! – донеслись снизу насмешливые мальчишьи крики.

Ванька растерялся. Он уже собрался, было, слезать обратно и претерпеть там весь стыд и позор, так страшно показалось ему наверху, как вдруг разглядел около скачка своего нового соседа и решил:

Пропасть надвинулась и поглотила его, лыжи рванулись из-под ног, и Ванька стремительно понёсся вниз; ветер свистел в ушах, неровная лыжня того и гляди, сшибёт с ног, но он каким-то чудом домчался до скачка и взмыл в воздух под восторженные вопли приятелей.

Пролетев несколько метров, брякнулся лыжами на укатанный склон и уже упавшего, его протащило ещё порядочно юзом и швырнуло в сугроб.

Ошеломлённый бешеной скоростью и в то же время обрадованный тем, что уцелел и жив, Ванька выбрался из сугроба, отряхиваясь от снега и подбирая слетевшие лыжи.

Только теперь он услышал хохот, крики, и увидел в своих руках сломанную пополам лыжу. Сдерживая слёзы, побрёл домой.

Мальчишки замолчали, провожая его сочувственными взглядами.

– Деду отдай, он залатает, – поддержал приятеля Симак. – Лихо ты промчался, молоток. Я не верил, гад буду.

– Вот тебе и Ванёк, – осудил его длинный, – сам ты Ванёк.

– Да я сейчас, вы чо! – торопливо надев лыжи, Симак полез вверх, желая как можно быстрее реабилитироваться. Новый сосед с восхищением и завистью смотрел на Ваньку, как на героя.

Заметив это, тот вспомнил свой геройский поступок и важно зашагал к дому, где его уже жаждали дед с бабушкой...

– Давай мать, что в печи, на стол мечи! – отдав приказ, дед поправил лихой чуб и, многозначительно оглядев гостей, наполнил рюмки московской.

– Чем богаты, тем и рады, – бабушка ставит на стол пироги.

– Войну каку сломали, – оглаживая рукой бороду, вступает в разговор молодцеватого вида старик в полувоенной форме, – а ведь живём, пироги жуём. Хотя, признаться, раньше лучше жили, как думаешь, Иван Яковлич? Обидно. Вот так взять, и перевернуть всё в душе.

– Политики приходят и уходят, Матвеич, а Россия-матушка у нас одна, – посуровел лицом дед. – Давай выпьем за неё молча...

Крякнув, потянулись вилками к солёным грибкам.

– Ох уж эти мужчины, – засмеялась дородная супруга Матвеича со следами былой красоты на лице, – им бы всё про политику да дела. Споёмте или спляшем, Евдокия Лексевна? – подмигнула она бабушке.

– Начинайте, – раззадорился дед, вытаскивая кисет. – Ванюшка! – окликнул он внука, гонящего по полу паровозик, – иди, глянь. Представление будет.

Ванька выбежал из кухни и запрыгал в предвкушении зрелища.

– Вылитый дед, – засмеялся Матвеич, разглядывая самодельный деревянный пистолет у Ваньки за поясом, – такой же вояка растёт.

Бабушка плавно выступила на середину комнаты и, взмахнув платочком, стала ловко отбивать каблучками приплясы. Задорно напевая:

*– Ох, дед ты, мой дед,
А я твоя бабка,
Корми меня калачами,
Чтоб я была гладка.*

– Ну-ка Настенька, не ударь лицом в грязь! – вскидывается Матвеич, и Настенька бурно устремляется в пляс. Озорно подхватывая:

*– Ой, дед бабку
Завернул в тряпку,
Поливал её водой,
Чтобы стала молодой. Ух, ты...*

И вот уже звенят, подпрыгивают рюмки и тарелки на столе, веселятся дед с Матвеичем, прочно восседаая на стульях и прикладываясь к рюмкам.

И Ванька тоже подпрыгивает, глядя блестящими глазами на пляшущих взрослых. Усмехнувшись, дед выходит на кухню и возвращается со своей любимой скамеечкой.

– Отдохните пока, у нас свой концерт, – утихомиривает он женщин. – Мы тоже не лыком шиты, – поставив скамеечку посреди комнаты, дед подмигивает внуку: – Давай-ка, тёзка, исполни нашу кадрили.

Ваньку уговаривать не надо. Он вскакивает на скамеечку и, подтянув штаны, бойко тараторит, подтверждая слова действием:

*– Как по улице Варваринской,
Пробежал мужик комаринский,
Он бежал-бежал поёрдывал
За своё мудо подёргивал!..*

Потрясывая ширинкой, Ванька прыгает и хохочет громче всех; он переполнен весельем, ещё бы, такой успех у взрослых.

– Выступал Народный артист СССР Иван Маресьев! – награждает он сам себя почётным званием и, поклонившись, спрыгивает со скамеечки.

– Вот так артист! Ну, угодил... – смеётся дед, утирая ладонью проступившие на глазах слёзы. Редко можно увидеть деда таким весёлым, потому бабушке с внуком вдвойне весело и радостно.

– Чему научил, сраму-то, – больше для порядка смущается бабушка.

– Из песни слов не выкинешь, – одобрил Матвеич.

– Что грешно, то и смешно, – улыбается Настенька, одаривая Ваньку конфеткой: – молодчина, ублажил стариков.

Ванька схватил гостинец и мигом очутился у деда на коленях; оглядев стол, схватился за рюмку с водкой, дед перехватил и поставил обратно, тогда Ванька потянулся за самокруткой: – Дед, дай курнуть.

– Не балуй. Вот усы вырастут, тогда другое дело, – дед ссадил чересчур расшалившегося внука с колен, и в это время за окнами замаячили мальчишки: «Ванька, выходи на улицу!»

– Пусть гуляет, – разрешил дед, и Ванька побежал одеваться...

Вторая глава

Весенние радости

«Бабушка истово молилась перед иконой божьей матери, громко шепча молитвы, а Ванька чувствовал себя как дома в церкви, поскольку бабушка часто брала его с собой, невзирая на недовольство деда.

Поставив свечку под образа, она повела внука к алтарю, для причастия.

Ванька стоял в очереди среди старушек и с любопытством рассматривал, как священник причащает подходивших к нему прихожан.

Настала их очередь с бабушкой. Вот она вкусила из рук священника часть плоти и крови сына божьего и подтолкнула вперёд себя внука.

Проглотив ложку причастия, Ванька с удивлением почувствовал, что это тот самый кагор, который он пил на празднике ещё в родительском доме, но тогда он стал пьяным, и ему было плохо после, а сейчас так вкусно, что он не выдержал и громко сказал бабушке:

– Бабуль, скажи батюшке, чтобы он дал мне ещё одну ложку причастия.

– Тихо, ты што это надумал, негодник, – заругалась на него бабушка, смущённо оглядываясь, но священник лишь улыбнулся и одобрительно погладил Ваньку по голове, вручив ему ещё одну просвиру в награду за смелость. Не получив желаемого, разочарованный Ванька выбирался вслед за своей бабушкой из толпы, держась одной рукой за бабушкину руку, а в другой крепко сжимая просвиру...

Проснувшись, Ванька вскочил с кровати и побежал на кухню, к бабушке, враз забыв про сон. Не до него, когда столько дел впереди...

Прилипнув носом к стеклу, Ванька заворуженно следил, как за окном у завалинки прыгала синичка: откинув головку набок, она настороженно поглядела на него и, едва он шевельнулся, улетела.

– Дед скоро с работы придёт? – заныл Ванька с досады.

Только бабушка успела посмотреть на ходики, как громко стукнула сенная дверь и, громыхая сапожищами, на пороге появился дед.

– На-ка вот, примерь, – и он поставил возле внука новые кирзовые сапоги. Глядя, как внук восторженно натягивает сапоги и нарочно громко топает, подражая ему, дед посмеивается, усаживаясь перекурить.

– Опять табачище достал, – недовольно ворчит бабушка. Дед не обращает внимания на это и, подняв палец, заставляет всех прислушаться:

– Глянь на улицу, мать, послушай.

Бабушка подходит к окну и, вслушиваясь, мелко крестится:

– Неужто лёд тронулся? Слава те хосподи, дожили. Пост великий прошёл, пасха на носу.

– Теперь веселее будет, – трескуче кашляет дед, окутанный клубами дыма. Пошарив по карманам, протягивает бабушке пачку купюр.

– Никак облигации, – удивилась она, – опять вместо зарплаты?

- Половина деньгами, – успокоил дед.
- На кой чёрт такая работа нужна, прости хосподи. Проживём и так.
- На нашу-то пенсию, да и не могу я без работы.
- Облигации на деньги поменять можно, – успокоил их всезнающий внук, форся по кухне в новых сапогах. – На улицупустишь, бабань?
- Обменяют лет через двадцать, – скептически хмыкнул дед, – когда нас не будет. Вот ты, Ванюшка, и получишь. Пригодятся.
- Чево попусту лясы точить, – смирилась бабушка, – пора за стол, садитесь-ка обедать.

В сенях под верстаком жалобно хрюкал подросший поросёнок.

- Замерз, Борьк? – Ванька присел у закутка на корточках.
- Есть просит, растёт, – бабушка поставила перед поросёнком полную миску помоев, и Борька стал уминать их: аппетит его был так велик, что он забрался копытцами в миску и опрокинул её, визжа от нетерпения.

Ванька вскочил, отряхиваясь от брызг и спотыкаясь о прошмыгнувшую между ног кошку, которая, задрав хвост, помчалась по своим делам в сад.

– Поросёнок ты, Борька, больше никто! Из-за тебя чуть Мурку нашу не раздавил, – раздосадованный Ванька вышел из сеней во двор, прислушиваясь, как бабушка чехвостит неугомонного поросёнка.

– Допрыгался, скотина безрогая, бесёнок, – ворчала она, наводя в закутке порядок, и шлёпая жалобно визжавшего поросёнка по бокам...

Оглядев пустынный двор, Ванька направился в сад, плюхая сапогами по мокрому снегу и с удовольствием проваливаясь в него по колено.

– Теперь не замерзнешь, – он ободряюще похлопал рукой по влажному стволу дикарки и, ёжась от попавших за шиворот холодных капель, глянул в окна на втором этаже; между нарядных занавесок мелькнула, как ему показалось, голова соседа, и Ванька отвернулся. Пошлёпал обратно во двор.

Воображая себя едущим в автомобиле, он лихо выруливает к калитке, «пулей» вылетает в переулок, и нос к носу сталкивается с соседом. Оба замерли от неожиданности, настороженно глядя друг на друга.

– Я знаю, тебя Ванькой зовут, – засмеялся сосед, – а меня Вася. Приходи к нам, научу солдатиков из пластилина лепить.

Ванька молчит, подавленный потоком хлынувшего на него красноречия. Сосредоточенно подставив сапог, перегораживает путь ручью: вода скапливается у сапога и, обтекая его, торопливо бурлит дальше.

- Мать твоя не заругается? – в Ванькином голосе сквозит недоверие.
- Я ей говорил, что хочу позвать тебя в гости, она разрешила.
- А я тебе сад покажу, – смягчился Ванька. – Ты кем будешь, когда вырастешь взрослым?
- Учёным или астрономом, – засмутился Вася, тоже перегораживая путь ручью своим блестящим резиновым сапогом.

– А я трактористом, – Ванька оглянулся и, понизив голос, доверительно сообщил: – на целину уеду. Давай вместе махнём, хоть завтра.

- Туда маленьких не берут, – рассмеялся над его тайной Вася.
- Я всё равно подвиг совершу! – осерчал на насмешника Ванька.
- Война давно кончилась, какие сейчас подвиги? Учиться надо.

Но Ваньке хотелось отличиться перед соседом, показать себя во всём блеске. Он увидел палку у забора и обрадовался:

- Посражаемся саблями! Что, слабо?

– У тебя есть сабли? – удивился Вася.

Ванька хватает палку и начинает неистово размахивать ею перед носом опешившего Васи: – Защищайся! – кричит он в полном восторге.

Вася находит палку, и мальчишки яростно сражаются, как вдруг Ванькина «сабля» с треском ломается пополам и, возбуждённый непривычной для него игрой, Вася оглашает переулочный радостным воплем:

– Ура, я победил врага!

Сопя от досады и неловкости перед соседом, Ванька отыскивает ещё более здоровенную палку, чем прежде, но тут Вася не выдерживает напряжения поединка и капитулирует, бросая свою «саблю» в лужу.

– Мои родители в Чебоксарах работают, начальниками! – возобновляет словесный поединок Ванька, терзая калитку взад-вперёд. – Осенью к ним обратно уеду, в школу там пойду, – но Васе явно не интересна эта информация, и тогда Ванька выпаливает свой главный козырь:

– Мой папа танкистом на войне был, он сержант. Медаль «За Отвагу» имеет. Ясно тебе, учёный-печёный?

– Подумаешь, – горделиво усмехнулся Вася, – мой папа полковник, и орденов с медалями у него целый иконостас!

Ванька озадаченно замер было, но снова засиял:

– А мой дед революционер, он с Колчаком сражался и кулаков раскулачивал. Они его за это с колокольни сбросили, поэтому у деда спина болит. Понятно тебе?

Оба замолчали, исчерпав весомые аргументы для продолжения поединка, и поглядывая по сторонам. Что бы ещё такое придумать.

– А ты знаешь, сколько на ракете до Марса лететь, или до Луны? – настырничал Вася, не желая сдаваться, и торжествующе смотрел на растерявшегося Ваньку: – Год до Марса, и месяц до Луны! Понял?

– Да пошёл ты, – спасовал, на сей раз, Ванька, и побежал домой. – Тоже мне учёный нашёлся, гастроном...

Ванька, нахохлившись, сидел на диване в передней и скучал.

– Воображала, – адресуя это определение взглядом в потолок, он прислушался: в сенях стучал молотком дед, недовольно хрюкал поросёнок, и Ванька от нечего делать включил радио:

«В горьком партии поступило ещё сто заявлений от рабочих с просьбой послать их на работу в колхозы республики...» – вещал репродуктор, заинтересовав бабушку, выглянувшую из кухни.

«Повысился жизненный уровень трудящихся. Товарооборот за последние пять лет увеличился вдвое...» – голос диктора зазвенел от гордости, а бабушка заторопилась к иконам, чиркая спичками:

– Запamятовала, прости хосподи, – колеблющийся огонёк лампадки осветил сумрачные лики святых в красном углу.

«Отвечая на призыв партии, многие наши земляки выехали на освоение целинных и залежных земель Казахстана и Сибири. Их доблестный труд помог стране...» — ахнув дверью так, что зазвенела посуда на полках, вошёл радостный, возбуждённый дед.

– Мать, Борьку в сарай пора переводить, работать мешает. А у меня заказ срочный, рамы оконные, двери. Проживём, едрёна корень.

«Вьётся дорога длинная, здравствуй, земля целинная, здравствуй, простор широкий, весну и молодость встречай свою!..» – оглушительно громко запел репродуктор, регулируемый чуткой Ванькиной рукой.

– А ну выключи немедленно! – взбеленилась бабушка, – не видишь, лампада горит? Праздник божий, а он радиво слушать уселся.

– Вот уеду от вас на целину, будете знать, – обиженно прогундосил Ванька в наступившей тишине и, сделав рожу, показал иконам язык в отместку, словно живым.

– И так день-деньской по хозяйству мотаешься, – жаловалась бабушка деду, – а тут ещё это радио: наговорят с три короба, а придёшь в магазин, хоть шаром покати, одна водка.

– В ней самые витамины и есть, – хохотнул дед, покуривая у печи.

– Кому што, – вздохнула укоризненно бабушка, – к пасхе готовиться надо. Она выглянула в окно и прислушалась:

– Лёд-то никак опять встал.

– Завтра тронется, – уверил её дед, прокашливаясь, – спиной чую, разболелась, проклятая.

– Раньше, бывало, рано на пасху вставали, – бабушке приятно вспоминать прошлое. – Христосоваться по домам бегали, дружно жили, а теперь? Вон соседи-то новые, уж больно горды, даже не здоровкаются. Идут себе и мимо глядят, не замечают будто.

– Гусь свинье не товарищ.

– Дед, расскажи про разинские пещеры, – Ванька уже рядом с дедом, – или про войну, ну расскажи. Не молчи.

– Ты ж на целину собрался, – усмехается дед, – аль раздумал? Помнишь, мать, как бомбили нас, когда десант у военного завода сбросили? Намяли им тогда бока наши НКВДэшники...

– Завтра на базар с утра, полы помыть надо, стряпаться, работы у тебя полно. Дел невпроворот, а он как маненький, – сокрушалась о своём бабушка.

– Бабаня, не мешай нам. Рассказывай, дедуля!

– Сбросили парашютистов у реки, в поле, враз около пещер тех разинских, а оттуда до завода рукой подать... – Ванька с восторгом слушал деда, который, сам того не замечая, увлёкся воспоминаниями.

Мальчишки торопливо сбегают по крутому узкому переулку к реке и едва успевают проскочить через узкоколейку: оглашая подгорье звонким тенорком, тащит гружёный лесом состав крикливый паровоз-кукушка.

Погромыхивают на стыках рельс платформы, дзенькают стёкла в окнах домов, испуганно и злобно надрываются в подворотнях собаки.

Но вот состав исчезает за поворотом, и в наступившей тишине слышен глухой шум; по разбухшей реке сплошной лавиной идёт лёд. Мелкие льдины, шурша и сталкиваясь, суетятся у самого берега, большие проплывают мимо, оставляя за собой радующие глаз водные прогалыны...

– Смотри, умора! – Вася восторженно хохочет, глядя на мечущуюся на льдине собаку. Увидев мальчишек, пёс хрипло залаял, прося помощи.

– Дурак, это же наш Дружок, спасать надо! – Ванька подбегает к самой воде и хватается за мокрую тесину, прибившуюся к берегу:

– Помогай, давай, мостик сделаем, – кричит он, и мальчишки с трудом подтаскивают тесину к воде, пытаясь перекинуть её на льдину. Тяжёлая длинная доска вырывается из рук, и Ванька проваливается по колена в ледяную купель.

– Утонешь! – испугался Вася, но Ванька упрямо борется с доской и, наконец, она нехотя утыкается в медленно плывущую льдину.

– Подымай! – орёт он на приятеля, и вдвоём мальчишки с усилием закидывают конец доски на льдину.

– Дружок, беги сюда, к нам! – кричат они в один голос, и собака в мгновение ока оказывается на берегу, громким лаем выражая благодарность.

Хлюпая промокшими сапогами, мальчишки понеслись домой...

Ванька с трудом стащил разбухшие сапоги и, оставляя на полу мокрые следы, протопал в переднюю. Он был доволен собой, всё ему нипочем. Что бы сделать такое особенное? Он посмотрел на следы, и его осенило:

Бросившись на кухню, схватил ведро с водой и, не найдя тряпки, стащил с гвоздя старую бабушкину шаль. Окунув её в ведро, слегка отжал и принялся мыть пол в передней, радостно улыбаясь:

– Вот уж бабаны удивится, скажет, умница ты моя разумница, внук, – бормотал он и яростно возил шалью по полу...

Уткнувшись носом в свисающую со стола скатерть, замер:

– А что, если? – в его голове родилась новая блестящая мысль... Пыхтя от усердия, Ванька старательно вырезал ножницами уголки по краям скатерти, смутно припоминая, что нечто подобное он уже делал когда-то в столице у родителей: как красиво! Хлопнула сенная дверь, Ванька вскочил и, бросив ножницы, снова схватился за ведро...

Вошедшая бабушка ахнула, глядя на лужи: – Это што такое? Хосподи, моя шаль! – кошёлка с продуктами выпала из её рук и бабушка, торопливо отжав с шали воду, развернула её, не веря своим глазам:

– Поганец ты этакий, что натворил?!

– Она же старая, – Ванька обиженно глядел на бабушку. Неужели она не понимает, как он старался? Кинув взгляд на скатерть, облегчённо вздохнул: уж эту его работу она оценит по достоинству. И она оценила:

– Скатерть изрезал, – трагический шёпот перешёл в гневный крик: – Да я тебя!.. – нервы у бабушки не выдержали и, схватив скалку, она ринулась на внука, охаживая, по чему попало, не разбирая.

Ванька вцепился в скалку, и они принялись тянуть её в разные стороны, топчась по лужам и не замечая вошедшего деда.

– Никак воюете? – хмыкнул дед, удивлённо осматриваясь по сторонам.

– Набедокурил-то как, антихрист окаянный! – чуть не плакала бабушка, разводя руками: скалка загромычала по полу и укатилась под стол.

– Ты только глянь, – она схватила скатерть и затрясла перед дедом. Тот озадаченно почесал затылок, разглядывая внушительные прорехи:

– Ну и дела! Потрудился ты, внук, на славу.

– Я ему потружусь, – снова накинулась на внука бабушка, но Ванька был уже у деда за спиной и оттуда оскорблённо выкрикивал:

– Ничего ты не понимаешь, бабаны. Я же пол мыл, как лучше хотел.

– Платок спортил, скатерть изнахратил, – сокрушалась бабушка. – Хосподи! За што такие напасти, за какие грехи? – взывала она к образам.

Ванька бросился на кухню и забился там под стол, у самой стены. Это было его любимое место для обид и переживаний дома. И дед с бабушкой знали, что сидеть под столом он будет долго. А потому принялись каждый за своё дело: бабушка стала наводить порядок в комнатах, а дед пошёл в сени, к верстаку. Оставшаяся в одиночестве Мурка попила воды из блюдца и, позырвав на притихшего под столом Ваньку, ушла спать в подпечье.

Привычный уклад жизни был нарушен приходом неожиданной гостьи: звякнула щеколда, и в сени вошла высокая старуха деревенского вида, вся в чёрном. За спиной на верёвке она держала связку корзин разных размеров.

– Бог в помощь, братушка, – поздоровалась она с дедом и прошла в дом. Дед молча кивнул родственнице, не особо обрадовавшись её приходу, и продолжил строгать длинный брусок с ещё большим рвением.

– Нюра пришла, проходи, раздевайся, – обрадовалась приходу старухи бабушка и поспешила навстречу. Старуха сгрузила корзинки в угол, повесила чёрный пиджак на гвоздь, сняла с себя чёрную шаль и оказалась черноволосой с тёмным лицом моложавой ещё женщиной.

Перекрестившись на иконы, она скупой улыбнулась и погладила по голове появившегося из-под стола Ваньку. От неё исходила какая-то необыкновенная теплота и душевность, располагавшая к себе окружающих.

Порывшись в сумке, она извлекла из неё большой пряник и сунула Ваньке: – Кушай детка, кушай.

С пряником в руке Ванька подбежал к корзинкам и стал с интересом разглядывать их, хватая за ручки и ставя в ряд. В одной из корзинок он обнаружил лапти: удивлению его не было границ.

– Нравятся лапоточки-то? Хошь и тебе сплету, детка? – радовалась его интересу баба Нюра, протягивая ему ещё и конфету: – Накось гостинец.

Ванька схватил конфету и убежал в сад, забыв про спасибо.

– Всё никак к нам не привыкнет, по родителям скучает, – сообщила бабушка, проводив взглядом пробежавшего мимо окон внука. Отряхиваясь на ходу от стружек, вошёл дед, и бабушка захлопотала по хозяйству:

– Чай будем пить, ты присаживайся, Нюра, в ногах правды нет. Расскажи нам, как там, в Являях-то жизнь протекает? Как родственники, как Митрий, брат? Редко видимся, чать не чужие, скучаем по своим.

– И то правда, хотя пешком-то далеко до вас будет, ноги так и гудят, – расположилась возле стола Нюра, поглядывая на хозяев: – с базара иду, плохо корзинки берут, а про лапти и говорить нечего. Кому они нужны в городе?

Пожаловалась она на своё житье-бытьё для порядка, и продолжила:

– Живём пока. Чай знаете, какой он, Митя. Всё такой же большой, говорливый, непоседа: шагат, тока бела бородачи развеатца по ветру. Прямо, вылитый бог Саваоф. Привет, грит, от меня Ване с Дуней передай. Помню её, сестрицу-душеньку, и люблю по-прежнему...

Разливая чай по чашкам, бабушка умиротворённо внимала новостям, кивая головой, и даже дед заинтересованно прислушивался к беседе, поглядывая на родственницу потеплевшим взглядом...

Присев на корточки, и прислонившись спиной к яблоне, Ванька огляделся: снег осел, кое-где уже показалась земля с прошлогодней травой, яблони и вишни стояли словно живые, помолодевшие. Сад пробуждался от зимней спячки: чирикали воробьи, цвикали синицы, громко каркали вороны.

Ванька посмотрел на окна своей квартиры и нахмурился:

– Как только снег растает, и я уеду отсюда! – окончательно решил он, и замечтался, глядя куда-то вдаль...

Вот он в своём матросском костюме, с двумя огромными чемоданами в руках, точь-в-точь как у Васькиных родителей, поднимается по переулку, не обращая внимания на слёзные просьбы деда с бабушкой остаться и не покидать их, больных.

Всё глуше сзади их горькие стенания, и вот он на вокзале: привстав на цыпочки, покупает в кассе билет, игнорируя взрослых, обступивших необыкновенного пассажира.

– Какие у мальчика чемоданы, наверное, он спортсмен, – изумляются все вокруг. Один здоровый дядя попытался поднять их – никак.

Ванька легко подхватывает чемоданы и спешит на перрон к поезду.

... Довольно улыбаясь, Ванька вскакивает и, вцепившись в одну из нижних ветвей, подтягивается на руках; ветка ломается и он падает наземь. Что он наделал? Ведь он сломал ветку дикарки!

Огорчённый, попытался, было, приладить её на старое место, но тщетно. Тогда он погладил яблоню: – Я нечаянно, тебе больно?

Яблоня молчала и, виновато вздохнув, Ванька побрёл к дому...

В переулке Вася сооружал запруду, и он бросился помогать ему: сложенная из земли и камней плотина перегородила путь ручью, но вода быстро прорывает укрепления и бурлит дальше, как ни в чём не бывало.

Мальчишки бросаются к месту аварии и ликвидируют прорыв, но не на долго. Васе надоело возиться с запрудой:

– Может, пойдём к нам, поиграем?

– Потом как-нибудь, – Ваньке некогда, он усердно заделывает новую брешь, не желая сдаваться перед стихией.

– Эй, пацанва! – из соседнего проулка, ведущего в Сандулеи, к ним спешит Симак с самодельным пароходиком в руках. – Видали? Братан сделал!

Он гордо оглядел восхищённых приятелей и торжественно опустил пароходик в ручей: тот словно сорвался с цепи и помчался вниз по переулку, к реке, мальчишки с восторженными воплями ринулись следом, надеясь, что он доберётся до широко разлившейся Суры и пустится в далёкое опасное плавание между льдин по большой воде...

Ванька не любил умываться по утрам: осторожно смочив холодной водой из умывальника лицо, стал рьяно утираться полотенцем.

– Правильно, внук. Нечего зря умываться, а то кожу с лица сотрёшь, – подшучивал над ним дед, трескуче кашляя после очередной затяжки и поглядывая на недовольную с утра бабушку.

– Ну, чему внука учишь? Умываться надо как следует, по утрам и вечерам, – бабушка снова подвела Ваньку к умывальнику и умыла его с мылом, невзирая на сопротивление.

– Так всё равно в баню идём, зачем воду зря переводить? – резонно возразил дед. Он достал специальный банный чемоданчик, и бабушка уложила в него чистое бельё, полотенца, мочалки и мыло.

– Чайку сначала попейте, – она с любовью смотрела на своих мужчин, торопливо завтракающих блинцами с чайком, затем проследила, чтобы они ничего не забыли, и проводила их до порога: путь в баню был не близок.

И вот внук с дедом идут по центральной улице города. Ванька старается не отставать от широко шагающего деда, успевая при этом смотреть по сторонам и вести с ним взрослый разговор:

– Дед, я больше в баню с бабушкой не пойду.

– А што так? – посмеивается дед.

– Да ну их, – передёрнуло Ваньку, – там одни толстые тётеньки да малыши. Мы с тобой ходить будем, ладно? Я ведь уже взрослый пацан, надо мной и так смеются.

– Ладно, договорились, – поддерживает взрослый разговор дедушка. – Больше не будут смеяться. А если што, бей по зубам первым, не раздумывая. Тогда уж точно им не до смеха будет.

– Скоро мы придём? – уважительно посмотрел Ванька на грозного деда.

– А вон видишь трубу над зданием? Это и есть баня, пошли быстрее, не отставай, – и дед с внуком прибавили шаг...

Ванька стоял рядом с дедом и смотрел, как вода шпарит из кранов, быстро наполняя шайки. Вот дед подхватил свою шайку и ошпарил кипятком лавку в целях дезинфекции, после чего Ванька сел и огляделся: вокруг мылись взрослые мужики, ребята и даже пацаны вроде него.

Дед притащил две шайки с водой, и они принялись за дело: сначала дед намылил внуку голову мылом и потёр ему спину мочалкой, затем окатил его водой с головы до ног. Пока внук приходил в себя, он тоже вымыл голову и, поглядев на разомлевшего Ваньку, приказал:

– Ну-ка, внучок, потри мне спину как следует.

Ванька рьяно тёр мочалкой дедову большую спину, пока не уморился.

Дед встал и шумно опрокинул на себя шайку воды. Потом они пошли в парилку: впереди шагал дед с шайкой и берёзовым веником под мышкой, за ним осторожно шлёпал внук.

Ванька с опаской шагнул вслед за дедом в белёсое жаркое марево и задохнулся с непривычки, глотая огненный воздух широко открытым ртом, но убежать постеснялся – стыдно перед дедом. Он присел на корточки, и разглядел сидящих на лавках мужиков. А вот и его дед, на самом верху.

– Што, дядя Ваня, внука привёл? – поинтересовался у деда знакомый ему мужик и, взяв Ваньку за руку, помог пристроиться на нижней лавке.

– Пусть обвыкает, дело полезное для здоровья, факт, – дед привычно охаживал себя веником, расположившись на верхней лавке под самым потолком, как и его соседи, большие любители побаловаться парком.

Ванька попробовал, было, сунуться к нему поближе, но тут же снова скатился вниз, отдуваясь: наверху находиться для него было невыносимо.

Под смех развеселившихся парилыщиков он ретировался из парилки в зал, который показался ему просторным и прохладным.

Сидя на лавке, он дождался деда, и они наконец-то подались в предбанник, где было уже почти холодно. Ванька облегчённо вздохнул, вытираясь полотенцем и лениво облачаясь в одежды...

Возле стойки буфета дед тянул пиво из большой кружки, а Ванька пил лимонад из стакана: он был таким вкусным и прохладным, так шибал в нос пузырьками, что на душе у него стало легко и покойно. Как хорошо ходить с дедом в баню, не то, что с бабушкой. Он с благодарностью посмотрел на своего дедушку и громко спросил:

– Дед, а когда мы ещё пойдём с тобой в баню?

– Што, понравилось? Да, мужики моются обстоятельно, с паром, а в женском отделении одна суета, верно, внук?

Ванька утвердительно кивнул головой, смакуя остатки лимонада в стакане и поглядывая с любопытством по сторонам...

Ощетинившаяся пушками крепость отражает яростный штурм врага.

Приставляя к стенам лестницы из прутьев, солдаты упорно лезут вверх, падают, рассекаемые на части иголками, стреляют пушки дымными головками спичек, идёт настоящая война. Грохот сражения достигает своего апогея и тут к мальчишкам входит взволнованная Васькина мать.

– Уж не дерётесь ли вы тут? – она подозрительно оглядывает Ваньку.

– Не видишь разве, мы просто в пластилин играем, – досадует сын, приостанавливая бой и дожидаясь, когда она удалится...

– Вы к пасхе готовитесь? – Ванька удовлетворён игрой, ещё бы: разгромлена такая крепость, везде лежат штабеля убитых.

– Пасха религиозный праздник, – с любопытством смотрит на него удивлённый Вася. – Вот первого мая мы на демонстрацию пойдём.

– Пасха народный праздник, – упрямо возражает Ванька. – Дед разрешил яйца красить и кулич печь, а ведь он революционер.

– Хочешь в телескоп посмотреть? – меняет тему тактичный Вася, ловко налаживая прибор: Ванька приткнулся к окуляру, но ничего не увидел и разочаровался в астрономии окончательно.

– Пойдёшь завтра со мной? – неожиданно спросил он, сделав таинственное лицо и настороженно оглядываясь на дверь, за которой слышались тяжёлые шаги.

– Куда это? – удивился заинтригованный Вася.

– Потом скажу. Я рано постучусь, не проспай. Ну, мне домой пора.

– Подожди, мама чаем нас угостит.

– У нас, чай, свой самовар имеется, – с достоинством ответил Ванька, направляясь к выходу. – До вас тут Витяка жил, – вздохнул он, оглядывая квартиру. – Настоящий друг был, в Москве теперь живут.

Оскорблённый в своих чувствах новый друг захлопнул за ним дверь, а Ваньке расхотелось домой, и он подошёл к остаткам размытой запруды.

По переулку смело сбежали весёлые девочки-старшекласницы:

– Какой хороший мальчик, – засмеялась одна из них и погладила его по голове. Ваньке это очень не понравилось. Он увернулся из-под руки и, сердито взглянув снизу вверх на хохотушку, забежал во двор.

– Это наш новый сосед, – пояснила смуглая черноокая красавица, остановившись у дома напротив. Она ласково улыбнулась Ваньке, но тот уже был на крыльце и с его высоты гордо и презрительно смотрел на них сверху вниз: глупые девчонки, считают его маленьким, когда он большой.

Старшекласницы понимающе рассмеялись, и он отвернулся от них, сохраняя своё достоинство...

Подождав, пока они не разошлись по домам, Ванька снова выскочил в переулок и увидел, как вниз осторожно спускалась старуха грозного вида, ведя на поводу двух шустрых вертлявых пацанов.

Заметив, что они нарочно захопали сапогами по грязи, она, не мудрствуя лукаво, отвесила им по мощной затрещине, и они вынуждены были снова чинно идти рядом с ней. Завидев Ваньку, пацаны с любопытством уставились на него своими нахальными глазёнками.

Хмуро поглядев на Ваньку, старуха спросила басом:

– Дед с бабушкой дома?

Ванька молча кивнул, заранее опасаясь сердитой старухи: а вдруг она и ему врежет по уху на всякий случай, для профилактики.

– Ну, чево скукожились? – напустилась старуха на пацанов. – Это ваш брательник троюродный, Иван. Поиграйтесь пока во дворе с ним, а я к родне зайду. Тока гляди у меня, не подумайте безобразить.

Старуха зашла в дом, а пацаны тут же стали бить по грязи сапогами так, чтобы брызги летели на Ваньку, испытующе поглядывая на него при этом: не полезет ли он к ним драться, и уж тогда они покажут себя.

– Хотите, я вам нашего Борьку покажу? – не обратил внимания на вызов родственников Ванька и подвёл их к сараю: пригнувшись к щелям в двери, мальчишки с интересом стали разглядывать боровка, который отвечал им взаимностью, громко и дружелюбно хрюкая на весь двор.

– Живём как мухи, – закричал дед, опускаясь на скамеечку. – Нынче жив, а завтра глядишь, на мазарки отнесут. Жалко Матвеича, правильный был мужик, – дед потянулся спиной и поморщился: – болит, проклятушая, эти её в дышло. Не отпускает никак.

– Курить бросай, – отозвалась бабушка, латающая у стола одежду. – Настя-то после похорон с лица спала, к дочери переехала, в город, – она безуспешно пыталась вдеть нитку в иглоу. – Не вижу ничего без очков, кляча старая.

– Давай я вдену, – Ванька ловко вдел нитку в тонкое игольное ушко и подбежал к деду: – дед, на мазарки, это на кладбище, да?

Дедушка молча пускал дым в отдушину...

– Правильный говоришь, был, – продолжила разговор бабушка, – а кто партбилет в горюме на стол бросил? Это счас полегше дышать стало, а тогда? Чуть не упекли, куда Макар телят не гонял, по старости отделался.

– Балаболишь, чего не знаешь, сорока, – осерчал дед. – Пенсию ему начислили курам на смех, а стаж поболее моего. Да што говорить без толку...

В наступившем молчании было слышно, как мерно тикают ходики.

– Займут квартиру-то ихнюю оглоеды какие-нибудь, тогда што?

– Ништо, где наша не пропадала...

– Дед, у меня усы выросли, потрогай! – вскинулся Ванька, удивлённо пощипывая себя за верхнюю губу. – Помнишь, чего обещал?

Дед провёл пальцем по гладкой губе внука и, усмехнувшись, протянул ему сигарку: – На, курни, и впрямь растут.

Обрадованный Ванька жадно затянулся: слёзы посыпались из глаз, он задохнулся, закашлялся и, пошатнувшись, сел рядом с дедом.

– Чему внука учишь? – рассердилась не на шутку бабушка.

– Ништо, – усмехается дед в усы, – зато опосля не будет курить. На, ещё попробуй, – но Ванька не выдержал испытания и с позором ретировался.

– Ноги ноют, к непогоде видать, – вздохнула бабушка и в это время лампочка под потолком мигнула и погасла. В наступившей темноте было слышно, как дед чиркнул спичкой, и кухня озарилась тусклым светом, к неопиуемой Ванькиной радости.

Бабушка зажгла керосиновую лампу, и сразу стало гораздо светлее.

– Будем сумерничать, как прежде бывало, – она посмотрела на внука, с интересом разглядывающего лампу, и улыбнулась:

– Ванюшк, загадку вам с дедом задам, слушайте: «Стоит мост на семь вёрст; на мосту дуб, на дубу цвет во весь белый свет». Кто первый отгадает?

– Бабань, ты как маленькая, – засмеялся внук, видя её нетерпение.

– Ни в жисть не отгадаете, – не обиделась бабушка. – То великий пост и пасха. – Она поставила на стол миску, полную крашенных яиц, кулич, полюбовалась и подошла к самовару: – Чайку надо вскипятить.

Дед взял косырь и стал щепать лучину из берёзового полена:

– Утресь в огород ходил, земля подсыхает, скоро копать. Вон, помощник какой у нас растёт, – он собрал лучину и протянул Ваньке, лукаво усмехаясь: – Отнеси-ка бабушке, Иван Николаич.

Ванька сунул бабушке в руки лучину и подбежал к двери. На косяке виднелись какие-то отметины, зарубки. Встав спиной вплотную к косяку, Ванька вытянулся весь, вытянул шею и даже привстал на носки, отмеряя рукой новую отметину над головой.

– Дед, иди смотри, насколько я вырос!

Дедушка подошёл к внуку, поставил его нормально, как положено, положил ладонь ему на темя, и отмерил его рост, процарапав гвоздём на косяке двери новую отметину.

– Ого, почти на сантиметр подрос. Скоро и деда перегонишь, – подбодрил он внука, радости которого не было границ. Стараясь казаться как можно выше и больше, Ванька солидно приблизился к бабушке и стал помогать ей с самоваром.

– Завтра христосоваться с Васькой пойдём, можно, бабань?

– Отчего нельзя, сходите, обычай хороший.

Ванька смотрел на закипающий самовар, на деда с бабушкой, на керосиновую лампу на столе, и на душе его было светло: как здорово вокруг, как он счастлив в этом единственном и неповторимом для него мирке!

Ванька постучал в дверь и прислушался: тишина. Забрякал ногой.

«Кто там?» – послышался недовольный бас Васькиной матери.

– Здрасьте, Ваську можно?

«Спит он», – глухо донеслось из недр квартиры.

– Я подожду, очень надо! – настырно прокричал он в закрытую дверь...

– Ты чего, забыл? Ну и соня! – накинулся он на вышедшего друга.

– Куда пойдём? – зевнул Вася, зябко ёжась от холода.

– Христосоваться! – торжественно объявил Ванька. – Может, боисся?

– Тише ты, мать услышит, не пустит.

– Пошли, – и Ванька решительно повёл друга к ближайшему дому...

– Христос воскрес, – елеиным бабушкиным голоском пропел он выглянувшей на стук в дверь старушке-соседке.

– Воистину воскрес, – умилилась старушка, истово крестясь и протягивая Ваньке кусок кулича и пару крашеных яиц. Облобызав и перекрестив его, отпустила с миром, и он подошёл к смущённому Васе.

– Ты иди по той стороне, я по этой, в конце улицы встретимся...

Вася робко постучал в дверь большого нарядного дома:

«Кто там ещё?» – буркнул из коридора недовольный голос.

– Христос воскрес, – насильно произнёс он.

«Были уже у нас», – раздалось в ответ. – «Вот черти носят с утра пораньше, не спится им». – Сердито хлопнула дверь внутри дома, и Вася уныло побрёл дальше, как говорится, не солоно хлебавши...

– Эх ты, – укорял его Ванька. Самодовольно и горделиво посмеиваясь. – Видал, как надо? – показал он оттопыренные снедью карманы, и запазуху. – Ладно, пошли домой, тетеря.

– Не умею я, неудобно, – оправдывался Вася, поспешая за другом...

Они вбежали в калитку и увидели во дворе незнакомого корявого парнишку, с любопытством глазевшего на них.

– Ты, чей будешь? – недоумённо спросил Ванька.

– Вчерась переехали, – промямлил парнишка. Заискивающе ухмыляясь.

– Это вместо Батиных, – догадался Ванька. – Как тебя зовут?

– Павел, – пробасил парнишка уже увереннее.

Ванька по-хозяйски вынул из карманов пяток крашеных яиц и поделил: два отдал Васе, одно Павлу, остальные спрятал обратно. Подумал и вытащил из-за пазухи кусок кулича, сунул Васе в руки: – На ещё тебе, держи.

– Зачем? – заупрямился Вася, тут распахнулась дверь его квартиры и сбежавшая с крыльца мать очутилась перед добытчиками:

– Я так и знала! – потрясённо уставилась она на дары в руках сына. – Побираться ходили? Дома тебе есть нечего, я кого спрашиваю?!

Вася героически молчал, начиная подозрительно хлюпать носом.

– Я предупреждала, – и она кинула презрительный взгляд на Ваньку.

– Бабань, – обрадовался вышедшей из дома бабушке Ванька и подбежал к ней. Бабушка остановилась и приветливо улыбнулась всем.

– Я не позволю, чтобы ваш внук моего сына побираться учил! – ещё более разгневалась Васькина мать, выставившись перед ней грозно.

– Мы не побিরались, бабань, врёт она, – растерялся Ванька. Бабушка кивнула ему и, успокаивая, прижала к себе.

– Обычай такой на Руси был, христосоваться на пасху, – попыталась объяснить она соседке, но та перебила:

– Был да сплыл! Что за невежество, господи, и это в наше время?

– Невежество говорите, а сами господа поминаете, – укоризненно покачала головой бабушка. – Пошли домой, Ванюша.

– Просто к слову пришлось, – растерялась Васькина мать, обращая взор на застывшего неподалеку Павла: – Это ещё что за пугало? – Она недоумённо оглядела его старое пальто, драные валенки в галошах.

– Панька, марш домой! – высунулась в раскрывшуюся дверь сердитого вида женщина, и парнишку словно ветром сдуло: он кинулся в дом, предварительно успев получить тумака по затылку.

Обменявшись с Васькиной матерью нелюбезным взглядом, женщина хлопнула дверью своей квартиры.

– Ну и соседей нам бог послал, – растеряла весь свой боевой пыл Васькина мать, отбирая у сына дары и брезгливо закидывая их за забор.

Словно по волшебству появившийся Дружок жадно накинулся на них, благодарно махая хвостом-поленом. Схватив сына за руку, мать молча повела его домой на расправу...

Ванька ловко забрался на дикарку и примостился на развилке веток, обхватив ствол руками: деревья в саду покрылись нежными зелёными листочками, на пашнях крохотными кустиками взошла картошка, и лишь дикарка пока стояла без листьев, стыдливо прикрываясь голыми ветками.

Вокруг пели птицы, вдали широко разлилась река, не желая входить в свои обычные берега. Весна была в разгаре.

Над садом, тарахтя мотором, пролетел «Кукурузник» и Ванька проводил его восхищённым взглядом. Затем вскарабкался повыше, уселся поудобнее, и вцепившись в ветку, словно в штурвал самолёта, почувствовал себя лётчиком, ведущим самолёт. Заурчал, изображая голосом звук мотора и, раскачиваясь на ветке, устремился догонять улетевший «Кукурузник»:

– Обгоню тебя и к папе с мамой прилечу, вот они удивятся...

Он так увлёкся, что забыл, где находится и, сорвавшись, полетел вниз: зацепившись штаниной за сук, повис вниз головой и задёргался, тщетно пытаясь подтянуться к ветке или сорваться, но сук был крепок.

Размахивая ведром и напевая, по тропинке шла черноокая красавица-соседка. Увидев висящего кулем Ваньку, она расхохоталась и, думая, что он балуется, набрала воды из колодца и пошла обратно: Ванька продолжал висеть, покачиваясь и безуспешно стараясь дотянуться пальцами до земли.

Поставив ведро, она подбежала к мальчику и, испуганно заглянув в лицо, стала снимать с сучка: никак. Тогда она изо всех сил дёрнула его вниз и сорвала с ветки, да так, что оба упали на землю.

– А если бы я не увидела? – запричитала она, сердито встряхивая упрямы под микитки. – Ещё и молчит ведь, это надо же!

– Лётчики не кричат, – буркнул Ванька, подтягивая сползающие штаны: его пошатывало, в голове шумело, красные круги плыли в глазах.

– Вот расскажу тёте Дусе, – она ласково пригладила его вихры: – ладно, не скажу. Только ты поосторожнее лазий, договорились?

– Галь, ты не расти больше, – он глянул на неё снизу и смутился.

– Почему это? – изумилась Галя, с любопытством глядя на отвернувшегося мальчишку. Ванька засмеялся и припустил от неё к дому...

В руках деда фуганок послушно снимал с бруска длинную стружку, отчего он становился гладким и ровным. Рядом с верстаком, у стенки, красовались почти готовые оконные рамы.

– Дед, пойдём скорее! – ворвался в сени запыхавшийся Ванька.

– Куда? – недовольно заворчал дед, отрываясь от любимой работы.

– Не спрашивай, пойдём ...

Яблони стояли все в цвету, но не они привлекли Ванькино внимание. Вся окутанная мелкими цветочками, словно фатой невеста, стояла на отшибе белоснежная красавица-дикарка, и бесчисленные пчёлы гудели в её соцветиях, кружили вокруг, невольно заставляя держаться поодаль.

– Неужто ожила? – удивился дед, разглядывая её, словно видел впервые. – Я уж срубить хотел, думал, засохла. Яблоки появятся, разочаруешься, – усмехнулся он Ваньке, но тот не слышал, зачарованно глядя на полюбившееся дерево и слушая вечную мелодию ожившей природы.

– Гляди, не то пчёлы покусают, – отодвинул его от яблони дед, тоже умиротворённо оглядываясь. – Хочешь, Москву тебе покажу?

– Давай! – запрыгал Ванька от радости.

Дед сжал его голову руками и приподнял внука над землёй. Ванька уцепился за дедовы руки, вглядываясь в лесные дали:

– Где же Москва, дед? – недоумевал он.

– Вон за тем лесом, за горизонтом. Отсель не видать, – дед опустил внука на землю. Ванька потирал покрасневшие уши, и обиженно смотрел на деда, обманувшего его ожидания.

– Вот вырастешь, в Москву-то и поедешь, учиться будешь.

– Может, и Витьку там найду. Вот он обрадуется, – вспомнил об уехавшем друге Ванька. – Я и вас, и папу с мамой заберу в Москву. Дед, я милиционером буду, или как дядя Саня, бурлаком.

– Бурлаком-то будешь, – засмеялся дед, – если учиться не захочешь.

Третья глава

Лето на Суре (Ванькины сны)

«Зима. Прибежав с улицы весь заледенелый, Ванька увидел стоящие в углу чемоданы, сумки, а из передней ему навстречу вышла нарядная красивая женщина, в которой он сразу же признал свою долгожданную маму, но остановился в нерешительности.

Бабушка улыбалась, наблюдая эту сцену, дед хмыкал в усы. – Сынок, не признал мамку? Это же я, ну-ка иди ко мне, – произошла радостная сцена встречи матери с сыном, после чего на щеках у Ваньки остались ярко-красные отпечатки от маминых поцелуев.

– А где папа? – вспомнил Ванька про отца.

– Он скоро придёт, к своим побежал, навестить.

Мама с бабушкой захлопотали, разбирая вещи, и мама тут же вручила Ваньке подарок – красочную детскую книгу: «Русские народные сказки».

Он разочарованно полистал её, разглядывая картинки, больше его интересовали подарки для деда с бабушкой.

Мать вручила бабушке нарядную кофту, а деду трубку для курения и пакет с душистым трубочным табаком. Ванька подбежал к деду, и они стали рассматривать трубку с большим интересом, особенно Ванька.

– Это тебе, папа, от Николая, – пояснила мама, и дед кивнул.

Бабушка примеряла кофту перед зеркалом, поглядывая на деда, смотри мол, какая у тебя бабушка нарядная, и дед скептически хмыкнул.

– На тебя не угодишь, старый, – бабушка всё равно была довольна. – Пора к ужину готовиться, соседей позовём, чай не каждый день дочь с зятем в гости приезжают, из самой столицы, из Чебоксар.

Бабушка с матерью занялись приготовлениями к праздничному ужину, а Ванька с дедом стали раскуривать новую трубку, к великому неудовольствию мамы с бабушкой...

За окнами синел вечер, а в передней за праздничным столом собрались гости: Марь Васильевна с Антоном Ивановичем и тётя Дуся. Лабуркиных не позвали по причине буйного характера дяди Сани.

Бабушка пошла в спальню, и вскоре вышла оттуда с Ванькой в новых синих рейтузах. Лицо у него было зашпанным и сконфуженным от большого количества взрослого народа.

– Мама, это же я для тебя привезла штаны, – ахнула мать, увидев обновку на сыне. – Забыла сказать.

Гости засмеялись, Ванька сконфузился ещё больше, разглядывая красивого нарядного мужчину, в котором он сразу же узнал отца, но тоже не решался почему-то подойти к нему.

– А мне показалось, для Вани штаны-то, тёплые, нарядные, откуда мне знать, мы в столицах не проживаем, – бормотала бабушка, ловко меняя внуку штаны. Ваньке было неловко перед гостями, но он терпел.

– Ваня, иди ко мне, – раскрыл объятия отец, но Ванька подбежал к деду и уселся рядом с ним, поглядывая на отца. Отец помрачнел.

– Давайте ещё выпьем, – Антон Иванович поднял стопку: – за понимание!

Взрослые опрокинули по стопке, закусили.

– Ты вот про свою хорошую жизнь в Чебоксарах рассказываешь, а я так думаю; надо вам к родителям поближе быть, к сыну, – продолжил разговор Антон Иванович, обняв Николая. – Эх, сержант, я тоже ещё недавно полком командовал, заместителем начальника Витебского гарнизона был! – поднял он палец и снисходительно погладил Николая по лысине: – так-то вот.

Николай не выносил панибратского обращения, скинул руку соседа:

– Я давно уже не сержант, художник, а ты не командир полка, пенсионер, – напрягся он. – Ещё раз погладишь по голове, в лоб дам.

– Но-но! Как ты со старшим по званию, заслуженным человеком разговариваешь! Я не позволю!..

– Давайте лучше споём, чево попусту языки чесать, – попыталась, было, вмешаться бабушка, но расходившиеся вояки уже сцепились друг с другом, видимо, вспомнив свои былые подвиги.

Дед встал и, как старый партизан, попытался разнять бывших фронтовиков, но получил локтем по лицу и упал. Общими усилиями порядок был всё-таки восстановлен, но гости вскоре ушли. Праздник был испорчен.

Мать выговаривала отцу в передней, дед мрачно курил самокрутку, выбросив трубку под стол, а бабушка повела возбуждённого внука в спальню, ему давно уже пора спать...

Наутро Ванька вскочил рано и, памятуя о вчерашнем, выбежал на кухню, где опохмелялись дед с отцом, стучаясь стопками и хрустя малосольными огурцами с капустой. На столе дымил паром самовар.

– Извини, тесть, погорячились малость вчера, – сокрушался отец, поглядывая на вспухшую губу деда. Тот потрогал её, хмыкнул.

– Так мне и надо, дураку старому. Двое дерутся – третий не встревай, вот и получил. Хорошо ещё, глаз цел остался.

Ванька жалостливо поглядел на разбитое лицо деда, и сел за стол посреди них, чтобы никого не обидеть. Из передней вышла нарядная, как всегда, мать, бабушка подала на стол стопу свежее испеченных блинов со сметаной, мир был восстановлен, все принялись молча завтракать...

– Ну, сынуля, мы по делам пойдём, к моим заскочим, скоро придём, – пообещал отец, и они с мамой ушли, оставив расстроенного Ваньку наедине с дедом и бабушкой.

– Приехали, только мальчонку расстраивать, – бормотала бабушка, опасливо поглядывая на мрачного деда, дымящего козьей ножкой.

Ванька залез под стол и стал играть с трубкой, делая вид, что курит и затягивается при этом. Как взрослый.

– Бабушка, а когда родители уедут? – спросил он из-под стола.

– Я почём знаю, у них спроси, – ответствовала бабушка.

– А когда они снова приедут, на совсем?..»

– Ванюшка, вставай, – бабушка легонько трясёт разметавшегося во сне внука за плечо, – полпятого уже, али не пойдешь?

Ванька очумело вскакивает и, схватив в сенях удочку, выбегает из дома: увидев друга, копающего за сараем червей, рысью бежит к нему.

– Долго спишь, Емеля, – недовольно бубнит Васька и мальчишки, подхватив удочки и банку с червями, спешат вниз по переулку, к реке.

Пробравшись по плетням к тихой заводи, насаживают червей на крючки и, поплевав на них для верности, забрасывают в воду...

– Рано ещё, зря торопились, – бурчит Ванька, глядя на недвижно стоящие в заводи поплавки, освещённые первыми лучами солнца.

– Не проснулись пока наши рыбки, – согласно вздыхает Васька.

Ванька нетерпеливо меняет место и с надеждой закидывает удочку: поплавок поплыл в сторону и резко ушёл под воду, Ванька дёрнул и, блеснув в воздухе, рядом с ним упал растопыренный ёрш.

– Есть один, – счастливцев насаживает нового червя и через мгновение вытаскивает очередного ерша. Радости его нет предела.

– Мелюзга сопливая, – презрительно морщится друг, скрывая зависть.

Торжествуя победу, Ванька снисходительно глянул в его сторону и замер: поплавок на воде не было. – Дёргай!

Испуганный Васька рванул удочку: сверкнула на солнце большая, серебристая плотвичка, и упала в дрожащие от нетерпения Васькины руки...

Проводив глазами промчавшуюся мимо них моторку, рыболовы посмотрели на лениво закачавшиеся в волнах поплавки и разом вскочили:

– Хватит на сегодня, шабаш, – Ванька достал из воды кулан с рыбой и, полюбовавшись, опустил вновь, рядом с Васькиным.

– Ну что, рванём наперегонки?

Обгоняя друг друга и громко вопя для храбрости, мальчишки промчались по песчаному откосу и, подняв руки над головой, стали медленно заходить в холодную ещё с утра воду.

Неожиданно Васька обдаёт друга каскадом ледяных брызг и ныряет. Придя в себя, Ванька ныряет следом...

Переплыв речку, из последних сил мчатся по-над берегом к песчаной косе, стараясь не поцарапать ноги о камни и колючки.

– Песочек что надо, – стуча зубами от холода, восхищается Ванька, бросаясь на нагретый солнцем песок, и хохочет, глядя на посиневшее лицо друга. Раскинув руки, лежат, наслаждаясь теплом...

Из-за поворота буксир вытягивает на середину реки связку плотов.

– Глянь на нашу сторону, – вскидывается Ванька, и друзья с тревогой смотрят на пацанов из соседнего переулка, спешащих к плетням, где остались удочки и куканы с рыбой.

– Сопрут ещё, – вскакивает Васька и, скорчив страдальческую рожу, первым заходит в воду: – ну, холодна водичка, – трусит он, и тут на него обрушивается такой же каскад брызг, каким он недавно так неосмотрительно окатил своего лучшего друга.

Хватая ртом воздух, он мгновение смотрит на уплывающего Ваньку и с отчаянным криком бросается в погоню...

Ребята были уже на середине реки, когда плывшие по течению плоты мгновенно надвинулись на них, грозя раздавить, и они едва успели проскочить, как громадные брёвна пронеслись мимо, вспенивая воду.

К краю плота подбежал взбешенный мужик-плотогон:

– Жить надоело, сопляки чёртовы?! – орал он на перепуганных друзей, вылезающих на берег.

– Надо же, – дрожал от холода и страха Васька, – чуть не утопли.

– Здорово вы перед плотами рванули, как зайцы, – засмеялся загорелый дочерна паренёк. Пацаны захохотали, рассматривая добычу друзей.

Но те ещё не оправились от происшествия; подхватив удочки с рыбой и оглядываясь на ставшую страшной реку, они побежали домой...

Боровок с визгом носился по двору, радуясь неожиданной свободе.

– Борька, а ну марш домой! – сердилась бабушка, стараясь заманить его снова в сарай. Появившиеся в переулке рыболовы бросились помогать ей, тут во двор вошла весёлая почтальонша Валя, и всем гуртом они загнали Борьку в сарай; тот недовольно захрюкал, тычась пятакон в загородку и озорно поглядывая на мальчишек.

– Подрос, – одобрительно заметила почтальонша, – дядя Ваня дома?

– В сенях вон строгают, – и бабушка заторопилась вслед за ней в дом...

– Распишитесь, – почтальонша улыбалась, – с вас причитается.

– С чего бы это? – удивился дед, ставя в ведомости закорючку, но, взглядевшись, хмыкнул: – Глянь-ка мать, каку пенсию государство нам отвалило, едрёна корень, – он победно оглядел присутствующих.

– Неужто дождались? – обмерла бабушка, заинтересованно склоняясь над столом, но, опомнившись, махнула рукой: – будто понимаю чево.

– А всё туда же, смотрит, – трескуче засмеялся довольный собой дед, – 450 целковых огребать будем, жить можно.

– Это сколько набавили-то? – наморщила лоб бабушка, соображая.

– 240 рублей 75 копеек, – пришла ей на помощь почтальонша.

Измученная бабушка испуганно ахнула: – Небось, обсчитались?

– Всё верно. По новому положению надбавка всем пенсионерам, – разъяснила почтальонша. – Ещё вам перевод и письмо, получите.

– Теперь и помирать не надо, – бодрился дед, сворачивая козью ножку, пальцы его дрожали. – Как-никак пятьдесят годов стаж, да гражданскую посчитай, – объяснял он почтальонше, – сколько лет гроши платили, тудыттвою растуды! – и сердито запыхал сигаркой.

Бабушка укоризненно посмотрела на него и приняла от почтальонши пачку денег, подвинув к ней мелочь: – За труды тебе, Валя.

– Спасибо, тетя Дусь, – не обиделась почтальонша, пряча деньги.

– Небось, тоже не ахти много получаешь...

Ванька солидно хлебал щи и удовлетворённо поглядывал, как бабушка ловко потрошит его рыбу, кидая внутренности Мурке, жадно урчащей над лакомством. Не выдержав, подбежал к деду, внимательно читающему долгожданное письмо.

– Пишут, посылку пришлют к школе, – наконец объявил дед, откладывая письмо в сторону и с облегчением закуривая. – Придётся тебе, внук, здесь в школу идти, – он улыбнулся ободряюще: – оно и ладно.

Бабушка обрадованно засуетилась, захлопотала: – Счас ушицы сварю, рыболов-то наш как расстарался, на всех хватит.

– Не горюй, – успокаивал дед внука, – они обещались в гости приехать.

– Это ваши яблони, а это наши, – Васька пересчитал свои и заметил: – папа сказал, у вас больше, это несправедливо, надо всем поровну.

– Они зимой чуть не замёрзли, мы с дедом спасли. Всю ночь костры палили, понял? – Ванька ласково погладил дикарку, свято веря в сказанное.

– Дикая не в счёт, – небрежно отмахнулся Васька, – она ничья.

– Это моя яблоня, – нахмурился Ванька, – появятся яблоки, не дам.

– Больно надо кислятину есть, – Васька обвёл сад хозяйским глазом и нетерпеливо вздохнул: – Скорей бы вишня поспела, смородины охота.

– Эй, здорово! – из переулка к приятелям спешат Симак и Сашка длинный. Следом за ними появляется и Панька, радостно ухмыляясь. Никто не видит, как из калитки напротив высовывается соседская девочка, с любопытством наблюдая за сверхоживлёнными мальчишками. Ей страсть как интересно разузнать, чем же они занимаются в их саду?

Цыкнув в сторону Паньки слюной, Симак деловито огляделся:

– В картишки сразимся, пацаны, али в войнишку?

Ему не стоит на месте. Обняв доверчивого Паньку правой рукой за плечи, одновременно лягает его левой ногой по задку. Получивший пинок Панька недоумённо оглядывается под хохот старших товарищей.

Ванька пытается повторить, но у него не получается.

– Ноги короткие, – Сашка длинный встаёт рядом с Панькой и повторяет приём, за ним Васька, и вконец обиженный Панька отбегает от приятелей.

– Тра-та-та, пу-пу! – палит по ним из воображаемого оружия Симак и огорчённо вздыхает: – Счас бы из настоящего ружья стрельнуть.

Васька неожиданно срывается с места и вихрем мчится домой под насмешливые выкрики мальчишек: – Испугался? Штаны не потеряй!..

Не успели развеселившиеся приятели расположиться вокруг яблони, как вернулся запыхавшийся Васька и торжественно достал из-за пазухи сверкающий воронёной сталью пистолет:

– Папин, – он солидно щёлкнул затвором и опасно оглянулся на дом, – только он без патронов, прычет...

Взволнованные мальчишки сгрудились вокруг обладателя сокровища:

– Это тебе не поджиг, – оглянулся Симак на Сашку длинного. – «ТТ», – авторитетно изрёк длинный, – дай подержать.

Но Васька протянул пистолет другу: Ванькину руку приятно оттянула вниз тяжесть личного оружия. Он благодарно улыбнулся и, входя в образ командира, имеющего настоящий пистолет, строго оглядел всех:

– Будем играть в войну. Я командир, Васька – мой солдат, все остальные фашисты. Ясно?

– Дай сюда! – и Симак лишил Ваньку командирского отличия.

Ясность внёс Васька, хозяин положения: – Пистолет мой, значит я командир. Ванька – мой солдат, а дальше он всё правильно сказал.

– Не хочу я быть фашистом, – заныл, было, Панька, но получил от Симака внушительную затрещину и замолк, преданно глядя на старших.

– Ванька, за мной, ура! – что было силы, заорал командир, и помчался в сад, сконфуженный солдат за ним...

Снова никто не видит, как соседская девочка осторожно выглядывает из-за деревьев, подглядывая за такими интересными мальчишками-выдумщиками. Ей так хочется знать, что же будет дальше?..

Фашисты как в воду канули. Настороженно выглянув из-за кустов, красноармейцы опасливо двинулись в наступление: впереди Васька с пистолетом наготове, за ним Ванька, с надеждой поглядывая на боевое оружие. Он знал, что враг силен и коварен, разумеется, кроме Паньки.

– Хальт! Хенде хох! – заревели из кустов фашисты, выскакивая на поляну с дубинками в руках и окружая оторопевших красноармейцев. Но положение обязывало, и друзья с отчаянной отвагой ринулись в бой.

Командиры сцепились в смертельном поединке: Симак ухватил рукой Васькин пистолет и силился обезоружить красного командира. Васька в ответ наступил ногой на его дубинку и, обхватив фашиста за шею, свалился вместе с ним в заросли крапивы, густо разросшиеся у забора.

Сашка длинный норовил помочь Симаку и отнять пистолет.

Оставшись без грозного противника, Ванька кинулся на перепуганного Паньку. И тот, получив оплеуху, прижался спиной к дереву. Он стоял, утирая обеими руками обильно струящиеся по лицу слёзы, и готовясь зареветь на всякий случай.

А Ванька ринулся в общую свалку у забора. Победа клонилась то в одну, то в другую сторону. Но вот Сашке удалось-таки изъять пистолет из цепких Васькиных рук, что-то щёлкнуло, раздался громкий выстрел, и пуля, взвизгнув рядом со сражающимися мальчишками, воткнулась в дерево прямо над головой застывшего в испуге Паньки.

Все ошолбенели.

Первым опомнился Симак и подбежал к дереву с Павлом.

– Вот она! – нашёл он пулю, глубоко ушедшую в ствол дерева. И восхищённо огрел многострадального дружка по плечу. – Ну, ты, брат, молоток! Геройский пацан, не испугался.

– Ещё бы чуток, и прямо в лоб! – констатировал происшедшее Сашка длинный, возвращая грозное боевое оружие взъерошенному владельцу.

Тот недоумённо осмотрел оружие, вытащил пустую обойму, и предъявил всем на обозрение. Пацаны уже с опаской разглядывали пистолет.

– Пуля-то в стволе была. Ты же сам затвор передёрнул и загнал её в ствол. Значитца, один патрон в обойме оставался. Обмишурились вы с папашкой. Эх ты, а ещё командир, говоришь! – обычно немногословный Сашка поразил своими познаниями в обращении с оружием приятелей.

Только теперь до Паньки дошло, что его могли убить и, перепуганный насмерть, он со страшным рёвом умчался домой под защиту матери. За ним неслась не менее перепуганная девчонка, возмущив своим появлением остывших было бойцов. Откуда только она взялась, проныра?

Спустя мгновение со стороны дома донёлся приближающийся грозный рёв; размахивая хворостиной, в сад спешила Панькина мать, жажда отомстить за обиженного хулиганами сына.

Мальчишки прыснули в разные стороны: попробуй, догони ветер...

– Парашютистов немецких прямо у пещер сбросили, хотели завод военный взорвать, бой был страшный! – Ванька вскочил и оглядел друзей, развалившихся на склоне большой впадины, на вершине холма; далеко вокруг раскинулись дома, сады и огороды родного подгорья.

– А город наш как начали юнкеры бомбить, думаете, это простая яма? – обвёл он рукой впадину, – сюда фугаска немецкая угодила.

– Ты-то почём знаешь? – перебил Симак, с сомнением оглядываясь.

– Дед рассказывал. А ещё говорил, будто в пещерах разинцы клад зарыли, до сих пор не нашли. Сходим туда, заодно окопы с блиндажами посмотрим, может, найдём чего? – вдохновлённые его страстной речью, друзья повскакали с травы, готовые немедленно отправиться в путь.

– Да были там пацаны, патронов набрали, – вспомнил Сашка, снова опускаясь в траву. – В костёр заложили, пули как начали летать, чуть не уколошили всех. Одному малому пальцы на руке оторвало, напрочь.

Через огороды к ним бежал Панька, ещё издали заискивающе улыбаясь.

– Сексот явился, – презрительно сощурился Симак, и цыкнул в него.

– Кончай плеваться, – миролюбиво огрызнулся Панька, присаживаясь.

– Может, у братана лодку попросишь? – осенило Сашку, – сплаваем.

– А што, – обрадовался Симак, – под парусом как рванём, и клад наш будет! Замётано. Чем бой-то кончился, Ванёк?

– Наши кого ухлопали, кого в плен взяли, – закончил свой рассказ Ванька. – Дед говорил, пленные фрицы траншеи под городской водопровод рыли, да перемёрли от голода, самим есть нечего было. За нашим кладбищем ихнее находится, немецкое.

Из кустов донеслись звонкие птичьи диалоги, привлекая внимание.

– Глянь, пацаны, щегол! – вскинулся Симак. – Чур, мой будет.

– Сначала поймай, потом хвались, – остудил его порыв Сашка. – Вот картошку уберут, тогда на пашнях лафа будет, лови – не хочу.

– А я синичек люблю! – загорелся новой идеей Ванька и увидел появившегося в огороде Васькиного отца: – Васька, беги, отец идёт!

Перепуганный Васька вскочил и, увидев отца, грозно смотревшего в их сторону, обречённо затрусил к нему, предчувствуя взбучку.

– Пистолет не потеряй, командир! – засмеялся Симак ему вслед.

По тропинке, громыхая ведрами, спешили дед с бабушкой, и Ванька тоже вскочил: – Побегу, огород поливать надо...

Панькина мать торопливо зачерпнула воды из колодца и потащила ведро между грядками, хлеща из кружки направо и налево, Панька тоже старался не отставать от матери и лил воду прямо из ведра.

– Ишь, торопятся, – пробурчал дед. – Не надорвись, соседка!

– Как-нибудь управимся, – загремела она быстро опустевшим ведром.

– Воду экономить надо, так всем не хватит...

Ванька вместе с дедом и бабушкой тщательно поливал огурцы, помидоры, поглядывая на друга; Васька старался изо всех сил, искупая вину. Его мать с трудом наклоняла дородный торс и аккуратно лила воду из лейки, орошая грядки с зеленью.

Отставив в сторону ведро, выпрямился Васькин отец:

– Иван Яковлевич, – деловито, по военному обратился он к деду, – я тут всё посчитал, измерил. У вас больше земли, и деревьев тоже, плодовых кустов, а полагается всем поровну.

– Земли всем хватит, – усмехнулся дед, – бери вон и разрабатывай.

– Я имею в виду пашни, – нетерпеливо возразил Васькин отец.

– И я о том толкую. Свои пашни я своими руками вскопал, и сад этот вырастил, а ты только приехал, сразу делить собрался.

– Есть план приусадебного участка, где указано, кому и сколько полагается земли, так что наделы придётся распределять заново, – ехидно улыбнулся Васькин отец.

– Ты мне рожи не корч! – рассердился не на шутку дед. – Сначала вырасти хоть одно дерево, потрудись для общей пользы, потом делить будешь. До вас тут Фроловы жили, так мы всем домом урожай собирали, потом делили вёдрами. И все были довольны, в отличие от тебя.

– Вы не имеете права так разговаривать, я заслуженный офицер, подполковник, – вскипятился и Васькин отец. – Я этого так не оставлю!

– У тебя, как я погляжу, целых два чина – дурак да дурачина!

– Безобразие! – загремела на весь огород Васькина мать. – Они ещё и оскорбляют. Как миленькие потеснитесь.

Панькина мать схватила свои вёдра и вместе с сыном спешно ушла от греха подальше, хотя её так и подмывало вмешаться в скандал.

– Хосподи, было бы из-за чего ссориться, – укоризненно заохала бабушка. – Двадцать лет с соседями мирно жили, душа в душу, всем хватало. Делите, ежели так вам приспичило.

– Пусть поработают сперва, – не отступал дед, провожая взглядом удалявшуюся семейку. – Я старый партизан, нас криком не испугаешь. Ванюшка, шабаш, – махнул он рукой и пошёл домой вслед за бабушкой.

– Сейчас, руки сполосну, – Ванька присел на корточки у колодца и потянулся к воде; ноги его скользнули по раскисшей земле, и он вниз головой нырнул в узкий колодец, не успев вскрикнуть...

А от дома бежал Васька. Вот он уже у колодца и, схватив друга за дёргающиеся ноги, вытянул вверх; весь мокрый, дрожа от озноба и пережитого ужаса, Ванька вместе со своим спасителем побрёл к дому...

– Батюшки-светы, что с тобой? – бабушка без сил осела на табурет.

– Я смотрю из окна, а он бух в колодец, одни пятки торчат. Ну, я тогда побежал и вытащил его, – обстоятельно объяснил Васька.

– Болезный мой, в родном огороде чуть не утоп, – запричитала бабушка, обнимая внука. – А ты, старый хрыч, зачем мальчика одного оставил?

Расстроенный дед озадаченно развёл руками.

– Васеньке спасибо, спас друга, – бабушка ласково погладила Ваську по голове, – ты заходи к нам почаще, не стесняйся.

– Извините, мне домой пора, – спохватился Васька и ушёл.

– Стары мы стали, рази уследишь за ним? Пущай родители приезжают да дома живут, – ворчала бабушка по привычке, усаживая переодевшегося внука за стол, и загремела посудой, пытаясь успокоиться.

– Счас чайку попью, и баиньки. Завтра в город пойдём, к деду в столярку, за стружками да опилками. Может, обрезков каких наберём, всё для зимы пригодится, чать никаких денег на дрова-то не напасёшься.

Ванька притих за столом, и послушно пил горячий чай, слушая бабушку и стараясь не вспоминать о случившемся...

Панькина мать привязала козу верёвкой к колышку и выпустила из своего сарая стайку кур:

– Цып-цып, – она ловко схватила зазевавшуюся курицу и понесла к крыльцу, около которого замерли в ожидании мальчишки.

Схватив топор, отрубила ей голову прямо на ступеньке; голова отскочила в траву, мигая, а сама курица промчалась несколько шагов по двору и завалилась на бок, трепыхая крыльями.

Панькина мать подняла её за лапы и понесла в дом. Панька за ней.

Ванька растерянно огляделся и, схватив палку, подбежал к козе, настороженно смотревшей на него злыми глазами. Размахивая палкой, он стал дразнить её, и коза заметалась на верёвке, пронзительно блея от злости.

– Ванька, брось сейчас же! – запыхавшаяся бабушка схватила озорника за руку, и в это время из двери выскочила Панькина мать:

– Тётя Дуся, у неё же молока не будет! – заорала она возмущённо.

– Ах ты, поганец этакий, – бабушка сердито потащила внука в калитку: – пошто безобразишь, перед соседями позоришь на старости лет?

– А зачем она курице голову отрубила? – упирался Ванька.

Бабушка в недоумении остановилась: – Жаль стало? Ты же мясо ешь.

– Больше никогда не буду.

– Эх ты, аника – воин, привыкай к жизни, то ли ещё увидишь...

Поднявшись в гору, они вышли на улицу. Мимо прогромыхала деревянными бортами старая полуторка, окутав их пыльным облаком.

Бабушка заботливо стряхнула пыль с матросского костюма, из которого явно вырос Ванька, и увидела бредущую навстречу нищенку:

– Здравствуй Поленька, как здоровьице? – она достала из кошёлки кусок пирога и подала ей.

– Жива пока, – обрадовалась подношению нищенка. – Вот спасибо, так пирожка с утра хотелось. Уважила старуху, бог тебя в беде не оставит, он видит добрых людей-то, – и, бормоча про себя, она побрела дальше.

– Почему она побирается, бабань?

– Жизнь тяжкая сложилась: муж, дети в войну погибли, вот и тронулась умом, – сочувствовала бабушка, – шатается по городу, места себе не находит, всё их ищет. И фамилия у неё Шатина, чудно.

Они прошли мимо витрины магазина, в которой отразилась бабушкина сгорбленная фигура, смешно размахивающая руками, следом гордо проплыла Ванькина, стройная и неотразимая...

– И мне нищенствовать довелось, – продолжила разговор бабушка, – с тех пор ноги и болят, застудила. Хлебнула горя, не дай бог никому такого.

– Ты просила милостыню? – возмутился внук.

– Родители-то мои, царствие им небесное, померли перед революцией, вот и пришлось скитаться, горе мыкать. Пока дедушка твой не встретил меня, он и пожалел сиротинку, в жёны взял. Я ведь тогда совсем молоденькая была, на двадцать годков млаже Иван Яковлича.

– Бабуля, а баба Груня тебе кто? – вспомнил вдруг Ванька.

– Невестка, – усмехнулась бабушка, – жена моего брата Митрия. Давно его не видела, в Являях проживает, в районе, стало быть, – пояснила она внуку. – Чать не ближний свет, да он и старый совсем стал. Ему, поди, за восемьдесят стукнуло, где уж тут разъезжать по белу свету.

– А Славка с Юркой мне братья?

– Троюродные, родня. Их матери, Лида с Аннушкой, племянницами мне доводятся, твои тётки. Што, повидать охота? Придут как-нибудь.

– А баба Груня как треснет их по затылку! Когда они по переулку к нам спускались. Почему она такая плохая, злая, как волк?

– Жизнь тяжёлую прожила, да и характерец у неё, не приведи господь.

Неподалёку от магазина с витринами сидел широколицый сапожник-китаец, призывно размахивая щётками.

– Садись, обувка чистить надо, мал-мало. Грязный нельзя таскать! – зазывно улыбался весёлый китаец, приглашая к себе прохожих.

Ванька смущённо покосился на свои босые ноги и гордо отвернулся.

– Бабушка! Внуку ботинки давай покупай, босой нельзя ходить, – не отставал китаец, улыбаясь бабушке с внуком узкими щёлками глаз, и похотливо оглядывая бабушку.

Ванька вконец рассердился. Как может этот наглый китаец так смотреть на его старенькую бабушку. Он схватил бабушку за руку и потащил прочь от противного китайца, хихикающего им вслед.

Они вошли во двор большого кирпичного здания, и подошли к деревянному барaku с открытыми настежь воротами...

Внутри строения грохотали станки; увидев деда, Ванька бросился к нему и, споткнувшись, растянулся на полу. Скрывая боль, подбежал.

– Ух, ты, сколько всего, – забыв обо всём на свете, он восхищённо разглядывал инструменты у деда на верстаке.

– Нравится? – одобрительно хмыкнул дед, – помоги вон бабушке.

И Ванька стал помогать ей, запихивать в большой дерюжный мешок стружки, обрезки досок, брусков, упрасывая:

– Можно, я с дедом останусь, бабуленька?

– Пусть остаётся, – разрешил дед, – я пригляжу за ним, не бойсь.

– Как вчерась у колодца? – ворчливо напомнила бабушка, но перечить не посмела. Взмалив на плечо мешок, строго посмотрела на внука и ушла, а дед протянул Ваньке ножовку и брусok:

– На, попили пока, и я поработаю. Лады?

– Дядя Вань, сегодня получка, не забыл чай? – подмигнул деду весёлый парень, подтаскивая к соседнему верстаку длинные доски...

– Мы с ребятами к пещерам пойдем, клад искать, – хвастался внук, стараясь шагать в ногу с дедом, тот одобрил:

– А што, слетайте. И то дело.

– Дед, там бабушка наша молится? – показал Ванька на церковь, стоявшую неподалёку от базарной площади.

– Раньше молилась, – дед остановился закурить, – музей это теперь, об истории города, всего края. Помнишь, я рассказывал тебе?

– А там что? – теперь Ванькино внимание привлекла стройка.

– Завод воздвигают. Вот вырастешь, работать на нём будешь.

– Я подвиг хочу совершить, только не знаю какой. Война-то давно кончилась, – Ванька с надеждой посмотрел на всезнающего деда; может быть, он подскажет ему, что делать?

– Работать надо добросовестно, жить честно, это и есть подвиг.

Ванька недоверчиво ухмыльнулся, но спорить не стал.

Мимо них по дороге промчалась ватага полупьяных безногих инвалидов на тележках. Возглавлял движение бравый ражий инвалид в выдавшей виды солдатской форме. На груди его бренчали медали и ордена. За ними поспешали инвалиды на ходу, то есть с одной ногой на костылях, в протезах, и безрукие. Те спокойно шагали позади.

– Куда это они торопятся, дед, кто они?

– Инвалиды войны. К винному спешат. Сегодня же зарплата у рабочих. Гулять будут, – глаза деда жалостливо посуровели.

– Разве можно инвалидам вино пить?

– Им можно. Это они от обиды, от безысходности. Да што там говорить зря, – дед безнадёжно махнул рукой. – Тут и с двумя ногами не знаешь, как прожить. Тудыттвою растуды, ети их в дышло...

Дед с внуком какое-то время прошли молча, думая каждый о своём.

– На этой площади я бабушку твою когда-то встретил, – глаза деда потеплели, – смотрю, идёт себе...

– Как Поля Шатина?

– Получше, да и помоложе была, – усмехнулся дед. – Ну и шутник ты, Ванька, как я погляжу. Пойдём, заглянем, раз разговор зашёл, – и он повёл внука к церкви-музею.

– А бабушка где теперь молится, там, где мы с ней были?

– Да. Храм их божий там, у базара, – махнул дед рукой куда-то назад, и они подошли к двери с вывеской: «Алатырский Краеведческий музей».

– Санитарный день, – прочитал дед после того, как несколько раз сильно рванул запертую дверь. – Посмотрели, называется, ёкарный бабай, пошли отсюда.

И он решительно зашагал к ларьку, возле которого толпились мужики...

– Ну-ка Варя, налей сто пятьдесят да с прицепом, – мигнул он румяной буфетчице, потирая руки.

– Морячок-то внук твой, Иван Яковлич? – кивнул на Ваньку пожилой лысый мужик, сдувая с кружки пену.

Дед лихо опрокинул стакан под усы и кивнул утвердительно, тоже сдувая пену со своей кружки.

– Хочешь? – мужик протянул Ваньке кружку, и тот стал браво хлебать горькое пиво, стараясь не ударить лицом в грязь перед мужиками.

– Будет, – оттолкнул кружку дед, хмурия брови, – мал ещё. Негоже, Степаныч, – укорил он лысого мужика, тот рассмеялся:

– Пусть привыкает, пригодится в будущем.

– Безобразие! – пробасила проходившая мимо Васькина мать.

– Своё учи, – откликнулся дед, глядя на торчащие из её сумки белые головки, и понимающе ухмыльнувшись.

Немного в стороне гомонили прибывшие ещё раньше них инвалиды. Время от времени кто-то из мужиков у ларька протягивал им, то кружку пива, то стакан с водкой, и тогда инвалиды оживали – пьяные, горластые, дикие и жалкие одновременно, потерянные.

– Алёша, ты чо сегодня, не в духе, али не в форме? – обратился к бравому безногому инвалиду в тележке один из мужиков.

– Попробуй-ка ты так покататься изо дня в день, – выступил в поддержку инвалида другой мужик, – посмотрю я на тебя через недельку. В какой ты форме будешь, гусь лапчатый.

Все вокруг, включая инвалида, засмеялись.

– Лексей! Уважь обчество, исполни концерт. Уж мы не обидим, – громко попросили из толпы.

– Конешно не обидим, не сумлевайся! – оживились вокруг, с интересом обращая взоры на инвалида: – Просим, Алёша! Давай-давай, не кобенься!

– А может, он устал сегодня, не в силах? Чо пристали к человеку?

– А ты помалкивай! Тебя не спросили...

Алексей-Алёша обвёл взглядом, снизу вверх, толпу ожидавших его решения мужиков, и мутота в его глазах сменилась озорными огоньками.

Все поняли, что концерт будет.

– Тихо вы, угомонись пока! – настала та тишина, какая только возможна у винного ларька в день получки.

Алексей-Алёша прикрыл глаза, сосредотачиваясь, затем приподнялся в тележке своим могучим торсом, насколько возможно, упёрся мохлястыми ручищами в деревянные ручки-колодки и, оттопырив зад, громко и чётко пропердел Гимн Советского Союза: целый куплет да с припевом.

Иссякнув, откинулся назад, отдыхая.

Мужики почтительно прослушали концерт, затем один из них поднёс артисту полный до краёв гранёный стакан водки, другой – кружку пива. Все с уважением проследили, как он аккуратно выцедил водку и осушил кружку пива. После этого зааплодировали.

– Спасибо, Алёша, уважил, так уважил! – умилился один мужичок.

– Сроду такого не слыхивал! – изумился другой, помордастей.

– А мы иногда слушаем, – похвалился третий, ражий.

– В день аванса и получки! – вокруг захохотали. В руках у инвалидов появились новые кружки с пивом, стаканы с водкой...

Отсмеявшись, дед попрощался с мужиками, взял Ваньку за руку и они, пошатываясь, пошли домой. Ванька оглянулся, чтобы ещё раз посмотреть на необыкновенного инвалида Алёшу и увидел, как тот, уже пьяный в лоскуты, размахивал руками, кричал что-то, затем вывалился из тележки в грязь и захрапел на всю Старо-Базарную площадь...

В голове у Ваньки шумело, он глупо ухмылялся и, подражая деду, тоже шаркал ногами и лихо сплёвывал, засунув руки в карманы. Споткнувшись, осерчал, как дед: – Тудыттвою растуды, ёкарный бабай!

Дед покосился на него и, затоптав сигарку сапогом, пошёл ровнее. Ванька с сожалением посмотрел на раздавленный окурочек и представил, что затягивается сигаркой, как дед. Получалось у него неплохо...

По двору разносилось Борькино чавканье. Ванька утёр пот и с силой потянул пилу на себя – от себя, стараясь не осрамиться перед дедом.

– Не рви пилу, плавно тяни, – усмехнулся дед, и они стали пилить. Наконец, чурбак упал в траву рядом с козлами, а дед с внуком принялись за следующий. Но Ванькины руки уже еле двигаются, держась за ручку.

Из сарая вышла бабушка с пустым ведром из-под помоев.

– Ну, што, пьяницы, утомились?

– Отдохни пока, в сад сбегай, – пожалел дед запарившегося внука, и бабушка заступила на Ванькино место; пила в их руках послушна и проворна, она весело звенит и поёт, роняя в траву жёлтые опилки, и Ванька невольно залюбовался, глядя, как они неторопливо и ладно пилят дрова.

Затем его внимание переключилось на сарай с Борькой...

– И не стыдно тебе, напоил мальчика, сраму-то от соседей, хоть на улицу не выходи, – втихомолку корила бабушка деда.

– Хватит, лесопилка на дому! – в сердцах бросает пилу дед и устало выпрямляется: – Што то нехорошо мне нынче.

– Ещё бы! – тоже злится бабушка, складывая чурбаки в кучу. – Осень на носу, а дел непочатый край; дрова на зиму заготовить, огород убрать, картошку в подпол ссыпать, не пере-честь...

– Здравствуйте, – вежливо улыбнулся Васькин отец, выходя из дома.

– Чего это он, как лис? – удивился дед, принимаясь колоть чурбаки.

Бабушка промолчала, укладывая поленья у сарая в ровную поленницу...

В калитку вошёл, столкнувшись с Васькиным отцом и покачиваясь, расхристанный вдрызг сосед. Широко улыбаясь, он расхлябанной походкой направляется напрямик к бабушке с дедом.

– Ещё Саньку этого черти несут, прости хосподи, – бормочет бабушка. – Ты уж не обижай его. Пьяница и есть пьяница, што с него взять.

– Ништо, – хмурится дед, бросая топор. – Пойду в дом, перекурю.

– Иван Яковлевич! Куда ж ты, постой, поговорить надо! – дед захлопывает дверь перед самым Санькиным носом, но тот не обижается. Разглядев деда в окне, он принимает воинственную позу и, согнув жилистую руку в локте, показывает свои худосочные мускулы, дразнит деда:

– Видишь, Яковлевич, силушку богатырскую? Я старый бурлак, двадцать лет лямку тянул, понял ты, или нет? Эх, жисть наша пропащая!..

Дед курит у окна, терпит. Ваньке стало скучно, и он убежал в сад, пропустив самое интересное и страшное.

Сосед совсем разошёлся, стараясь привлечь внимание деда. Он был обижен и раздосадован, потому и не увидел, как дед выбежал из кухни.

– Зарублю! В бога, в крест, в мать твою ... – выскакивает дед из сеней, хватая топор, но хвастуна и след простыл: Санька мчится вверх по переулку, зная крутой дедушкин нрав, а вдогонку ему бухает об калитку топор.

Встревоженные собаки бросились облаивать беглеца из-за заборов.

– Ох, хосподи! Богохульник, чево творишь? Ещё угробишь Саньку-то, грех на душу, рази можно? – стенает бабушка, забыв о дровах.

– Ништо, одним дураком меньше будет, – успокаивается дед. Отыскав топор в траве, снова принимается колоть чурбаки...

– Бабуля, дедуля, волк идёт! – из переулка к ним бежит вездесущий перепуганный внук, заполошенно оглядываясь, будто и впрямь его преследуют волки.

– Какой волк? – недоумевает бабушка, выронив из рук поленья.

Завидев входившую в калитку бабу Груню с внуками, дед усмехнулся:

– А вон идёт, не видишь разве? Ну и внук, метко окрестил твою родню.

– Бог в помощь вам, работнички, – пробасила баба Груня, оглядывая поленицу хмурым взором. – Дровишки на зиму заготавливаете?

– Куды ж деваться-то, надо, пока тепло, – дипломатично ответствовала бабушка, тоже не особо обрадовавшись неожиданным гостям.

– Подите вон с братцем побегайте, нечево тут со взрослыми околачиваться, кому говорю? – прикрикнула баба Груня на своих внуков, и они послушно отбежали в сторону, переключив своё внимание на Ваньку.

– Сейчас керосинку разожгу, чайник поставлю, – засуетилась бабушка, – чайку попью, передохнём малость. Пошли в дом, Груня.

Дед присел на чурбак перекурить, а мальчишки понеслись в сад по своим неотложным делам ...

Остановившись на тропинке возле Васькиного огорода, Ванька показал братьям необычные для их мест помидоры, желтеющие и краснеющие во множестве на больших помидорных кустах с подпорками.

– Дамские пальчики называются, – сообщил он доверительно, и мальчишкам страсть как захотелось отведать этих пальчиков.

Оглядевшись вокруг, они осторожно пробрались на чужой огород и стали жадно обрывать помидоры, тут же пробуя их на вкус: помидоры как помидоры, ничего особенного, кроме продолговатой формы, в отличие от обычных, круглых, привычных для глаза.

– Так себе, у нас лучше. Бычье сердце называются, большие и сладкие, не то, что эти пальчики, – Славка пренебрежительно скривился и отбросил надкусанный овощ в кусты. Юрка тоже, Ванька последовал примеру братьев.

Мальчишки стали выбираться назад, лавируя среди посадок.

– А ну марш отсюда! Кто вам позволил по чужим огородам шастать? – заорала Васькина мать, внезапно появившись на тропинке.

Любители приключений рванули через огороды, подальше от грозной тётки, напугавшей их до смерти, а Васькина мать ещё долго наводила порядок среди любых её сердцу помидорных кустов...

Сад буйно разросся, заматерел, налился яблоками и грушами, спелые вишни сами просятся в рот, и Ванька рвёт и ест их вприкуску с хлебом. Наткнувшись на верёвку, он удивился: верёвка разделяла сад, преграждая путь на чужую половину, где стоял Васька и тоже лакомился вишнями, снисходительно поглядывая в сторону друга.

– Зачем повесили? – рванул, было, верёвку Ванька, не тут-то было.

– Папа сказал, для порядка: это ваше, а это наше, – пояснил Васька ещё более снисходительно и потянулся к ветке, усыпанной ягодами. Потеряв равновесие, тоже ухватился за верёвку...

– Это наша ветка! – сердито заорал Ванька. – Не видишь разве?

Васька посмотрел и, убедившись, что дерево, с которого спускалась на их территорию ветка, стоит на Ванькиной половине, отпустил ветку.

– Мама говорила, как ты с дедом водку пьянствовал, – хихикнул он.

– Дед после получки выпил, а твои родители каждый день за забор держатся, когда по переулку спускаются, – не остался в долгу и Ванька.

– Скучно им. Мы в большом городе раньше жили, а здесь...

– Ну и проваливайте отсюда, раз вам скушно, – разъярился вконец Ванька и схватился за палку. Друзья настороженно замерли, готовые к схватке, но тут над ними заворчал, разом потемнело, и крупные тяжёлые капли застучали по листьям, голове, спине, разгулявшийся ветер ворвался в сад и Васька не выдержал, с позором ретировался...

Ванька отбросил палку и, отыскав конец верёвки, развязал узел и забросил верёвку в кусты подальше. Над головой сверкнула яркая молния, воздух раскололи оглушительные раскаты грома, и только теперь пошёл сильный ливень.

Удовлетворённо оглядевшись, Ванька побежал домой и ворвался в сени, где стояла бабушка и набожно крестилась при вспышках молний:

– Свят-свят, с нами крестная сила, спаси и помилуй, царица небесная. Промок-то как, – заволновалась она, – так и заболеть можно.

– Бабань, Васькин отец верёвку в саду протянул, сад наш разделил, – торопился рассказать Ванька, – а я взял её, оборвал, и выбросил.

– Хосподи, как бы опять какого скандалу не получилось, – забеспокоилась бабушка. – Деду не говори, осерчает. Прихворнул он, лежит, – она выглянула на улицу: – Прошёл дождик, как в сказке стало, благодать...

Туча погромыхивала уже далеко за лесом, вокруг сиял посвежевший сад, огороды, запели примолкнувшие, было, птицы. И снова могучая симфония природы захватила Ваньку и понесла, словно на крыльях; шлёпая по лужам, он промчался в сад и стал носиться вокруг дикарки...

Опустившись на корточки, разгрёб мокрую траву и обнаружил кипучую жизнь: вот кузнечик испуганно скакнул в сторону и застрекотал, муравьи карабкаются по стебелькам, пёстрый солдатик мчится, не разбирая дороги.

Ванька поднял голову и сквозь листья яблони увидел бездонное небо...

Подбежавший Дружок лизнул его в щёку, и Ванька вскочил, радостно улыбаясь. Неподалёку стоял Васька и примирительно поглядывал на него.

– Ты не думай, я просил папу, чтобы он верёвку не вешал, разве он послушает, – Васька виновато потупил свою белобрысую голову.

– Да выбросил я её, – сознался Ванька и весело засмеялся, глядя на опрокинутое лицо друга. – Побежали купаться?..

Друзья выскочили к реке уже вместе с Панькой, пронеслись по песчаной косе и бросились в воду под оглушительный лай Дружка, который тоже решил искупаться и, медленно войдя в воду, поплыл к мальчишкам, судорожно перебирая лапами и прижав уши к голове.

Откуда ни возьмись, появились слепни и яростно налетели на них.

– Ныряй! – Ванька свечкой ушел на глубину, за ним остальные...

Слепни покружились над пустынной водой и разочарованно улетели: тут же словно мячики выскочили на поверхность мальчишьи головы, наблюдая за улетающей во всю прыть собакой, которая неслась от жалящих её слепней к переулку. Вот она благополучно скрылась под их одобрителные крики.

– Смотри сюда! – Ванька снова нырнул и через мгновение вынырнул, показывая друзьям чёрный донный песок, – со дна достал.

– И я достану, – тут же ныряет Васька, а Панька нерешительно суетится у берега и, якобы замёрзнув, выходит из воды, громко стуча зубами и сотрясаясь то ли от холода, то ли от страха...

Полюбовавшись аккуратно уложенной возле сарая поленницей дров, дед проверил поросянка в сарае и собрался, было, уходить, но тут в переулке показался сосед – пьяница, обрадовавшийся деду во дворе. На сей раз, он был трезвый и выглядел смущённым. Подойдя к забору, обозрел для приличия новоиспечённую поленницу и окликнул деда:

– Здорово, дядя Вань! Ты тово, не серчай, опять чёрт попутал. Набрался сверх меры. Дак ведь с кем не бывает, верно?

– Ништо, – усмехнулся дед миролюбиво, – бывает. Мужик ты работающий, факт, хвастун только, балабол.

Удовлетворённый беседой, сосед пошёл дальше, а дед побрёл к завалинке, перекурить. В переулке показались мальчишки, бегущие домой. Они явно перекупались, и потому быстро разбежались по домам.

Ванька подбежал к деду: – Дед, ты чего в валенках? Лето ведь на дворе.

Он удивлённо смотрит на деда, сидящего на завалинке перед домом.

– Старый стал, кровь не греет, вот ноги и мёрзнут.

Из сеней выглянула бабушка тут как тут: – Может, врача вызвать, отец?

– Оклемаюсь, – дед с трудом встал и, шаркая валенками, вошёл в сени. Медленно прошёл мимо своего любимого верстака. Споткнувшись, едва перешагнул порог кухни. Постоял, весь запыхавшись.

– Помру скоро, мать, – он присел у стола и задумчиво посмотрел в окно: – тяжело тебе одной придётся...

– И чего удумал, – бабушка торопливо утёрла слёзы концами платка.

– Жить грустно, а умирать тошно, – невесело усмехнулся дед. Против обыкновения он не курил и тихо сидел у окна, словно гость.

– Давайте-ка ужинать, – оправилась от волнения бабушка.

– Не хочу, – буркнул Ванька и побрёл в спальню.

– Не захворал ли? – всполошилась бабушка, трогая у него лоб: – Так и есть, горишь весь, батюшки. Один помирать собрался, другой заболел, прям беда с вами, мужиками. Ложись-ка, милоч, – укутала она внука одеялом, – вот и хорошо, вот и ладно. Чайку согреть?

Ванька молчал, закрыв глаза и проваливаясь куда-то в небытие...

– Нехорошо тебе, – склонилась над ним бабушка, – прими таблетку.

Ванька морщится, запивая таблетку водой, и вновь дурмнящие волны охватывают его и несут куда-то всё быстрее и быстрее...

«– Хулиган! Вот я вас палкой, помидоры наши обрывать удумали? Воры, разбойники проклятые! Ты зачем нашу верёвку оборвал?! – вопила разъярённая Васькина мамаша, больно хватая Ваньку за ухо.

– Вот я вас с дедом в милицию, пьяницы несчастные!

– Дед выздоровеет, он вам покажет кузькину мать! – огрызнулся Ванька, с трудом вырываясь из её цепких ручищ.

– Это мы посмотрим, кто кого, – ярилась злобная фурия, – воров да хулиганов в школу не принимают. И родители твои никогда к вам не приедут, так и знайте»...

... В волнении Ванька проснулся, озираясь вокруг и прислушиваясь:

«От курева ты хвораешь, старый, бросать пора», – доносился с кухни ворчливый бабушкин голос, внушая, дед согласно кашлял в ответ, чиркая спичками, и Ванька успокоенно улыбнулся.

«А вдруг, пока я болею, ребята к пещерам уплывут без меня?» – мелькнула тревожная мысль, и он приподнялся, было, в кровати, но слабость окутывала его всего, словно ватой, и он снова лёг, стал смотреть в окно, где сквозь листву проглядывало вечернее предзакатное небо...

Четвертая глава

Осенние заботы

Ванька вышел в сени и, распахнув дверь, взял с верстака ножовку. Приладив на табуретке доску, стал пилить, не замечая вышедшего деда.

– Чего вскочил спозаранку? – хрипло спросил дед, прокашливаясь.

Ванька озабоченно продолжал пилить.

– Ловушку сделаю, синичку поймаю, – пояснил он, когда отпиленная часть доски упала на пол.

– Птицы вон всю распелись, а они всё дрыхнут, – ворчливым бабушкиным голосом выразил своё недовольство внук, стараясь казаться взрослым и самостоятельным.

– Чегой-то я, в самом деле, словно барин, – виновато хмыкнул дед и осмотрел шершавую доску: – ловушку, говоришь? Давай лучше эту приспособим, – и выбрал строганую доску, пошире.

– Разметить сначала надо, покумекать, что к чему, а уж потом пилить, – дед нашарил на верстаке карандаш, и они углубились в работу...

Вышла бабушка с полным ведром помоев и поспешила в сарай, откуда доносилось голодное похрюкивание...

Задев руками бабушкины веники, густо разросшиеся под окнами их квартиры, Ванька стремглав выбегает в сад и удивлённо оглядывается; как изменился он за последнее время, зарос буйной зеленью, расцвёл багряно-жёлтыми листьями, а среди яблонь хозяйничает Васька.

Его голова мелькает среди ветвей, между стволов, глаза зорко высматривают заветные плоды, руки неумолимо шарят в траве и листьях.

Ванька подбегает к ветвистой яблоне – апорт и, обхватив руками её ствол, что было силы, трясёт; разрывая листву, с шумом падают на землю спелые румяные яблоки.

Друзья с аппетитом хрумкают сочные плоды и выбирают про запас.

Обернувшись, Ванька увидел дикарку и обрадованно подбежал к ней; гордая красавица была вся усыпана маленькими жёлтыми яблочками. Ванька попробовал самое жёлтенькое, друг тоже, и мальчишки бросились набивать карманы дичками, повыбрасывая крупный сладкий апорт.

– Мировые яблочки, – восторгался Ванька, – а ты не верил, растяпа...

– Симак без тебя хотел плыть, – сообщал Васька новости между делом, – да Сашка длинный не согласился. Говорит, без Ваньки не пойдём.

– Длинный – настоящий друг, а мы с дедом ловушку сделали.

– Скоро в школу, не до птиц, – озабоченно вздохнул Васька.

Послышалось довольное хрюканье, и они увидели борова, гуляющего у дома на воле, на травке.

– Борька, ко мне! – закричал Ванька, и к Васькиному удивлению боров помчался к ним, словно собака; друзья почёсывали у него за ушами и он блаженно хрюкал, помахивая хвостиком-колечком.

Мальчишки побежали к дому, и боров стал гоняться за ними по двору.

– Наел загрибок, молодчага, – удовлетворённо похлопал Борьку по спине подошедший дед, под мышкой у него был зажат ящик: – пудов на шесть потянет, если не больше, факт.

– Вырос себе на беду, болезный, – вздохнула бабушка.

– Окорок славный получится, – согласился с ней дед, и показал встревоженному их разговором Ваньке ящик: – видал? Пойдём-ка...

– Посылку получил? – обрадовался внук и побежал за дедом домой.

На столе лежали; школьная форма, тетради, букварь, счётные палочки, касса, карандаши и ручки с перьями, новые ботинки.

– Портфель купите сами, так как в посылку он не помещается, слишком большой, – читает дед письмо, – ишь ты, сами...

– Я без портфеля в школу не пойду, – нахмурился Ванька, с интересом разглядывая целое богатство, присланное родителями специально для него, их сына Ваньки. И это мирило его с их отсутствием.

– Придумаем што-нибудь ... Скоро приедем в гости, – продолжает дед чтение, и тут его недовольство сменилось иронией, – ишь ты, в гости.

– Фланель, – одобрительно пощупала материю бабушка и приложила брюки к ногам внука: – штаны-то длинноваты, укорачивать придётся.

Ванька нахлобучил новую фуражку с кокардой и гордо приосанился.

– Хорош фрукт, – хмыкнул дед, засовывая письмо в карман, и нахмурился: – хочу тебя порадовать, мать. На днях инспектор заявится, за каждое дерево теперь платить будем, тудытт-вою растуды их в печёнку.

– Значит, правду болтали, а я не верила, – охнула бабушка и тут же обнадёжила сама себя, – небось, недорого посчитают, чай деревья не люди. Рази можно такое с людьми вытворять?

– Как знать, – покачал головой дед и встал. – Да, чуть не забыл. Нестерыч завтра придёт, так што готовь магарыч.

– Хосподи, может обождать ещё...

– Жди, не жди, а колоть надо.

- Кого колоть, Борьку? – испугался Ванька, забыв о фуражке.
- Это мы про другое толкуем, – успокоил его дед.
- Дед, попробуй, – Ванька вытащил из кармана заветные яблочки, – с нашей дикарки.

Их там полно.

– Для Борьки сгодятся, – попробовал дед и, сморщившись, выплюнул: – бабушку вон угости. – Он усмехнулся и, потрепав внука за вихры, вышел...

Сбивая кочки новыми ботинками, Ванька поднимается вслед за бабушкой по переулку; фуражка великовата и ему приходится то и дело поправлять её свободной рукой, другой рукой он тащит за ручку деревянный самодельный сундучок.

Они выходят на улицу, и в это время их обгоняют соседи; вся расфуфыренная, Васькина мать торжественно несёт огромный букет цветов, за ней едва поспевает сын в новой шерстяной форме и с блестящим ранцем за плечами. Окинув презрительным взглядом Ванькину фланелевую форму и неказистый сундучок, она фыркнула, схватила сына за руку и, раздуваясь от важности, прибавила ходу.

– Вот чешут, – Ванька был обижен невниманием друга. Сундучок оттягивал руку, и он с досадой поставил его на землю. – Не пойду я с сундуком в школу. Вон у Васьки ранец, а я хуже его?

Бабушка в ответ лишь молча вздохнула и, подняв тяжёлый сундучок, поспешила дальше. Как бы, не опоздать.

Ванька постоял, сердито глядя ей вслед, и бросился догонять.

Сопровождаемые взрослыми, со всех сторон к школе торопятся будущие ученики. Подгоняя отстающих, звенит школьный звонок...

Наконец, все собрались во дворе у дверей школы. Родители сбились в сторонке, наблюдая, как их детей учительница выстраивает в линейку.

Напротив первоклашек стояли десятиклассники, выпускники школы. В руках у них были подарки, приготовленные для этого торжества.

– Поздравляем вас с окончанием школы, желаем вам всего хорошего в вашей новой взрослой жизни, которая ждёт вас! – обратилась к ним директор школы, сдерживая волнение.

– А вас, дорогие первоклассники, с началом первого учебного года в вашей жизни! А теперь обменяйтесь подарками на память.

Выпускники вручали подарки первоклассникам, которые в ответ совали им свои скромные дары и смотрели на взрослых с немим восхищением.

Ванька вручил десятикласснице дорогую авторучку, присланную специально для этого случая матерью в посылке, и получил в ответ книгу Николая Дубова «Огни на реке».

Он в волнении прижал заветную книгу к груди, подхватил свой сундучок, подошедшая откуда-то сбоку бабушка всучила ему ещё букет цветов, и Ванька вконец растерялся, окружённый такими же взволнованными первоклассниками, как и он сам.

Звенит первый школьный звонок на урок и, подгоняемые им, будущие ученики спешат к дверям школы, сопровождаемые учительницей и взглядами своих родителей и близких.

Бабушка тоже подождала, пока её внук войдёт в двери и, успокоенная, пошла домой к деду, жаждающая рассказать ему о таком важном событии.

Сухопарая учительница в очках строго стучит указкой по заставленному цветами столу, призывая к тишине и порядку взъерошенных галдящих первоклашек:

– Тихо дети! Давайте знакомиться. Меня зовут Мария Михайловна, и я буду учить вас целых четыре года, так что времени у нас будет предостаточно. Сейчас я буду вызывать по списку, каждый должен встать и показаться всему классу: Архангельская Людмила!

Откинув крышку парты, встала красивая нарядная девочка с умным, серьёзным лицом.

– Садись, Люда ... Марков Виктор!

Сидящий рядом с Людой сухощавый симпатичный паренёк в шерстяной форме тут же вскочил.

– Журавлёва Таня! Марков может сесть, – улыбнулась учительница.

Паренёк сел, стукнув крышкой, зато встала симпатичная девочка из соседнего ряда и смело оглядела класс, тряхнув косичками.

– Симаков Александр! побыстрее прошу встать.

Симаков нехотя поднялся, закатив глаза в потолок. Все оживились.

– Косырев Владимир! А Симаков пусть постоит, поучится у других, как надо встать, – построжала лицом учительница. Класс затих.

Вовка Косырев чинно встал, держась за крышку парты...

Слушая, как вызывают других, Ванька ждал, когда же и его вызовет эта строгая учительница? Ему было не по себе в столь непривычной школьной обстановке. Он посмотрел на красивую Люду Архангельскую, она заметила его взгляд и строго сдвинула брови вразлёт.

Ванька отвернулся, стушевавшись.

– Маресьев Иван! – вдруг донеслось до него, и он вскочил, грохнув крышкой парты так, что вздрогнули сидящие рядом. Уши у него загорелись от непонятного волнения.

– Садись, Маресьев. Не надо так громко стучать крышкой. Прошу всех быть повнимательнее. Устименко Василий! – учительница перевела взгляд на его друга Ваську, и Ванька с облегчением опустил на своё место.

В это время сидящий сзади него Симаков схватил Ванькин сундучок и стал насмешливо рассматривать, демонстративно хихикая.

– А сейчас все вынимаем из портфелей тетради и буквари! – снисходительно улыбается учительница, глядя на бестолково суетящихся учеников и, привлечённая вознёй у одной из парт, подходит: – Что случилось?

Ванька уже успел отнять свой сундучок у сидящего сзади Симакова. И, весь красный от возмущения и борьбы, раскрывал его. Все засмеялись.

– А чего он с сундуком в школу припёрся?! – на весь класс выразил своё недовольство Симаков. – У меня тоже родителей нет, а братан вот, портфель купил, – и он хвастливо поставил на парту свой новый портфель.

Вокруг снова все засмеялись, радуясь неожиданной разрядке.

– Прекрасный сундучок, удобный, – неожиданно для всех похвалила Ванькин сундук учительница. – И пенал, какой необычный, – теперь уже искренне удивилась она, разглядывая самоделку. – Кто тебе сделал?

– Дед, – тихо ответил смущённый Ванька и с гордостью объяснил: – он у меня столяр, дома всю мебель сам сделал; комод, стол со стульями, диван, кровати. Он всё может. А родители мои в Чебоксарах работают, скоро приедут. Насовсем.

– Какой у тебя хороший дедушка, – ласково улыбнулась ему учительница, возвращая пенал. Посрамлённый Симаков затих сзади.

– Можно я с Ваней сидеть буду? – поднялся со своего места Васька.

– Конечно, – разрешила учительница, и он пересел к другу.

– Продолжим урок. Тихо дети, внимание! – захлопала она в ладоши, снова призывая к тишине взбудораженный класс...

Лошадь неторопливо везла по улице телегу с дремлющим возле железной бочки возницей. На перекрёстке она привычно остановилась и зафыркала, возница очнулся и, соскочив с телеги, взялся за черпак:

– Кому каросин? – зычно огласил он окрестности, скорее по привычке, так как со всех сторон к нему уже спешили женщины с бидонами, ведрами, бутылками и банками...

Наглядевшись на это интересное зрелище, друзья пошли дальше.

«Эй, Ванёк!» – Оглянувшись, Ванька увидел насмешливую физиономию Симака и едва увернулся от плевка в свою сторону.

– Попроси деда, он тебе коня деревянного сделает, в школу поскачешь, с сундуком! Ох, умора! – Симак явно нарывался на ссору.

Ванька поставил сундучок и, сжав кулаки, шагнул навстречу недругу.

– Ты чо, драться будешь? – удивился Симак, распаляясь. – Ну, давай, чёрт рыжий, стыкнёмся до первой кровянки!

Но Ваньку этим было не испугать. Постоять за себя он умел, и Симак знал об этом. А идти на попятную было позорно.

– Да ладно, – начал, было, он тянуть канитель, но уже поздно:

– Я тебе за деда!.. – Ванька обхватил Симака за шею и рванул на землю, но тот угрём вывернулся и, стушевавшись, отступил.

– Пошутить нельзя, – растерялся Симак, чувствуя свою неправоту.

– И Ваньком меня больше не зови, а то ещё получишь! – Ванька поднял свой сундучок, и друзья пошли домой, игнорируя смутьяна.

Симак плёлся сзади, обидчиво сопя и досадуя.

– Напугал тоже, Ванька – встань-ка! – взъерепенился запоздало он, но, как говорится, после драки кулаками не машут. – Я тебя на лодку не возьму, – наконец, нашёлся он и взбодрился: – пешком к пещерам потопашь!

Друзья обернулись, и Симак насторожился.

– Ну и пойдём, – вступился за друга Васька, – без тебя обойдёмся.

– Да ладно, я пошутил, – примиряюще засмеялся Симак и зашагал рядом с ними: – братан разрешил, можем хоть сейчас рвануть.

Ваньке было приятно слышать об этом, и он невольно смягчился, уже по-дружески глянул на приятеля:

– Приходи вечером на огороды, костёр запалим.

– Картоху печь будем, вот здорово! – обрадовался Симак, и добавил: – Птиц пора ловить, огород-то уже весь убрали?

– Картошку осталось просушить, – по – хозяйски ответил Ванька...

И вот он в передней за столом учит уроки: отложив букварь, торопливо пишет в тетради строчки букв, часто обмакивая перо в фарфоровую чернильницу, и стараясь побыстрее закончить. От этого на листе появляются кляксы, но Ванька накрывает их промокашкой и урок готов.

Торопливо входит чем-то расстроенная бабушка и, всхлипывая, бестолково мечется по кухне.

Не успел Ванька, как следует удивиться, появляется дед; кряхтя, он влез на лежанку и, пошарив на запечке, достал длинный нож-финку:

– Ну, я пошёл, мать, – озабоченно посмотрел на бабушку и ушёл.

Ванька встревожился, вскочил и бросился к бабушке:

– Куда дед пошёл, Борьку колоть?

– Пойдём-ка милок, – бабушка увела его в спальню и, усадив на сундук, присела рядом: – што поделаешь, судьба его такая...

Ванька подозрительно часто зашмыгал носом и отвернулся.

– Ты уши-то заткни, так легче будет.

Он закрыл уши руками и настороженно прислушался: вроде тихо.

– Привыкли, чай, к нему, – сквозь слёзы бормотала бабушка, – из поросёнка малого, вон какого здоровущего борова, взрастили...

И вдруг даже сквозь заткнутые уши прорезался истошный, пронзительный Борькин визг и оборвался, а Ванька заплакал, уже не прячась.

– Помогать пойду, – вздохнула бабушка и нехотя побрела на улицу.

– Борька, зачем они тебя так, Борька, – шептал Ванька, сидя в одиночестве и дав волю слезам, затем встал и робко вышел, всё ещё не веря в случившееся несчастье.

То, что он увидел, заставило его содрогнуться от ужаса и отвращения; страшная картина распяленной туши потрясла его и он замер, не в силах отвести глаз от того, что ещё недавно было живым и весёлым боровом.

Туша висела в сарае вниз головой и покачивалась, когда дед поворачивал её, а сосед палил шерсть, водя пламенем горелки по шкуре.

В сторонке бабушка проворно разделявала на дощатом столе внутренности, от вида и запаха которых Ваньку замутило, и он бросился бежать в сад...

Красные языки пламени жадно лижут ботву, трещат стебли и сучья, разгораясь в костёр, и вот уже во всю гудит пламя, освещая лица очарованных необыкновенным чудом мальчишек и ещё более стущая сумерки.

У Паньки в руках котелок с картошкой, и он преисполнен важности.

– Пора в поход отправляться, а то холодно будет, грязь, – Ванька смотрит на развалившихся вокруг костра друзей, ожидая поддержки.

– В следующее воскресенье отправимся, – решает Сашка, – да, Симак?

Симак молча соглашается, оглядывая огороды:

– Здесь сети с утра как раскинем, и все щеглы наши будут, – мечтает он вслух с блаженной улыбкой.

– Мне синицы нравятся, – возражает Ванька и тяжело вздыхает.

– Щеглы умнее синиц, – авторитетно заявляет Васька; он разворошил прутиком прогоревшую ботву и, взяв услужливо поданный Панькой котелок, вывалил картошку в тлеющие угли, закидав её горячим пеплом.

– Борьку жалко? – глянул он на расстроенного друга, тот кивнул.

– Што, борова закололи? Поедим теперь сальца! – оживился Симак.

Ванька оглядел друзей и содрогнулся, вспоминая:

– Я его зимой из соски молоком поил. Если бы вы слышали, как он страшно кричал перед смертью.

Мальчишки замолчали, наблюдая, как Васька разгребает золу.

– Налетай! – он первым подхватил картофелину, и вот уже все мечут огненные картошки в руках, упрямо отдирая чёрную, обуглившуюся кожуцу вместе с картофельным мясом, и с аппетитом жуют их.

– Соль забыли, – сокрушается Панька, хватая очередную картошку.

– Ты и без соли всю слопаешь, – отталкивает его Симак, тщетно шаря в золе палкой. – Так и есть, слопал, ну и дошкольник! – восхищается он с досадой, и друзья неистово хохочут, позабыв обо всём на свете.

Ванька смеётся вместе со всеми, загораясь ещё одной идеей:

– Вот найдём в тех пещерах саблю или ружьё, а может пистоль, в музей сдадим. Дед рассказывал...

– Слыхали мы. Братан говорит, если клад и был, давно растащили.

– Говорят же тебе, не нашли, – накинулся на Симака Васька.

– Фома неверующий! – засмеялся Сашка, и мальчишки в наступающей темноте горячо заспорили о будущем походе.

Вокруг них раскинулось родное подгорье, сады, огороды, источая ароматы зрелой осени...

Панька с молчаливым восхищением смотрел на возвращающихся из школы друзей. Кивнув ему, они остановились у калитки.

– Вечером погуляем? – Ванька покосился в сторону своего сарая.

– А то как же, – с готовностью ответил Симак.

– Уроки учить надо, – неопределенно возразил Васька.

– Пацаны! Тсс... – Симак интригуяще округлил глаза и показал пальцем в сторону забора, напротив; из едва приоткрытой калитки подглядывала за ними, прячась, соседская девчонка.

Симак на цыпочках подкрадывается к калитке и, выудив откуда-то из карманов прищепку для белья, ловко защемляет любопытной нос.

Сквозь хохот пацанов слышен тихий плач обиженной девочки, так мечтающей дружить с мальчишками.

– Ладно вам, пусть она выходит, – милостиво разрешил Васька. – Натаха, иди сюда, не бойся. Только не приставай к нам. И не шпионь больше. Тебе всё понятно?

Он сделал строгое лицо, и вышедшая из калитки соседка согласно закивала, обрадовавшись сбывшейся, наконец, мечте.

Панька на всякий случай показал ей язык и скорчил страшную рожу, но соседка не обратила на него никакого внимания. Глупый малыш.

– Ну, пока, – решил, наконец, Васька, и пошёл домой. В один миг пацаны разбежались, оставив в одиночестве девчонку-соседку и Паньку, который тут же помчался прочь, не желая оставаться в её обществе.

Вбежав на своё крыльцо, он столкнулся со старшим братом, собравшимся в город: в отличие от Паньки, это был высокий худой парень с довольно приятной внешностью. Пропустив младшего брата в дом, старший брат спорым шагом вышел в переулок и резво пошёл в гору...

Ванька опасливо прошёл мимо безмолвного сарая и в нерешительности остановился: в саду гулял ветер, срывая с деревьев жёлтые листья, сиротливо лежали убранные огороды, и он вздохнул; пора домой ...

Отодвинув букварь, он уныло заглянул в тетрадь, где под его кляксами красовалась жирная двойка, похожая на лебедя, и нахмурился, искоса глянув на деда: вдруг дедушка узнает?

– Што, внук, много двоек нахватал? – как в воду глядя, спросил дед.

Ванька отрицательно покачал головой и задумался. Хлопнув дверью, вышел дед, и он оживился: схватил новую тетрадь и, ухмыляясь, стал писать. Затем красным карандашом старательно вывел под написанными строками пятёрку, снова торопливо накарябал чернилами, и снова поставил себе отличную отметку...

Вошла бабушка, и Ванька сделал вид, что учит уроки.

– Учи-учи, – она ласково улыбнулась ему и захлопотала на кухне...

– Бабань, я сегодня десять пятёрок получил! – наконец хвалится Ванька и протягивает ей тетрадь: – Иди, смотри, вот.

– Умница ты моя разумница, – восхищённая бабушка рассматривает пятёрки и бросается к пришедшему деду: – Глянь, отец, десять пятёрок наш отличник-то получил!

Дед удивлённо и недоверчиво смотрит в тетрадь, затем на смутившегося под его взглядом внука и усмехается:

– Многовато што-то, – но его гложет другое и, сунув тетрадь бабушке, он сердито заходил по кухне: – Такие налоги, а за што, спрашивается? Даже дикарку посчитали, язви их в душу! Война давно кончилась, пора бы и передышку народу дать. Так нет, на тебе, тудыт твою растуды!

– Откуда столь денег-то взять, рази напасёшься, – поддакнула она.

– Зато пенсию прибавили, ети их мать! – снова загремел дед, оглядываясь: – Где топор? Порублю всё к чёртовой матери.

Ванька выскочил из-за стола, и не замеченным прошмыгнул в дверь...

Разгневанный дед с топором в руках решительно подходит к яблоням и первой жертвой избирает дикарку; примерив, где рубить, поднимает голову, прикидывая, куда упадёт дерево, и на самой верхушке видит внука, вцепившегося в ствол среди ветвей:

– Слезай, рубить буду!

– Не слезу, – упрямо доносится сверху.

Дед сердито выпрямляется: – Ишь, тоже мне защитник выискался, слезай, говорю!

– Если срубишь, я упаду и разобьюсь!..

Дед озадаченно смотрит на ослушника и, рассердившись вконец, начал было рубить, плюнул в сердцах и, бросив топор, полез за кисетом.

Ванька соскользнул вниз и, прижимая ладонями глубокие раны на дереве, горько заплакал, не в силах сдержаться:

– Зачем рубил? Ведь она живая, ей больно!

Дед трясущимися руками сворачивал козью ножку, просыпая табак мимо: – Ладно, не реви. Вылечим мы её, лучше прежнего будет.

Он улыбнулся внуку, и Ванькины слёзы вмиг просохли: он понял, что яблони спасены...

Помирившиеся дед с внуком пришли во двор. И в это время со стороны переуллка раздалась песня, сопровождаемая игрой на гармошке. Это Санька-сосед снова пожаловал в гости. На сей раз, он был хотя и опять хмельной, но приодетый и вёл себя вполне пристойно.

Он ловко перебирал пальцами клавиатуру, растягивая гармошку и напевая очень по-русски; задумчиво и разухабисто одновременно.

– Бываешь же ты иногда человеком, Саньк, – довольный им дед улыбнулся. Пение соседа ему понравилось.

Улыбка деда была редкостью, и она подвигла соседа на дальнейшее; он рванул гармошку и запел во весь голос что-то блатное, непристойное. Дед нахмурился, не желая слушать похабщину.

– Эх, жисть наша пропащая!.. – машет тот в ответ рукой и тоскливо вздыхает, рвёт мехи гармошки, дико поёт, вернее, орёт про комаринского мужика, к полному Ванькиному восторгу.

– Конченный человек, забулдыга! – плюёт дед под ноги и уходит, волоча внука за собой...

– Васька, выходи гулять! – соскучившись по другу, Ванька нетерпеливо смотрел в окна на втором этаже; вот выглянул Васька и, покачав отрицательно головой, исчез учить уроки.

Ванька постоял и побрёл к спасённой яблоне. Потрогав забинтованный ствол, сочувственно вздохнул:

– Больно тебе? Не сердись на деда, он больше не будет... Скоро родители приедут, может, останутся насовсем...

Откуда-то примчался Дружок, и Ванька угостил его куском хлеба.

– Мы с дедом будку тебе сделаем, – пообещал он псу, – тогда зимой не замёрзнешь. Ну, пока, – он помахал ему рукой и нехотя пошёл домой, обуреваемый неприятными предчувствиями...

Дед топил печь, и Ванька присел рядом, заглядывая в топку:

– Печку рано ещё топить, – он удивлённо посмотрел на его осунувшееся лицо, потрогал отросшую седую щетину на подбородке: – ты почему не бреешься? Не то зарастёшь, как леший.

– Хвораю я, тёзка. Вот погреюсь на печке, может, отойду ещё.

Ванька оглянулся на вошедшую бабушку и, увидев в её руках свою злополучную тетрадь, насторожился.

– У Галины была? – хмыкнул дед, поглядывая на внука.

– Похвалилась я ей, какие у внука успехи в учёбе, а она посмотрела и смеётся: тётя Дуся, говорит, это он сам себе пятёрки наставил.

– Ну и плут, – удивился дед, – обманул деда с бабкой и рад радёшенек.

– Вздуть бы его, как сидорову козу. Родителям надо писать, пущай забирают обратно, – она собрала на стол и приказала: – пора ужинать.

– Не буду я, нашего Борьку есть, – запротестовал внук, увидев свинину, и сердито глянул на деда с бабушкой: – пишите, уеду от вас.

– Совсем от рук отбился, – возмутилась бабушка, – ешь, кому говорю!

– Не серчай, – дед подошёл к столу и сел рядом с Ванькой, но тот отвернулся, обиженно сопя.

– Хочешь, анекдот расскажу? О том, как дедушка Ленин с дедушкой Сталиным горячую кашу ели наперегонки?

– Это кто быстрее? – оживился догадливый внук, вновь поворачиваясь к деду. – А какую кашу, манную или гречневую?

– Пшёнку, – пояснил дед, усмехаясь. – Так вот. Дали им по тарелке каши. Дескать, кто быстрее съест, тот смекалистее и умнее. А стало быть, и главнее. Ленин стал осторожно, по краям да поверху кашу снимать ложкой, а Сталин был горяч, нетерпелив, и зачерпывал ложкой глубоко, ел обжигаясь, торопился, стало быть; а Ленин, знай, кушает себе не спеша, так и съел кашу быстрее. Так-то вот.

Анекдот был интересен Ваньке, но он кончился, и Ванька снова вспомнил про свои обиды, снова заклокотал от возмущения:

– Зачем Борьку закололи? И яблони чуть не порубил, дикарку поранил. Рази можно так поступать?

– Мясо да сало откуда, думаешь, берутся? – усмехнулся дед. – Сам должен понимать, а с яблонями погорячился, признаю.

– У всех портфели, а мой сундук не откроешь никак, – негодовал внук, – надо мной пацаны насмеются.

– Ну, это дело поправимое, – дед взял сундучок и вышел в сени, к верстаку, чинить его...

Ванька отодвинул подальше миску с мясом, и стал есть картошку, тщательно приминая её и осторожно, по краям да поверху снимая ложкой, совсем как дедушка Ленин. Попробовал, было, копнуть глубже, как дедушка Сталин, но обжёгся и бросил ложку.

Входит дед и, поставив сундучок на стол, щёлкает крышкой:

– Видал? – пытается он помириться с внуком, Ванька – ни в какую.

Дед сникает и, шаркая валенками, направляется к лежанке: – Ништо, мясца вам заготовил на зиму, проживёте...

– Хосподи, и чево буровишь, прям как маненький, – забеспокоилась бабушка, укоризненно поглядывая на внука. – Чайку счас попьёшь, на печке полежишь, оно глядишь и полегшает...

По опустевшей пашне прыгала пёстрая птичка, выискивая корм. Вот она с любопытством приблизилась к раскинутым сетям, в это время дёрнулась верёвка и сеть опрокинулась, накрыв зазевавшуюся пичужку.

– Есть! – на весь огород заорали мальчишки, выскакивая из-за кустов.

Ванька завистливо вздохнул и поглядел на свою ловушку-домик, стоящую под дикаркой. Птиц вокруг не было, и он побежал к друзьям...

Симак уже впустил птичку в клетку, и мальчишки наблюдали, как она мечется и кидается грудкой на прутья, стремясь вырваться на волю.

– Щегол! – радовался Васька, устанавливая сети для следующей невольницы. Пашня вмиг опустела, и вновь над ней запорхали птицы...

Ванька уныло поглядывал на торчащую крышку ловушки и прислушивался к торжествующим крикам на пашне; вот мимо него гурьбой прошагали друзья, впереди Симак нёс клетку, в которой сидели пленницы.

– Не опаздывай, встречаемся у лодки, – напомнил он приятелю-неудачнику, любуясь своими птичками.

– Лови-лови, не зевай, – посочувствовал Сашка, и мальчишки убежали делить свою добычу, тут уж не до Ваньки...

Неудачливый птицелов окинул ловушку безнадёжным взглядом и замер: крышка захлопнулась. Не веря своему счастью, подбежал и приложил домик к уху, вслушиваясь: тишина была ему ответом.

– Наверно от ветра захлопнулась, – разочарованно пробурчал он и открыл крышку: из домика на него смотрела перепуганная синица.

Не успел Ванька захлопнуть крышку, как синица выпорхнула и улетела.

Галина вышла из дома и, случайно глянув в соседний двор, увидела Ваньку с пустой ловушкой в руках. Забежав в их вечно раскрытую калитку, она подошла к соседу, который при виде её тут же отвернулся.

– Сердишься на меня? – Ванькина спина выражала непримиримость. – Ты же не маленький, сам понимаешь. Учиться тебе надо, а не деду с бабушкой. Не журись, получишь и ты свою пятёрку, настоящую.

Ванька исподлобья глянул на неё, и Галина улыбнулась: – Мир?

Ванька кивнул: – Галь, ты только замуж не выходи, ладно?

От неожиданности она растерялась: – Почему?

– Когда я вырасту, сам женюсь на тебе! – он серьёзно посмотрел на смутившуюся девушку и побежал в сад: усевшись под яблоней, замечтался...

«Вот они с Галей идут по переулку; она – в белом платье, он – в чёрном костюме с галстуком. Маленький, ниже плеча невесты...»

Ванька нахмурился: нет, так не пойдёт.

«Вот они снова идут по переулку, но теперь он выше её почти на голову. Из калиток выглядывают соседи, восхищённо глаза на счастливую пару и недоумевают: когда же успел вырасти женишок?...»

Ванька улыбался и, сам того не замечая, расхаживал вокруг дикарки. Тут к нему подбежал запыхавшийся друг и вернул к действительности:

– Ты чего, забыл? Мы его ждём, а он под яблоней гарцует!

Ванька оторопело поглядел на него и сломя голову бросился к дому:

– Обожди, я сейчас ...

Дед лежал в кровати и, увидев внука, приподнялся, опираясь на руку.

– Дед, меня ребята ждут, к пещерам собрались, – сообщил Ванька нетерпеливо: – когда бабушка придёт из аптеки, ты скажи ей об этом, а то она разволнуется. Ладно?

– Скажу, – дед глядел на внука большими, ввалившимися глазами: – ты того, Ваньк, вертайся скорее, боюсь, помру, не увидимся больше.

– Мы быстро, – успокоил его Ванька, – на лодке пойдём, с парусом.

Ветер надувал старый парус до отказа, и лодка резво рассекала волны, поскрипывая бортами. Мимо проплывало родное подгорье, поросшие кустарником берега, песчаные отмели, и мальчишки были в полном восторге.

– Глянь, Симак, – встревоженный Ванька показал на течь, от которой вода на дне лодки медленно, но верно прибывала; поверх неё плавала пустая банка из-под консервов.

– Ерунда! – отмахнулся хозяин лодки. – Сашок, мель впереди!

– Вижу, – Сашка длинный уверенно направлял лодку по нужному фарватеру. Панька смирно сидел на скамейке и восхищённо глядел на него.

– А вдруг на мель сядем? – засомневался Васька и вскочил с места. Лодка накренилась и, затрепыхав парусиной, вильнула к отмели.

– Сиди смирно! – заорал Симак и помог Сашке выровнять курс.

– Едва проскочили, – Сашка поглядел за борт, мель удалялась...

– Откуда ты знаешь, где плыть? – не отставал любопытный Васька.

– От верблюда, – Сашка недовольно покосился в его сторону, однако пояснил: – между бакенами держать надо, вот и вся премудрость...

Вода в лодке как-то сразу поднялась и заполнила её почти до половины, она тяжело осела и резко снизила ход. Только тогда все спохватились, и Симак первым всполошенно заорал:

– Сашок, давай к берегу! Тонем, хана!

– Зачем к берегу? – Ванька нашарил на дне утонувшую банку и стал яростно вычерпывать воду: – Держи прямо, Сашок!..

Все, кроме рулевого, принялись за дело; вода пошла на убыль, и лодка продолжала свой путь, приближаясь к повороту. За высоким обрывистым берегом виднелись трубы завода, рядом раскинулась величавая густая роща, скрывая в своих недрах заветные пещеры.

– Приехали, – Сашка направил лодку к быстро надвигающемуся берегу.

Взволнованные мальчишки приготовились к высадке...

И вот они уже торопливо взбирались на высокий холм, поросший могучими дубами. Им не терпелось увидеть загадочные пещеры.

– Раньше наш город крепостью был, Русь от Ногайской Орды защищал, – Ванька с гордостью оглядел остановившихся передохнуть друзей.

– Высока горка, – кивнул Симак на тропинку, петлявшую меж дубами.

– Не мешай. Пусть Ванька дальше брешет, интересно послушать, – перебил его Сашка.

– Я не брешу, дед рассказывал. А в пещерах сам Стенька Разин от буржуев прятался, и Пугачёв город брал, – Ванька перевёл дух. – Знаете, где его построили? На этом месте раньше был волшебный камень – Алатырь! А вокруг текли целебные реки...

– Кончай заливать, – Симаку надоело слушать, и он полез дальше.

– Сходите в музей, темнота! – возмущался Ванька вслед друзьям. – Кто скажет, сколько у нас в городе героев Советского Союза? Ага, не знаете! – торжествовал он, стараясь не отставать.

С высоты холма далеко видны поля и леса, уходящие к горизонту.

Возле обвалившихся пещер земля была затоптана до основания.

– Разинские пещеры, – язвительно поддел Ваньку Симак, и разочарованно огляделся. – Я говорил, нет здесь ничего, и быть не может. Всё давно выгребли до нас.

Тем не менее, мальчишки сосредоточенно полезли внутрь, исследуя все закоулки, и тайне надеясь отыскать клад; обшарив пещеры и их окрестности, неудавшиеся кладоискатели развалились на траве и приуныли.

Симак оглядел друзей и, узрев, что одного не хватает, спросил:

– А где наш дошкольник, ребята?

– Да там, роется как крот, – махнул в сторону одной из пещер Сашка длинный, пренебрежительно ухмыляясь, – надеется.

Пацаны, было, засмеялись над чудачком, но тут из пещеры донёсся торжествующий крик и на свет божий явился весь перепачканный глиной, но сияющий Панька; в руках он держал насквозь проржавевшую кривую саблю.

Пацаны вскочили и обступили счастливца:

– Вот это дошкольник, обскакал нас! – изумился Симак. Васька потрогал саблю и с видом знатока объявил:

– Турецкий ятаган. Такие у янычар были.

– А может, сам Степан Разин сражался здесь с этими янычарами? – вдохновился Ванька, возбуждённо блестя глазами. – Порубал их, они и драпанули, и ятаганы свои побросали.

– Ну и мастер ты брехать! – восхитился Сашка, тоже рассматривая находку. – Дай подержать. Да не бойся, не съем.

– Везёт же дуракам! Может, и мы найдём чего? – встрепенулся, было, раздосадованный Симак, но, вспомнив, что они всё уже облазили, снова прилёг на травку. За ним остальные, а в центре гордо восседал Панька, намертво вцепившийся в свою находку.

Ванька мечтательно смотрел на заросшие бурой травой пещеры, на манящие лесные дали. И разочарование его постепенно улетучивалось.

Симаку же было не до красот:

– Побежали к окопам, может, там повезёт?..

– Вон они, рукой подать, – показал Сашка далеко в поле, когда неутомимые путешественники выбрались из рощи и отмахали уже порядочно, – а вон и завод. Считай, мы уже на месте.

– Кто первый? – обрадовался Симак. – За мной, ура!..

Заросшие кустами и травой окопы выглядели безобидно. Словно и не было здесь жестокой схватки с вражеским десантом. Неподальёку от них тянулись затянутые колючей проволокой заборы военного завода, на вышке маячил часовой.

Ребятам было страсть, как интересно узнать, что за забором?

– Не вышло у фрицев завод взорвать, – Ванька с гордостью огляделся. – Дед говорил, наши бойцы шпиона поймали, от него и про десант узнали. Подготовились к встрече, как следует.

– А почём наши знали, где окопы рыть? – полюбопытствовал Панька.

– Ну и дурила! – Симак похлопал его по голове и кивнул в поле перед окопами: – Линия фронта оттуда приближалась, где же им быть?

Необидчивый Панька крепко прижал к груди свою саблю. И, спрыгнув в окоп, первым исчез за поворотом...

Завалившийся набок блиндаж низко осел крышей, грозя придавить смельчака, но Панька бесстрашно юркнул в щель.

«Нашёл!» – донёсся изнутри его восторженный вопль, и мальчишки один за другим полезли к нему. Панька топтался в углу у ящика, в ожидании подмоги. Сашка длинный с надеждой откинул крышку: пусто.

– Опять ничего. И тут до нас побывали, – то ли огорчился, то ли обрадовался Симак. – Я уж подумал, снова этому недотёпе повезло, – ткнул он Паньку под рёбра, но тот был на седьмом небе от счастья и не заметил тычка, блаженно улыбаясь всем сразу.

– Надо было родиться пораньше, – объяснил Сашка причину их неудач.

Ванька вздохнул и напоследок пошарил в углу за ящиком: пальцы наткнулись на железо, и к радости друзей он вытащил оттуда две ржавые мины, одну за другой.

– Противопехотные, – объяснил всезнающий Васька, показывая на оперение. Симак взял одну мину и небрежно осмотрел:

– Счас как брошу, как жажнет! – решил он пострадать друзей и заржал, довольный собой: – Не бойсь, я шую.

Ванька отобрал у него свою находку и полез наружу:

– Кончай базарить, домой пора.

– Вместо клада мины нашли, да ещё саблю в придачу, ну и дела! Повезло нам. Пацаны, вернёмся домой, в костёр их заложим, вот уж рванут, так рванут! – наконец-то Симак нашёл применение трофеям и, довольный, бодро зашагал рядом с оживлёнными друзьями. Обратный путь был не близок...

Лодка осела на бок, почти вровень с бортами наполненная водой.

– Приехали, – безнадежно махнул рукой Васька, опускаясь на землю.

– А што, костёрчик запалим, переночуем! – восхитился Симак.

– На берег надо было вытащить, – Сашка сокрушённо покачал головой.

– Есть охота, – выразил общее желание Панька, позабыв на мгновение о своей сабле. Все как один проглотили голодную слюну.

– Хотите, я вам анекдот расскажу? Как дедушка Ленин с дедушкой Сталиным кашу ели? – Ваньке хотелось отвлечь друзей от неприятных мыслей, и ему это удалось. Тема была как нельзя более желанной.

– Значит, кто быстрее съест, тот и главный. Ясно? Ленин стал по краям ложкой кашу сгребать, а Сталин зачерпывал глубоко, в середине чашки, и обжёгся. А Ленин скушал свою кашу первым, значит, он и главный.

Друзья вокруг него завздыхали мечтательно:

– Да, неплохо бы сейчас кашки-то, – Симак облизнулся. – Я согласен обжигаться, как Сталин. Лишь бы побольше, да с маслом.

– Сначала пшённой с маслом, потом гречневой, с молоком, – неожиданно для всех размечтался Сашка длинный, громко урча пустым животом.

– А я бы гурьевской покушал, – воодушевился Васька, вставая.

– Какой-какой? – удивились друзья незнакомому названию.

– Это манная каша с изюмом, – снисходительно пояснил Васька невеждам. – Просто объеденье. Можете мне верить.

– Домой хочу! – громко заныл Панька, наслушавшийся вкусных историй. Ванька заботливо уложил мины на песок и бросился к лодке; нашарив на дне позабытую всеми банку, стал лихорадочно вычерпывать воду.

Мальчишки wygrебали, кто чем мог; руками, кепками, и вода медленно, но верно пошла на убыль...

– У меня дед болеет, мне ночевать здесь нельзя, – бодрился Ванька.

– Щели заткнём, и полный вперёд! – Симак тоже не унывал...

Вскоре лодка была уже на ходу, свежий ветер надувал парус, вселяя в сердца путешественников надежду на скорое возвращение домой...

А вот и подгорье. Всё ближе и ближе.

Ванька с удивлением увидел раскрытые настежь сени и, сунув завернутые в фуфайку мины под верстак, захлопнул сенную дверь и вошёл в дом. В квартире толпились соседи; он заметил стоящие у печки чемоданы, тут на него оглянулась Панькина мать и поманила в переднюю.

– Посмотри, иди, кто приехал? – чересчур ласково, что было ей совсем несвойственно, улыбалась Панькина мать.

Ванька заглянул в переднюю и увидел бабушку с мамой, соседей. При соседях он сдержанно подошёл к матери, и они обнялись. Бабушка всхлипнула, и Ванька тревожно огляделся в поисках деда.

– А дед где, бабушка?

– В больницу его отвезли, полечат немного, и он вернётся, – как маленькому, растолковала Ваньке мама, и он встревожился ещё больше.

– Ну ладно, мы пошли, всё будет хорошо. Иван Яковлевич мужик старой закалки, выдержит, – успокоили хозяев соседи и удалились.

Мама с бабушкой занялись распаковкой вещей, и Ванька получил от матери новый настоящий портфель. Он с удовлетворением обследовал его и отложил в сторону. Без деда в квартире было неуютно и пустынно, тихо.

– Мама, ты насовсем приехала, а где папа?

– Пока в гости, сынок, но скоро приедем насовсем. Я насчёт работы разузнаю, и заживём мы все вместе! – обрадовала она сына.

– Слава те хосподи, скорей бы, – посетовала бабушка. – А то старые мы стали, никак за этим пострелом не углядишь. И дед вот захворал.

Она поставила перед внуком миску, и проголодавшийся вконец Ванька с жадностью набросился на еду...

Новый портфель был лёгкий, красивый, с удобной ручкой, и Ванька горделиво поглядывал на прохожих, выставя его напоказ.

Они с матерью прошли было мимо столярки, но Ванька остановился.

– Мама, пойдём, я тебе покажу, где дед наш работает. Мы с бабушкой часто сюда за стружками приходим. Наберём по мешку, и домой тащим, зимой всё для печки сгодится...

Под грохот станков они вошли в столярку, и Ванька подбежал к знакомому верстаку, за которым всегда работал его дед. На него оглянулся тот самый весёлый парень-балагур.

– Привет, Ванюха. Как там дедушка поживает? Хотим навестить его, да всё никак, работы полно, – сообщил он, продолжая строгать доски.

– Мы с мамой после школы в больнице были, а нас к деду не пустили, – отвечал Ванька, оглядываясь на мать. Та подошла поближе.

– Здравьте вам, что с Иван Яковличем? – встревожился парень, бросая фуганок. Подошли другие рабочие. Дед пользовался уважением.

– Пока без сознания. Врачи говорят, организм здоровый, надо подождать, – сдержала слёзы мама. Взяв сына за руку, она пошла к выходу, оставив позади столпившихся рабочих...

Ванька молча шагал по улице рядом с матерью, вот они вышли на площадь и, глядя на показавшуюся вдали церковь-музей, он сказал ей:

– Мы с дедом в музей хотели сходить, а он был заперт, – Ваньке стало нестерпимо жаль своего любимого деда, и он отвернулся, скрывая от матери слёзы, посыпавшиеся из глаз.

– Пойдём сейчас сходим? – она глянула на часы.

– Потом как-нибудь, – Ваньке кажется кошунством идти в музей без деда, во всяком случае, сейчас: – да и бабушка ждёт, на вокзал пора.

Мать с удивлением посмотрела на рассудительного сына и только теперь разглядела, как он вырос и повзрослел за минувший год...

Паровоз выпустил пары, и взволнованные пассажиры полезли в вагоны.

– Не привелось с папой поговорить, – всплакнула напоследок мама, обнимая плачущую бабушку, – не расстраивайся, мы скоро приедем. Совсем.

– Управлюсь с божьей помощью, – вздохнула бабушка, утирая слёзы.

– Ну, Ванечка, будь умницей, слушайся бабушку, – мама поцеловала Ваньку на прощанье и заторопилась в вагон...

Огромные красные колеса дёрнулись, закрутились, и поезд поехал: мимо них медленно поплыли вагоны с пассажирами, вызывая лёгкое кружение головы у Ваньки.

Ванька с бабушкой смотрели на мать, высунувшуюся из окна, и махали ей руками, пока поезд не исчез вдаль за мостом через Суру.

Тогда они пошли домой, только не через город, как сюда с мамой, а вдоль полотна железной дороги, так было ближе.

По левую руку раскинулось в низине алатырское подгорье, река Алатырь вилась среди полей и перелесков, с правой стороны расположились улицы города, петляя вверх по горе деревянными домами среди садов и огородов, красуясь маковками церквей и радуя глаз своей неброской, милой сердцу красотой.

– Я тебя не брошу, бабана, помогать буду, – успокаивал внук, – и дед наш поправится, ты не плачь зря.

– Помощник ты мой, – скорбно улыбалась бабушка, поспешая за ним...

Ванька втащил в кухню ведро с картошкой и, спустившись в тесный даже для него подпол, высыпал её в короб из досок. Опасливо оглядев тёмные закоулки, с облегчением выскочил наверх.

В чулане бабушка снова набрала ведро, откидывая в сторону гнильё:

– Ещё малость, – подбодрила она внука, – в подполе не сгниёт.

Ванька с завистью оглядел заготовленные на зиму ряды банок с вареньем и снова потащил ведро в подпол, громко кашляя для храбрости.

Остановившись передохнуть, заглянул в переднюю: с портрета на него внимательно смотрел бравый усатый дед. Его любимая скамеечка сиротливо стояла возле печки, и Ванька присел на неё, открыл отдушину, заглянул в дымоход, закрыл и, тоскливо вздохнув, вышел в сени.

На верстаке среди инструментов он увидел свою ловушку-домик, сработанную дедом, и погладил её. Рядом с фуганком расставил рубанки, разложил стамески, долота...

– Утомился, поди? – выглянула из чулана бабушка, и в это время у входа в сени столпились друзья-приятели:

– Ванька, выходи! Пошли гулять...

Пошарив в кустах, Ванька вытащил заранее спрятанные мины, и компания побежала на дальние огороды, замыкающим был Панька.

– Завтра в музей пойдём, не забыли? – напомнил Ванька друзьям на бегу, но им было не до музеев: предстоящая игра в войну захватила их полностью. Ребята быстро разожгли костёр и, сбившись в кучу, загалдели:

– В войну сыграем али как? – Симаку не терпелось приступить.

– Я диспозицию написал, – Васька вынул из отцовского офицерского планшета листок: – выроем окоп, Панька закладывает мины, и затем атака на фрицев. Ну как, решено?

– А кто фрицы будут? – испуганно полюбопытствовал Панька, прижимая к боку висевшую на верёвке через шею саблю.

– Ты, кто же ещё! – Симак нахлобучил ему на нос шапку и заржал.

– За бугром заляжем и хорэ, – возразил Сашка, – окоп ещё рыть, на фиг.

– Иди ты со своей диспозицией! – тут же поддержал лучшего друга Симак. Васька обиженно спрятал листок и выжидающе посмотрел на Ваньку.

– Так побросаем, – отмахнулся тот, и ребята залегли за кустами.

– Чего разлётся? – пихнул Паньку Симак. – Беги, закладывай, тетеря.

Окрылённый доверием, Панька схватил мины и побежал к костру; бросив их в огонь, он завопил от ужаса и помчался обратно. Сабля била его по ногам, но он нёсся, не чуя себя. Все замерли в ожидании.

– Проржавели, небось, – не выдержал Ванька и выглянул из-за бугра.
– Ложись! – заорал Васька, и тут один за другим ударили взрывы; над головами распластавшихся мальчишек с визгом пронеслись осколки...

– Никак гром гремит? – удивилась бабушка, выглядывая из сеней.
– Караул! – завопила Панькина мать, выбегая на огороды, – ребята на минах взорвались! Пашка-то говорил мне вчера, да я запамятовала, караул!

– Хосподи, помилуй нас грешных, прonesи от беды, – ахнула бабушка и побежала за ней следом. Задыхаясь от ужасных предчувствий, она выбежала на пашню, где тлели угольки размётанного взрывом костра:

– Ваня, голубчик, где ты?..

В палате было тихо и покойно. Бабушка сидела у кровати и заботливо поправляла одеяло, сползшее с больного, с грустью поглядывая на осунувшееся и заросшее седой бородкой лицо своего мужа.

– Ваня, – тихо позвала она, и на её отрешённом от мирской суеты лице промелькнула тень. Сзади томился внук, оглядываясь по сторонам, на него тоже с любопытством поглядывали больные старички на кроватях.

Дед открыл глаза. Увидев свою старуху и внука, усмехнулся.

– Тося приезжала, насчёт работы ходила, интересовалась, говорит, скоро насовсем приедут, у нас жить будут, – заторопилась рассказать хорошие новости бабушка. – Тебя приходила навестить, да не пустили врачи-то, без сознания ты был, сердешный...

– Вояка-то наш чего натворил? – дед кивнул на забинтованную голову внука, и тот подошёл ближе, желая высказаться, но бабушка не дала:

– Да так он, бесился да брякнулся головой об косяк, до свадьбы заживёт, – не хотела беспокоить деда бабушка, и Ванька кивнул согласно, поняв её опасения. Но высказаться всё же решил:

– А я пятёрку сегодня по чистописанию получил, настоящую, – похвалился он, глядя на деда и хватая его за руку, соскучившись.

Дед довольно крепко пожал руку внука в ответ и удовлетворённо прикрыл глаза, утомившись. Бабушка с Ванькой тихо вышли из палаты...

Оглянувшись ещё раз на внушительное здание больницы, бабушка с внуком заторопились домой, обсуждая посещение деда:

– Молодец, што про мины не сказал, деду нельзя волноваться.

– Я што, маленький, разве не понимаю?

– Видел, как дед твой порадовался насчёт пятёрки? С родителями-то хорошо будет, просят и уроки проверяют. Одно плохо, не хотят хозяйствовать. Подгорье наше им не нравится, квартиру им подавай с удобствами, – ворчала вечно недовольная всем бабушка.

– Я из подгорья никуда не поеду, я с тобой жить буду, и с дедом, когда он поправится. Я вас не брошу, – Ванька заботливо нахмурился:

– Дрова пора колоть, а то отсыреют на дворе, не растопишь потом.

Они шли пешком, бабушка сэкономила на автобусе, который проехал вскоре мимо них, обдав густым облаком пыли, и едва поспешала за внуком, радуясь его словам:

– Умница ты моя разумница, совсем большой стал, рассудительный. Прямо вылитый дед...

Ванька стоял у калитки и, небрежно помахивая новым портфелем, предметом вождённых Панькиных взглядов, о чём-то сосредоточенно думал, весь в себе.

– А Сашка разве не с вами учится? – осмелился, наконец, спросить у него Панька, поправляя поудобнее верёвку с саблей.

– Он во вторую смену, – машинально ответил Ванька и вздохнул.

С крыльца торопливо сбежал Васька, и друзья вышли в переулок.

– Можно, я до школы вас провожу? – увязался за ними и Панька, в это время из соседнего проулка показался Симак:

– Пацаны, обождите меня!..

Ванька внезапно срывается с места и мчится обратно, домой: переложив содержимое портфеля в сундучок, щёлкает крышкой и, довольный, выбегает с ним из дома, оставив в сенях удивлённую бабушку...

Друзья в недоумении переглядываются. Симак незаметно крутит пальцем у виска, мол, свихнулся паренёк.

Из калитки напротив, выглядывает соседская девочка.

Увидев мальчишек, она несмело выходит к ним. Приветливо улыбаясь.

– Натаха, а ну брысь отсюда! Кому говорят? – Симак нетерпим к девочкам, особенно к таким приставучим. Показывает рукой, мол, готов и щелбана дать по башке.

– Пусть стоит, не жалко, – вновь разрешил Васька.

– Девчонок не держим. Верно, Паньк? – Симак привычно цыкнул в сторону Паньки и тот, так же привычно уклонившись от плевка, расплывается в подобострастной улыбке:

– Есть! – радостно прикладывает руку к кепке Панька, будто он солдат.

– Не есть, а так точно! – хлопает его по затылку Симак.

Кепка слетает с головы дошкольника, и одноклассники вихрем бегут в гору, оставив далеко позади заревевшего сиреной Паньку. Выскакивают на Сурско-Набережную улицу...

– После школы куда, в музей пойдём? А может, в кино рванём! – Симак нетерпеливо смотрит на отставшего Паньку.

Ему не стоит на месте. Хочется куда-то бежать, что-то делать.

– Мы и в музей, и в кино успеем, – мудро рассудил Васька, как и полагается будущему учёному. – Да ведь, Вань?

Он недоумённо смотрел на застывшего столбняком друга.

Ванька молчал, с радостным волнением оглядывая раскинувшееся внизу родное подгорье; листва с деревьев вся облетела, и дома среди садов и огородов стояли, словно раздетые. И вдруг среди них он увидел свой дом:

– Вон наш дом, и сад видно, а вон бабушка вышла. Ба-ба-ня!!! – закричал он изо всех сил, напугав приятелей и птиц, гнездившихся на ближайших деревьях. Птицы шумно поднялись в воздух и закружились, загалдели встревоженно над головами беспокойных мальчишек...

Расстояние было велико, и бабушка не услышала, зашла в сени.

Теперь уже все с любопытством рассматривали свои дома и огороды.

– Пошли, а то опоздаем, – напомнил Ванька, и друзья побежали в школу, провожаемые завистливыми взглядами дошкольника.

А над ними, над городом, раскинувшимся среди привольной русской природы, в невысоком осеннем небе кружились птицы, собираясь лететь в дальние края...

Конец

Дом на Сурско-Набережной

Пятая глава И снова «Зимушка-зима» (Ванькины сны)

Сон первый. В столицу к родителям

Бабушка с Ванькой, возглавляемые дедом, выходят на перрон вокзала, где уже объявлена посадка на поезд.

– Хосподи, и зачем это ребёнка в такую даль таскать? – ворчит бабушка на ходу, с сумками в руках. – Лучше сами бы приехали в гости к нам, как люди. Ан нет, не могут, взбаламутили старого с малым, приезжайте, соскучились...

Для Ваньки всё вокруг волнующе-радостно; множество суетящихся людей, провожающих друг друга. Кругом мелькают руки, ходят разные ноги, и если задрать голову вверх, то видишь странные головы взрослых, вертящиеся на шеях, что-то возбуждённо говорящие и кричащие друг другу.

Ванька вздрагивает от громкого рёва паровоза, выпускающего пары.

Большой, чёрный и блестящий, пытящий паром паровоз – с огромными красными колёсами и звездой впереди – как это здорово!

После гудка паровоза прозвенел станционный колокол, и все быстро полезли в зелёные глазастые вагоны, толкаясь и переругиваясь между собой.

– Полезли, дедуля, а то опоздаем! – Ванька в страшном волнении теребит деда за рукав пиджака.

Дед прощается с бабушкой, подсаживает внука в вагон, втаскивает чемодан с сумками, и вот Ванька уже сидит у окна рядом с дедом и смотрит через стекло на землю, боясь прозевать момент, когда поезд тронется с места.

И вдруг медленно всё поплыло назад: станция, народ, бабушка. Поехали!

Ванька машет рукой бабушке, которая стояла на перроне, утираясь платочком. Вот она помахала платочком Ваньке с дедом и исчезла из виду. Перед глазами поплыли дома, дороги, показалась река.

– Дедуля, смотри, Сура! – кричит Ванька в восторге, и они смотрят, как мелькают переплёты моста, смотрят вниз на речку, видят своё подгорье, слушают, как поезд грохочет по железнодорожному мосту.

– А вон, там – наш дом, видишь?

От необычности ощущаемых чувств у Ваньки захватывает дух. Деду тоже интересно посмотреть на свой дом со стороны. Ведь не каждый день едешь на поезде с внуком в гости к дочери.

Поезд вошёл в лес, набирая ход...

В Чебоксарах

Ванька с дедом стояли возле большого каменного здания вокзала на площади. Это тебе не алатырская железнодорожная станция: всё вокруг поражало Ваньку масштабами, не как в маленьком Алатыре. Хотя смутно, подсознательно он припоминал, что бывал раньше здесь, но забыл.

Ванька задрал голову и по складам прочитал:

– Че-бок-са-ры! – засмеявшись радостно, спросил: – А мама нас встретит?

– Мы сами с усами, доберёмся, не маленькие чай, – возразил дед, останавливая проходившую мимо женщину и расспрашивая её, как доехать по адресу, написанному у него на бумажке.

Вскоре подошёл нужный им автобус...

Знакомые места

Сойдя с автобуса, Ванька увидел знакомые места, дом и двор, где он жил, как ему казалось теперь, в далёком раннем детстве.

– Вон наш дом, дедуля! – Ванька уверенно повёл своего деда к подъезду, из которого выносили до боли знакомую ему девочку. Её папа очень осторожно посадил девочку в «Москвич», мама села рядом и Ванька всё вспомнил:

– Танька, я в гости к вам приехал! – подбежал он к машине.

Девочка тоже узнала его, и помахала рукой, слабо улыбаясь ему. Машина заурчала мотором и уехала.

– В больницу повезли, болеет, сердешная, – сообщила соседка, тоже признавшая Ваньку. Вокруг него сгрудились дворовые мальчишки.

– Пошли, нам некогда. Потом потолкуешь, – дед подхватил чемодан с сумками и корзинкой, и они вошли в подъезд дома.

Родительский дом

На стук дверь им открыла нарядная красивая женщина, в которой Ванька немедленно признал мать, и засмутился почему-то.

– Ванечка с папой приехали, – просияла женщина, – что же вы телеграмму не отбили? Мы бы встретили вас, тяжело с такими-то сумками таскаться. Проходите, располагайтесь. Сейчас будем распаковываться, а потом обедать. Скоро папа с работы придёт, а сынок с тестем уже дома. Вот он обрадуется.

Говоря всё это, мама поставила в угол вещи, повесила на вешалку дедушкин пиджак с фуражкой, сняла с Ваньки ботинки и усадила их с дедом на диван.

На полу простиралась та самая красивая дорожка, которую дед вначале принял за ковёр, и на которой Ванька боролся с отцом когда-то.

– Отдыхайте пока, а я на кухню, – мама скрылась за дверью, а дед с внуком стали осваивать комнату, озираясь по сторонам.

– Недурно устроились. Зачем им Алатырь наш сдался, оно конечно, здесь лучше да богаче, верно? – ворчал дед, испытующе поглядывая на внука.

Но тут в коридоре послышались приближающиеся шаги, знакомые голоса и в комнату вошёл представительный дядя в костюме с галстуком, в фетровой шляпе, в котором Ванька немедленно признал отца.

Встреча была по-мужски лаконичной, не то, что мамины поцелуи, от которых на щеках остаются ярко-красные отпечатки.

– А вот и папа наш пришёл, как раз вовремя. Все за стол, обедать будем, – мама сноровисто накрывала на стол...

– Действительно вовремя, – подтвердил дедушка, не без одобрения поглядывая, как папа водрузил посреди стола прозрачную бутылку с белой головкой и яркой этикеткой: «Столичная».

Комната наполнилась вкусными запахами борща, жареной картошки с мясом, из привезённой бабушкиной банки с солёными огурцами доносился аромат укропа и смородинных

листьев. Взрослые звякают рюмками, а Ванька радостно глядит на них и думает: бабушки только не хватает...

В гостях хорошо, а дома лучше

Утро. Родители уже давно на работе. Ванька прибежал с улицы и уселся рядом с дедом, который курил свою неизменную козью ножку, сидя у стола и поглядывая в окно. Столичная жизнь в гостях у папы с мамой, что может быть лучше?

– Старуха там наша одна, за садом нужен присмотр, огород поливать, да и работа ждёт. Дел по горло, а мы тут сидим целый день одни. Прохлаждаемся. Родители твои на работе, им не до нас, – брюзжал дед, и Ванька понимал всю справедливость его слов, но уезжать ему не хотелось.

– Дед, поезжай один, а я погощу ещё немного и потом приеду, – рассуждал внук, и дед обиженно покосился на него, замолчал.

– Да и дружок твой, Витька, небось заждался, скучает там без тебя, – продолжал гнуть своё дед, и этот его довод перевесил все остальные. Ванька сдался, и они с дедом засобирались в дорогу. Пора возвращаться...

Сон второй. Встреча друзей

Не успели они с дедом войти в дом и обрадовать своим появлением бабушку, как Ванька вновь выбежал из дома.

Он выскочил из сеней и, взбежав на крыльцо, забарабанил в дверь Витькиной квартиры. Громко и радостно крича:

– Витька, выходи, мы с дедом из Чебоксар приехали!

Дверь открыл сам Витька, и состоялась восторженная встреча друзей.

– Я уж думал, ты там, насовсем останешься.

– Ты чо, свихнулся?

– Моя бабушка сказала, тебе с родителями надо жить.

– Они сами к нам приедут. Давай поиграем в твои игрушки? Смотри, что мне папа подарил, – и Ванька извлёк из кармана новенький блестящий пистолетик, явно заинтересовав им друга.

– Пошли к нам, – сразу же пригласил его Витька к себе домой.

В квартире друга

Витька, длинный и тонкий паренёк, с бледным лицом будущего интеллигента, подводит друга к стене, и восхищённый Ванька рассматривает висящий на ней большой настоящий телефон.

Он снимает трубку и прикладывает к уху: в трубке раздаются гудки, треск помех, но Ваньку этим не смутить, всё равно интересно послушать.

У Витьки так много игрушек, что у Ваньки разбежались глаза. К заигравшимся друзьям подошла Витькина бабушка:

– Ребятки, садитесь за стол, пора обедать.

Ванька не возражал, так как не страдал отсутствием аппетита, в отличие от Витьки, который нехотя ковырялся в тарелке и давился пищей.

У него плохой аппетит и его бабушка с надеждой смотрела на Ваньку, уплетающего за обе щеки. Может быть, глядя на Ваньку, и её Витюленька разохотится покушать? Но Витька оставался равнодушным к еде и тоскливо смотрел в тарелку, понутив голову...

Ванька быстро справился с обедом, а Витька всё сидит над полной тарелкой. Тогда ему стало жалко товарища. Хочется помочь, и он предлагает:

– Витька, давай я вместо тебя доем.

А Витькин дедушка, строгий и важный старик, худой, в мундире начальника почты, сидит в кресле и читает газеты, громко шурша и перелистывая страницы, при этом неодобрительно поглядывая на Ванькино румяное лицо, перепачканное сладостями.

И Ваньке уже хочется побыстрее вскочить, и убежать из этой чопорной обстановки, и от Витькиного строгого деда на улицу...

Во дворе

Мальчишки увлечённо ползают на четвереньках по песку; громко рыча и урча, пытаются подражать звукам автомобилей, возят наперегонки свои машинки по песчаным дорогам и колеям, нарочно сталкивая их друг с другом, наезжая одна на одну. Чья машина лучше и быстрее?

– Моя самая непобедимая!

– Нет, моя ещё непобедимее!.. – Они вскакивают и угрожающе смотрят друг на друга. Того и гляди, вспыхнет рукопашная. Но ссоры друзей подобны вешнему снегу, и вот они уже придумывают себе новую игру; катер мчится по песку, словно по воде, а за ним гонится моторная лодка, то настигая врага, то отставая...

– Побежали птенцов смотреть! Дед сказал, они вчера вылупились, из яиц! – восторженно вдруг Ванька, и друзья мчатся к старому вязу во дворе, карабкаются по веткам к заветному гнезду, и восхищённо разглядывают птенцов-воронят...

Скрипка

Из окна Витькиной квартиры, что на втором этаже, лились тягучие тоскливые звуки – Витькин дедушка играл на скрипке.

От этих звуков все в доме и во дворе насторожились; бабушка выглянула из сеней, залаял Дружок, а Ванька с интересом наблюдал, как шедший от колодца дед поставил ведро с водой на землю, чертыхаясь.

Назревал скандал, так как дед терпеть не мог звуков, издаваемых этим необычным для подгорных жителей музыкальным инструментом.

– Опять Василь Василич свои мурлыкающие рыдания завёл. Эй, волчиные рёбра! – крикнул он в открытое окно наверху: – Кончай свою шарманку крутить. На вот, на моём хрену сыграй, лучше получится, – потряс он ширинкой штанов.

Окно наверху тихо закрылось. Звуки смолкли. Соседи, как люди истинно интеллигентные и воспитанные, не любили скандалов.

Бабушка осуждающе замахала на мужа руками, заохала-запричитала:

– Хосподи, и не стыдно тебе. Што соседи подумают, перед Анной Викентьевной неудобно. Василь Василич культурный человек, не чета нам, а ты? Пусть себе играет, раз ему приспичило.

– Замолч! Он знает, что я не выношу скрип этот, всю душу он мне наизнанку выворачивает, так нет, снова завёл.

– Он же у себя дома, хосподи. Помилуй душу раба грешного...

Во дворе опять стало тихо, а Ваньке скучно. Но вот в дверях снова появился Витька, и друзья встретились вновь, чтобы продолжить игры...

– Ванечка, вставай, в школу опоздаешь, – Ванька открывает глаза, и с изумлением видит мать в его маленькой алатырской спальне, радостно вскакивает с кровати; значит, это был просто сон, ведь его родители давно уже живут вместе с ними в подгорье. Правда, Витьки-

друга нет, зато у него есть Васька, и это здорово. Да и сам он уже не малыш, а самый настоящий пионер.

Бабушка хлопочет на кухне, дед курит у печки, отец в передней собирает чемодан и мать помогает ему укладывать вещи.

– Папа, ты куда собираешься?

– Поработаю в одном месте, подарок тебе привезу, договорились?

Ванька кивнул и пошёл на кухню, умываться.

Вот он уже сидит за столом, пьёт какао, ест кашу. Пора в школу.

Бабушка хлопочет возле, помогает внуку одеться потеплее. Мать суёт ему в руки портфель, мешок со сменной обувью и, наконец, Ванька на улице, где холодно и ещё совсем темно. Поспать бы ещё, а тут в школу надо переться.

Он бредёт вверх по переулку, спотыкаясь, тут его настигает друг Васька, и они уже веселее поднимаются в гору, выходят на улицу.

На углу Кировской они расстаются. Васька теперь учится в другой школе.

Посмотрев ему вслед, Ванька торопится дальше, вот он сворачивает за угол и, запыхавшись, подходит к своей школе. Вместе с другими опаздывающими.

Школа приветливо светится окнами, хлопает тугой входной дверью, и тут уже не зевай, иначе собьёт с ног...

У порога учеников поджидает строгая тётя Дуся, уборщица.

– Про ноги не забывай, вон веник, обметайте валенки. Наследят, убирай тут за ними целый день, – басит хмурая с утра уборщица, и Ванька аккуратно обметает валенки, спешит в раздевалку.

Пристроив своё пальтишко с шапкой на забитой одеждой вешалке, он развязал мешок со сменной обувью, переобулся, поставил валенки в угол и побежал в свой класс, где уже начался урок.

Сопровождаемый строгим взглядом учительницы, Ванька пробиравшись к своей парте, как вдруг Симак нарочно выставил ногу и, споткнувшись, Ванька брякнулся на своё место рядом с Таней Журавлёвой, задев ненароком сидевшего на третьей парте Вовку Косырева.

В результате у Вовки в тетради появилась жирная клякса, и он сердито погрозил Ваньке кулаком: – погоди, пенёк рыжий, на перемене получишь у меня по сусалу, – прошипел он негодуя.

– Симаков, Косырев, делаю вам замечание. Продолжим. Маресьев, начинайте писать вместе со всеми, с красной строки, – строго обвела взглядом из-под очков своих нерадивых учеников учительница. – Пишите...

– Марь Михайловна, у меня из-за Ваньки клякса, – не выдержал Вова.

– Это мне Симак ножку подставил. У, рожа поганая, – погрозил Ванька Симак и тот соорудил испуганную рожу в ответ. Класс оживился.

– Тихо, дети. Сосредоточьтесь и пишите дальше:

«Зимние пичужки с ярким, как морозные зори, оперением, снегири и синицы, садились на рябину, медленно, с выбором клевали крупные ягоды...»

В классе было тихо, только старательно скрипели перья учеников, диктант близился к завершению. Учительница ходила меж рядов, следя за тем, как они пишут, поглядывая в их тетради.

У окна, возле большой чёрной классной доски стояли напольные счёты, а на самой доске была написана чётким почерком, мелом, тема диктанта:

«Наедине с природой. Борис Пастернак».

Зазвенел звонок, возвещая о конце урока и начале перемены.

Перемена всегда желанна и скоротечна. В уборной Симак курил папиросу, вызывая завистливые взгляды товарищей, и смачно сплевывая на сторону.

Ванька проигнорировал вызывающе растопырившегося приятеля и, сделав своё малое дело, вышел в коридор.

Как вихрь, на него налетел Вовка Косырев, и мальчишки сцепились в смертельной схватке. Из всех сил они старались повалить друг друга на пол, пыхтя от напряжения и злости.

Галя Петрова, отличница и классная ябеда, подбежала к учительнице:

– Мария Михайловна, там Маресьев с Косыревым дерутся, – доложила она.

Выбежав из класса, все увидели драчунов с красными ушами; закончив выяснение отношений, они приводили в порядок свою форму.

– Маресьев, Косырев, а ну марш, быстро в класс, – скомандовала учительница, и тут зазвенел звонок. Драчуны вместе со всеми заняли свои места.

Класс притих, глядя, как учительница пишет в журнале.

– Двойки им ставит за поведение, – прошептала громко Галя Петрова и показала драчунам язык в назидание за их выходку.

Таня Журавлёва осуждающе отодвинулась от Ваньки и даже отвернулась, показывая всем своим видом – конец их дружбе.

– Симаков, завтра придёшь с родными, а Маресьеву и Косыреву ставлю четвёрку за поведение, – вынесла свой вердикт справедливого наказания учительница, и класс замер: весь внимание.

– За что с родными, Марь Михайловна, – заканючил, было, Симак, притворно всхлипывая, но учительница продолжила, не глядя на него:

– Так, будем решать задачи. Приготовили тетради по арифметике, – она встала и, подойдя к доске, быстро мелом вывела условие задачи.

Ученики старательно заскрипели перьями.

Новый урок начался...

На углу Кировской Ванька подождал Ваську, бежавшего из своей школы, и друзья пошли домой вместе, делясь новостями:

– Я в библиотеке был, книжек вот набрал, приходи, как уроки выучишь, читаем, – мечтательно сказал отличник Вася.

– Мать не пустит, я четвёрку по поведению схлопотал, – уныло отвечал менее удачливый ученик Ваня.

– А ты дневник спрячь пока, не показывай, – помолчав, посоветовал мудрый, как всегда, Вася и Ваня согласно закивал головой, обрадовавшись.

Войдя во двор дома, они разбежались по своим квартирам, не обратив никакого внимания на Паньку, стоявшего во дворе тоже с портфелем в руках. Не до него им было теперь: пора учить уроки.

Обидевшись на друзей, Панька сердито пометал снежки в калитку и побрёл домой. Ему не хотелось заниматься уроками, но куда не денешься, надо...

И снова утро. Ванька слышит сквозь дрему, уже проснувшись, как по радио отзвучал гимн Советского Союза, затем началась утренняя зарядка, которую вёл, как всегда, ведущий Николай Гордеев.

Под бодрые звуки фортепиано он вскочил с кровати и стал собираться в школу, засовывая в портфель тетради и учебники со стола.

– Умница-разумница, сам сегодня встал, в школу уже собирается, – с гордостью за внука доложила бабушка матери, но та сохраняла суровое выражение лица, отчего бабушка с внуком притихли.

– Вот когда поведение своё исправит, учиться станет на отлично, как его друг Вася, вот тогда и будет он, умница-разумница, – передразнила она бабушку.

Дед принёс охапку обледеневших поленьев и свалил у печки.

– Холодновато с утра, – сообщил он, и в подтверждение его слов репродуктор захрипел, затрещал, и заговорило местное радио:

«Внимание. В связи с усилением морозов, занятия в школах с первого по четвёртый классы сегодня отменяются». – Ванька не выдержал и радостно запрыгал, хлопая в ладоши и не обращая внимания на мать, но не тут-то было:

– Раз занятия в школе отменяются, устроим дома уроки чистописания, а то пишешь, как курица лапой, – ледяным тоном, не терпящим возражения, прояснила мама дальнейший план действий сына, и Ванькин восторг угас.

Он побрёл на кухню под сочувственные взгляды деда с бабушкой, не смевших спорить со строгой дочерью.

Ванька уныло сел за стол, сжевал свой утренний бутерброд с маргарином, посыпанным сверху сахарным песком, выпил кружку какао и переместился на новый диван с валиками по бокам, появившийся у них после приезда родителей. Ванька любил посиживать на нём, хлопая валиками туда-сюда.

От нечего делать стал слушать радио. Передавали нанайскую народную сказку, про капризную ленивую девочку, которая считала себя самой красивой на свете и поэтому не хотела помогать маме по хозяйству. В результате, от злости она стала махать на всех близких руками и превратилась в гусыню:

«Ручки у меня самые белые, шейка у меня самая тонкая, красивая я, Айога-га-га, га-га-га...» – Ванька невольно заслушался, интересно.

– Послушай, может, ума-разума наберёшься. Вернусь после работы, и за уроки, – напомнила мать и ушла. Оставшиеся дома облегчённо вздохнули.

Вторая радио-сказка, была про мальчика-луковку, который боролся с сеньором-помидором, и другими богатыми овощами и фруктами за место под солнцем. Ещё интереснее, и гораздо веселее первой.

Чипполино был весёлый, неунывающий, и задорно пел про свою семью:

«У отца детишек много, дружная семья; Чипполино, Чипполоччи, Чипполетто, и, конечно, я!..» – детская передача была в разгаре, когда Ванька вдруг вскочил и стал торопливо собираться.

– Ты куда это, пострел? Морозище какой на дворе, жуть, – строго сказала бабушка, но Ванька продолжал лихорадочно одеваться, выглядывая в окно: соскоблив ногтем морозные узоры на стекле, разглядел друзей в саду.

– Ребята вон все гуляют, а я что, рыжий? – заспорил Ванька на взводе.

– Пускай себе идёт, пока матери нет, – закашлялся у печки дед и Ванька, с благодарностью глянув на него, умчался в зимнюю стужу...

В квартире было слышно, как гудели от мороза провода электропередачи на фонарном столбе у дома, окна заросли красивыми морозными узорами, весело гудел огонь в печи, потрескивали угольки, выскакивая из топки на обитый жестью пол, бабушка ловко орудовала ухватом, устанавливая горшки поудобнее.

Она готовила обед основательно; едоков в доме стало много.

Дед тоже засобиравался на выход, держась за поясницу и покряхтывая.

– Пойду, построгаю што ли, рамы заказали. Просили сделать быстрее, а я всё никак не соберусь.

– Так прихварываешь же, какая работа, – жалостливо глянула на него бабушка, отставляя в сторону ухват и берясь за кочергу.

– Я без работы совсем закисну, помру скорее, факт.

– Типун тебе на язык, старый, ишь чего удумал. Я тебе, помру.

Старики усмехнулись друг другу, и дед вышел в сени, застучал молотком, стал строгать. Бабушка продолжала хлопотать на кухне, прислушиваясь к звукам, доносящимся из сеней...

Мать пришла с работы, когда Ванька был уже дома и отогревался у печки вместе с дедом. Она подозрительно поглядела на них:

– С чего это вы так замёрзли, что греетесь?

Дед с внуком хитро переглянулись, но промолчали. Мать тоже не стала выяснять дальше, она устало прошла в переднюю и присела отдохнуть на диван.

Бабушка сочувственно посмотрела на её большой живот.

– Опять мальчишка будет, живот-то колом, – знающе проговорила она, качая головой. – С одним-то хлопот, а с двумя? Тяжело придётся.

– Ничего, мама. Где один, там и два. Ещё лучше, братья. Проживём.

– Оно так, конечно, нас-то мать наша девятерых родила, и ничего, выросли, жизнь прожили. Четверо на войне погибли, две сестры на работе надорвались, померли, трое осталось, живём пока. Детей, внуков народили. Родня у нас большая. Так-то вот.

– Мама, когда у нас братик появится? – Ванька уже тут как тут. Уши у него как локаторы, всё слышат и улавливают.

– И он туда же, интересуется, – усмехнулась, точь-в-точь, как дед, мать и встала с дивана. – Ты лучше к занятиям готовься, сейчас пообедаю, и засядем...

Домашний диктант был в разгаре; мать диктовала текст из книги, а сын старательно писал в новой тетради, выводя строчки как можно лучше.

– Коряво пишешь, – заглянула в тетрадь мама и отложила книгу в сторону. Отобрав тетрадь у сына, она вырвала из неё страницу и вновь положила тетрадь перед обиженным сыном.

– Начнём сначала. Ты не куксись, а старайся. Ошибок не допускай.

Вновь мать диктовала текст, а сын старательно выводил строчки, шлифуя свой почерк и грамотность. Как вдруг открылась дверь, и на пороге появился отец с чемоданом в одной руке и с авоськой в другой:

– Всем привет. Встречайте, работник прибыл. Не ждали так скоро?

Он весело улыбался, поблескивая золотой фиксой, и Ванька выскочил из-за стола, забыв про диктант. Все оживлённо наблюдали, как он раздевается, ставит чемодан в угол и извлекает из авоськи бутылку водки, водружая её на стол:

– Тестю с нашим почтением, – уважил он деда, – а также с приездом. Отметим мою удачную работу.

Дед ещё больше оживился, а мать с бабушкой нахмурились, но делать нечего, надо собирать на стол...

Приезд отца и семейный ужин, это же целый праздник: дед с отцом звякают стопками, мать с бабушкой тоже присоединяются к ним, чокаясь за здоровье и благополучие, а Ванька пил чай с вишнёвым вареньем, уплетая любимые блины с маслом и слушая взрослые разговоры.

Под них он задремал, и бабушка проводила его в спальню. Взрослые о чём-то заспорили, и под этот шум Ванька заснул тем безмятежным сном, какой бывает только в детстве и отрочестве.

Уборщица тётя Дуся глянула на часы и нажала кнопку звонка: зазвенел школьный звонок, возвещающий о начале перемены. Из классов посыпались дети, в коридоре стало тесно и шумно, словно на вокзале.

Вовка Косырев чинно шёл из уборной и не видел, как сзади к нему подкрался Симак и прилепил к спине тетрадный листок.

Вот Вовка вышел на середину коридора, и все вокруг засмеялись, глядя на его спину; на листке была нарисована глупая рожа, и написано:

«Вовка Косырь – дурень и балбес».

Догадавшись, Вовка сорвал со спины листок и, изучив его, злобно глянул на веселившегося вместе со всеми Ваньку:

– Ну, всё, Ванёк, капец тебе будет после уроков, понял?

– Да это не я! – возмутился, было, Ванька, но Симак тут как тут:

– Получишь теперь, Ванёк, по сусалу. Вовка сильнее, гадом буду.

– Прекратите, мальчики, – возмущённая Таня Журавлёва взяла Ваньку за руку и потянула в класс: – пошли, надо к уроку подготовиться.

– Жених и невеста! – заулюлюкал им вслед Симак, но зазвенел звонок, и погрустневшие озорники уныло поплелись в класс, где их уже поджидала строгая Марь Михайловна, вооружённая указкой.

На доске висела большая карта, возвещавшая о том, что их ожидает нелёгкий урок географии...

После урока географии Ванька выбежал из класса первым и увидел отца, разговаривающего с тётей Дусей. Он подбежал к ним, и вскоре отец с сыном уже шагали по улице.

Ванька завистливо поглядывал в отцову авоську, в которой он разглядел самые настоящие шоколадки. Вот это да, попробовать бы!

– Врачи велели принести их побольше, матери шоколад нужен, – пояснил отец, заметив интерес сына к авоське. – Чтобы братик удачно родился.

Ванька молча проглотил слюну, но просить не стал. И отец оценил это:

– Я тебе одну оставляю, сын.

Идти сразу стало веселее, и дорога уже не казалась длинной.

И вот они у родильного дома...

Ванька подождал, пока отец отнесёт передачу, и вскоре они уже махали руками матери, выглядывавшей их в окне второго этажа.

Она помахала им в ответ, покивала, и они отправились в обратную дорогу, домой. Ваньку обуревали сложные чувства:

– Папа, а как мы братика назовём, тоже Ванькой?

– Нет, что ты, – засмеялся отец, – так у нас одни Ваньки будут. Мы с мамой хотим назвать его Владимиром. Звучит? Ты как, не против этого?

– В честь Ленина? – восхитился догадливый сын. – Законно.

– Можно и так, почему нет? – снова сверкнул фиксой отец, довольный происходящим. – Ну, ладно. Ты иди домой, а я к своим забегу, на Куйбышева.

– А мне можно с тобой?

– Потом как-нибудь, а то меня бабка твоя съест. Пока.

Ванька поглядел вслед отцу, и побежал в своё родное подгорье.

Мальчишки на снегурках бегали по льду, играя в хоккей. Завидев Ваньку с ведром в руках, который вместе с отцом спускался по тропинке к проруби за водой, Симак закричал, махая в воздухе самодельной клюшкой:

– Эй, Ванька, айда к нам, вратарём будешь, ваш Панька не годится, слабак!..

Ванька глядел, как отец зачерпывал воду из проруби. Наконец, с полными вёдрами в руках, они медленно поднимаются по проулку к дому.

Остановившись передохнуть, отец посмотрел на запыхавшегося сына:

– Сейчас воду принесём, и валяй к друзьям, катайся.

– А бабка с мамой не заругаются? – Отец с сыном переглянулись и засмеялись, подходя к калитке дома. Они оббили снег с валенок и вошли в сени...

Братик Владимир надрывался в своей деревянной кровати, сработанной золотыми руками дедушки Маресьева, вокруг сновали с чистыми пелёнками и распашонками мать с бабушкой.

Поставив вёдра у лавки, Ванька выбежал в сени и тут же вернулся со снегурками в руках. Проверив верёвки на прочность, он схватил со стола горбушку черняшки и бросился к двери. Бабушка недовольно всплеснула руками.

– Смотри, недолго там носись, уроки проверять буду, – донёсся ему вслед грозный голос матери, но он уже был в сенях и, выскочив во двор, помчался, что было силы, подальше от дома, на реку к друзьям.

– Все мужики работают, как положено, а твой Лутоша на диване прохлаждается, или у матери отдыхает, намучился, бедняга. Лодырь царя небесного, супостат окаянный, – ворчала бабушка, выговаривая матери вполголоса, и хлопоча по кухне. Наступало время ужина.

У печи закипал самовар под руководством деда.

– Хватит тебе, мама, ворчать, – опасливо посмотрела в переднюю мама, где отдыхал на диване отец, непривычный к жизни в чужой обстановке.

Ванька наблюдал за происходящим, уморившись после напряжённого дня. Мать разбудила отца, и вот вся семья за столом вокруг вечернего самовара. Ужин в разгаре. Но бабушка всё никак не успокоится, снова начинает:

– Второй ребёнок уже у вас родился, а вы всё не расписаны, живёте, как нелюди. Сожительствуете, грех это, прости господа.

Дед тоже нахмурился после таких слов, но пока молча жевал.

– Распишемся скоро, я ведь не против, – беспечно пожал плечами отец, – а вот насчёт работы вы это зря, тёща, выступаете. Я слышал ваше ворчанье. Вы должны понять, я художник, здесь для меня нет работы. Но я езжу на заработки, стараюсь, как могу...

– Ну, хватит балаболить попусту, – прервал их спор дед. – Я вот приглядываюсь к тебе, Николай, пропащий ты человечико, так себе, шалей-валяй. Мужик должен работать, семью содержать, ответственность нести, а ты расписаться боишься, словно тать какой. И доченька тоже хороша, расфуфыренная вся ходит, отцу родному бутылку пожалела, когда муженёк с халтуры приехал. Сидят в передней, денежки втихаря считают, шуршат.

Отец с матерью словно онемели после таких слов, а Ванька дёрнул за хвост кошку, и та с воплем кинулась в комнаты. Все встрепенулись.

– Я вам не фифан какой-нибудь, – резко встал из-за стола отец, загремев табуреткой. – Я фронтовик и инвалид войны, художник, наконец. Всё, амба, моё терпение на исходе.

Он вышел в переднюю и закурил, что делал крайне редко, заходил по комнате. Ванька насторожился: ему не нравилось происходящее, но что поделать.

– Я у себя дома, говорю что думаю, напрямки. Инвалид мне нашёлся, морду отрастил, у другого жопа меньше, – дед, как всегда, на высоте.

Ванька хихикнул некстати, и мать тоже вышла из-за стола, не вытерпела.

– Вы, папаша, такое наговорите, ну её в капсан, такую жизнь!

– Ну и выметайтесь, раз вам наша жизнь в тягость, – подлила масла в огонь разошедшаяся не в меру бабушка, – поживи вон у свекрови, тогда вспомнишь отца с матерью, и не раз.

– Вот и славно, решено. Давай Тося, собирайтесь, уходим, – отец принял решение и Ванька понял, что настал конец их совместной жизни в родном для него подгорье с любимыми дедом и бабушкой.

Со слезами на глазах он наблюдал, как родители собирают нехитрые пожитки, укутывают братика, суют Ваньке портфель в руки, сумку, и вот молодая семья направилась к выходу,

сопровождаемая гробовым молчанием деда с бабушкой, тоже расстроенными от такого исхода дела.

Зимним вечером семья поднималась в гору: впереди отец с братиком на руках, за ним мать с вещами, замыкал шествие Ванька.

Вот они выбрались наверх, отдышавшись, двинулись дальше...

Шли долго по тёмным улицам, облаиваемые собаками из-за заборов. Изрядно замёрзшие, подошли, наконец, к двухэтажному дому, поднялись по крутой деревянной лестнице на второй этаж.

В кромешной темноте вошли в коридор и отец, найдя на ощупь нужную дверь в конце коридора, застучал в неё громко и призывно. Открыла высокая сухошавая старушка и обрадованно заулыбалась:

– Вот радость-то какая, проходите, раздевайтесь, – засуетилась она вокруг промёрзшего семейства, помогая разоблачаться Ваньке.

На помощь ей пришёл невысокого роста дядя в вельветовой, просторной куртке, скрывающей горбы на груди и спине. Он тоже был рад их приходу.

Ванька огляделся и заметил другого дядю, большого и сердитого, который недовольно смотрел на прибывших незваных гостей, лёжа на кровати. Вот он сел и хитро подмигнул Ваньке, потрепал за вихры.

Наконец все кое-как устроились вокруг чайника на столе, стали пить чай.

– Вытурили нас, мама, тесть с тёщей. Придётся пока пожить у вас, ничего не поделаешь, – отец посмотрел на свою мать, братьев, на жену с детьми. Все смотрели на него, ожидая, что он скажет ещё.

– Это мы сразу догадались, как только вы вошли, – едко заметил старший брат, – прямо беженцы, ни дать ни взять.

Младший брат неодобрительно глянул на него, но промолчал.

Бабушка встала и снова засуетилась, отдавая распоряжения:

– Ничего, устроимся как-нибудь. Юрка, неси покрывало и верёвку, повесим ширму для нас в этой комнате, разделимся с Митей, а Коленька с Тосенькой в маленькой комнате жить будут, и Вовочка с ними. Ванюша здесь, с нами.

Снова все принялись за работу, наконец, в комнате стало темно и тихо.

Ванька лежал на новом месте и с непривычки долго ворочался, слушая тишину. Он бывал здесь раньше, с родителями, но редко и давно, и потому смутно помнил отцову родню. Всю свою пока ещё недолгую, но такую насыщенную событиями сознательную жизнь он провёл рядом с дедом и бабушкой Маресьевыми. Каково-то теперь будет здесь?..

Он открыл глаза и первое, что увидел, как дядя Митя со своей кровати снова хитро подмигнул ему. Ванька разглядел стоявшую возле кровати ногу в ботинке. Вот дядя сел, натянул брюки, до этого надел и пристегнул протез, и встал. Прихрамывая, подошёл к столу; пошарив рукой, вынул из тумбочки что-то и кивнул Ваньке, приглашая посмотреть.

Ванька подбежал к столу и ахнул: перед ним лежали настоящие погоны со звёздочками, ордена, медали, значки. Целое богатство.

И тут дядя протянул Ваньке настоящий офицерский ремень с портупеей:

– На, племянник, владей. Дарю.

Ванька примерил и был покорён – он давно мечтал о таком ремне.

Оба были довольны друг другом.

Из магазина прибежал дядя Юра с кошёлкой в руках, и вскоре Ванька уже завтракал, с любопытством оглядывая комнату: на стене стучали маятником старинные часы, в углу стоял большой платяной шкаф с зеркалом во всю дверцу, трюмо в простенке между двух окон.

Затем мать с новой бабушкой проводили его до дверей, и Ванька побежал по ступенькам лестницы вниз, на улицу. Главное, не опоздать в школу.

– Ура, скоро новый год, каникулы! Уж тогда покатаемся, и уроки учить не надо, лафа, – встретившись, как всегда, на углу Кировской, Ванька с Васькой подбежали к переулку, и тут Ванька замер. Он вспомнил, что живёт теперь совсем в другом месте, на улице Куйбышева.

– Я же у папиной бабушки теперь живу, пока, – Ванька зябко поёжился и уныло побрёл назад, сопровождаемый сочувственным взглядом друга.

Идти было далеко, но что такое для алатырского подростка пробежать лишних несколько кварталов. Так, пустяки. Он подошёл к дому и увидел незнакомых мальчишек, строящих на улице крепость из льда и снега. Мальчишки обступили его, и Ванька насторожился.

– Генка Черняк, – протянул ему руку высокий чернявый парнишка, – не бойся. Мы теперь соседи. Ты у Шмариновых жить будешь?

– Это моя бабушка по отцу, и дядя.

– Знаем мы, чать местные, – усмехнулся коренастый большеголовый пацан. – Ты што так поздно из школы чешешь, заблудился, поди?

– Ну, пока, меня дома ждут, – не нашёлся, что ответить Ванька и припустил вверх по крутой лестнице.

– Выходи потом, крепость поможешь доделать, – крикнул ему вслед Генка.

Бабушка с дядей Юрой лепили пельмени на кухне, мать была дома и стирала, а дядя Митя сидел за столом и играл сам с собой в шахматы, попутно сверяясь с учебником по шахматам.

Ванька разделся и присел за стол. Дядя Митя оживился, бросил играть и закричал на кухню, искоса глянув на проголодавшегося ученика.

– Мне пельмешков побольше положите, жрать охота.

Тут же дядя Юра принёс ему тарелку, полную дымящихся пельменей.

Дядя Митя подцепил вилкой пельмень, подул на него, положил в рот, и стал со вкусом жевать, нарочно громко чавкая и поглядывая на племянника, глотающего слюни и с завистью наблюдающего за дядей.

– Хочешь попробовать? – дядя протянул ему вилку с пельменем прямо ко рту, но когда Ванька открыл рот, шутник-дядя убрал вилку, сунул пельмень в свой рот и сам стал жевать пельмень, громко нахваливая и восторгаясь им.

Мать, молча наблюдавшая за происходящим, выпрямилась над стиркой:

– И не стыдно тебе над мальчишкой издеваться? Сейчас, Ваня, будем обедать, подожди немного.

Дядя Юра принёс на блюде несколько пельменей и поставил перед обиженным племянником, опасливо поглядывая на старшего брата.

Бабушка молча страдала в кухоньке, не решаясь вступить за внука.

– Не надо нам ваших пельменей, а то Мите не хватит, – не отступала мать, хлопоча на кухне. – Уж лучше бы дома остались, там хоть куски никто не считает. Тоже мне, родственник нашёлся.

Дядя Митя самодовольно похмыкивал, уплетая пельмени...

Зимняя крепость явно удалась, возвышаясь брустверами и зияя бойницами.

Ванька с Генкой отчаянно оборонялись от наступающих врагов, забрасывающих их снежками и комьями льда, лезущих со всех сторон на стены крепости, но защитники не сдавались.

Младший брат Генки, Вовка, взобрался, было, на бруствер с тыла, но Ванька безжалостно сбросил его и Вовка обиженно заревел...

Наконец наступил мир, и мальчишки сгрудились вокруг Генки Черняка; он вытащил из-за пазухи самодельный деревянный пистолет-поджиг и показывал его восторженным приятелям.

– Вот это пистоль, откуда взял? – завистливо разглядывал поделку коренастый пацан. – Мне бы такой.

– У взрослых ребят на отцовскую финку выменял, – доверил тайну друзьям Генка, оглядываясь на брательника: – Смотри у меня, если проболтаешься.

Ванька тоже посмотрел и пренебрежительно махнул рукой:

– Это што. У моего друга Васьки – настоящий «ТТ», отцовский. Мы из него стреляли. Как жажнем, а пуля чуть Паньке в лоб не попала. Он нагнулся, она в дерево и угодила.

– Кончай травить, от пули не нагнёшься, – заржали мальчишки во главе с Генкой. – Мы сами сейчас жажнем. Посмотрим, какой ты храбрец.

Достав из карманов спички, вояки расположились на крыльце дома, и подготовка к стрельбе началась...

Ванька сидел на стуле у окна и старательно вышивал зайца, стоящего возле лубяного домика, злая лиса была уже готова. Она притаилась возле ёлки.

Вышивальщик настолько увлёкся своей работой, что никого не замечал вокруг себя, корпея с иглой и нитками над холстиной.

Мать строчила рядом на настольной швейной машинке, заканчивая работу над Ванькиным новогодним костюмом. Вошла соседка тётя Наташа.

– Тоня, ты скоро закончишь? А то у меня заказ горит.

– Минут через 15 занесу машинку, спасибо, тётя Наташа. Славный костюмчик получается. Ванечка наш самым нарядным зайцем на новогоднем утреннике будет, посмотрите сами.

Мать встряхнула костюмом, и они стали любоваться им. Проснулся от шума дядя Митя и тоже стал критически разглядывать костюм, хитро щурясь.

– Не хочу я быть зайцем, – воспротивился вдруг Ванька, – уж лучше быть волком, как дядя Митя говорит. Волка все боятся.

Мать с тётей Наташей переглянулись, а дядя Митя согласно кивнул:

– Правильно, племянник, рассуждаешь. Одобрямс.

Из маленькой комнаты показалась бабушка, за ней выглянул дядя Юра, отдыхавшие до того после обеда. Вошёл отец и, шумно раздевшись, опустился на диван возле старшего брата, отдуваясь.

Соседка ушла, провожаемая до дверей бабушкой.

– Ну что насчёт работы? – спросил дядя Митя, дождавшись её ухода.

– А ну их на хрен, предложили слесарем на завод, за гроши. Я в Фонде художником тысячи получал, а тут, с моими-то руками, – жаловался отец родне.

Бабушка с дядей Юрой сочувственно кивали, дядя Митя скептически хмыкал и тряс головой от возмущения, мать с Ванькой хранили молчание, продолжая свою кропотливую работу.

– Ничего, Коленька, приляг, отдохни, ещё наработаешься, – захлопотала бабушка над любимым сыном. Мать недовольно посмотрела на неё.

– Прорвёмся, на фронте тяжелее было. Я тут подумал, мы с тобой настоящим делом займёмся, – снова воодушевился отец, вскакивая с дивана и усаживаясь за стол; взяв ложку, он стал жадно хлебать щи, заедая их хлебом.

– Сделаем трафареты, на одеялах будем ковры штамповать. В деревнях нарасхват пойдут, поверь моему слову.

– Дело гутаришь, – дядя Митя тоже воодушевился, – ещё можно старых фотографий набрать, памятных и дорогих людям, попутно, увеличитель у нас есть. Понимаешь, о чём я толкую?

Братья явно нашли общий язык, объединённые идеей заработков на стороне. Мать недовольно хмурилась, примеряя на Ваньке костюм.

И лишь бабушка Шмаринова любовалась своими ненаглядными сыновьями, одобряя все их замыслы изначально, не сомневаясь. Дядя Юра со вниманием слушал, о чём говорят старшие братья, и улыбался Ваньке.

Тишь да благодать наступила в их маленькой квартирке, и Ванькина детская душа оттаивала, прикипая сердцем к родственникам по отцовской линии.

Новогодний утренник в школе. Ванька в костюме зайца смущённо топчется на сцене, искоса поглядывая в зал, где среди других родителей он видит сияющую от гордости за своего сына мать.

Ещё он старается не столкнуться с другими персонажами сценки, и когда на него наступает лиса-краса, он испуганно пятится, как и положено в сказке.

Под дружные аплодисменты родителей персонажи убегают за кулисы, а вперёд выходит насмерть перепуганный первоклассник и начинает своё выступление звонким дрожащим голоском:

*– Расступитесь Марсы и Венеры,
Я корабль космический веду.
Именем учительницы первой
Назову открытую звезду.*

На смену поэту выходит многочисленный хор пионеров, среди них и Ванька. Построившись, как положено, пионеры дружно грянули:

*– Взвейтесь кострами, синие ночи,
Мы пионеры, дети рабочих...*

Мария Михайловна сегодня не выглядит строгой и недоступной. Она разговаривает с родителями, и ласково смотрит на подошедшего после выступления Ваньку, обращаясь к его маме:

– Знаете, Антонина Ивановна, Ваня способный ученик. Ему бы дисциплины побольше и усидчивости, вполне может стать отличником.

Мать тает от таких слов педагога, она вся внимание.

– Вполне может, – продолжает Мария Михайловна, – а вообще он озорник. Выступал хорошо, порадовал и нас и свою маму.

Ванька смотрел на празднично украшенную ёлку, и в пол-уха слушал разговор учительницы с матерью. Вокруг ёлки водили хоровод первоклашки и второклашки, было многолюдно и необыкновенно хорошо.

Ванька улыбался своим одноклассникам, их родителям, вообще всем присутствующим в школе на празднике, он готов был обнять их всех, если бы мог, он был просто счастлив.

Вот из школы стали выходить родители с детьми, даже тётя Дуся показалась во дворе и удовлетворённо оглядела расчищенную заранее от снега дорожку, ведущую от дверей школы до ворот на улицу.

По этой дорожке шёл и Ванька с матерью, держа в руке новогодний подарок...

Шестая глава И снова «Весенние радости»

Отец ловко набивал красками, разведёнными в банках, большой трафарет, лежавший сверху на старом одеяле, прямо на полу, дядя Юра придерживал за концы, сидя на корточках.

Вот они осторожно сняли трафарет, и взорам присутствующих предстал новоиспечённый ковёр: три оленя в лесу у родника.

Дядя Митя одобрительно покивал и снова принялся ретушировать старые фотографии, подрисовывая утраченные места. Облокотившись на стол, Ванька наблюдал за ним, поглядывая в окна – там была весна, солнце. Он был наказан матерью за неуспеваемость.

– За что двойку-то получил? – сочувственно поинтересовался дядя.

– За арифметику, не люблю я её, – пробурчал кислый Ванька.

– А кто её любит? Мы тоже вот не особенно, зато рисовать умеем, все художники, – засмеялись дядя вместе с отцом, и Ванька улыбнулся.

Бабушка погладила его по голове, словно маленького, и одарила конфетой.

– Ладно, мать не скоро ещё с работы придёт, – выпрямился отец, хрипло прокашливаясь, – беги, давай, пока её нет, гуляй.

Ванька вскочил и бросился одеваться; скорее на улицу...

Мальчишек на улице не было, и только речные чайки кружились над помойкой посреди дороги, куда все жильцы сваливали хозяйственные отходы.

Вот со двора вышел лысый сосед-дурачок, проживавший на первом этаже с престарелой матерью; подозрительно поглядев на Ваньку, он вылил помой из ведра на дорогу, испугнув чаек и, запахнув телогрейку на босо тело, почесал обратно домой, бормоча сердито под нос разные ругательства.

Ванька посидел на скамейке у дома, греясь на солнце от нечего делать, показал язык и скорчил рожи двум соседским девчонкам, из дома напротив, чем же дальше заняться?

Подбежал к колонке и попил воды из тугой струи, облившись.

Издалека увидев мать, спешащую с работы с сумками в руках, бросился вверх по лестнице, домой.

Вечер. Мать прибрала со стола после ужина, и отец с дядей Митей разложили снова фотографии, старые иконы – всё это было уже отреставрировано, и готово вернуться к хозяевам. В углу сохли ковры.

Разложив товар по сумкам, братья сели за шахматы, дядя Юра пристроился рядом стоя, чтобы наблюдать за игрой. Ванька рядом с ним, прислушиваясь к бормотанию брата Вовы за стенкой.

Мать с бабушкой успокаивали его, забавляли, а он то смеялся, то разражался рёвом, и тогда взрослые морщились, Ванька морщился больше всех.

– Дядя Митя, расскажи про войну, – попросил племянник, поправляя офицерский ремень на поясе, который он носил дома и на улице, не снимая.

– А что рассказывать, я в заград-отряде служил. Вот отец твой герой, пусть расскажет, как в атаку ходил, как медаль «За отвагу» получил.

– Что такое заград-отряд, дядя? – настырничал племянник.

– Сзади лежали с пулемётами, и своих же бойцов расстреливали, когда те отступали, – тут же откомментировал отец; спохватившись, что сказал лишнее, замолчал. Но было уже поздно.

– Не своих, а отступающих трусов, – побагровел дядя Митя, забыв про игру в шахматы. – Потом мы же последние и были, кто оборону держал. Как начнут фрицы мины бросать, так я вот ногу и потерял.

Ванька сочувственно потрогал дядину ногу, но эта нога оказалась настоящая, а не протез, и дядя с Ванькой рассмеялись. Дядя Юра тоже громко захохотал. Смешно.

– Юрка, за хлебом забыл сходить? Гогочет тут, горбыль! – рассердилась не на шутку бабушка, тыча его своей клюкой под рёбра, и охаживая по горбам.

Дядя Юра ловко и привычно уворачивался, братья наблюдали схватку.

– Утром савтра спекаю, чево пристала, старая, – огрызнулся дядя Юра, побледнев от неловкости перед племянником и женой брата. Он был глуховат и картавил, мягко выговаривая твёрдые гласные и согласные.

– Как сейчас помню, – понаблюдав за схваткой, вспоминал отец: – командир взвода лейтенант Барангулов получил приказ; прорваться в тыл врага и создать панику. Нас поддержали огоньком, стволов в двести, ну а мы на конях, и навели там шороху. В это время наши бойцы пошли в атаку, смяли линию фронта, а мы присоединились к своим в заранее условленном месте.

Ванька восхищённо смотрел на отца, дядю Митю, забыв про остальных.

– Я всё время богу молилась, чтобы мои сынки живыми домой вернулись, – тоже вспоминала бабушка, прослезившись. – Наголодались мы тут с Юркой во время войны, не приведи господь. Видишь, Ванечка, ковёр с тремя богатырями? – показала она Ваньке ковёр, висящий на стене в маленькой комнате.

– Это дядя Юра твой спичками рисовал. Кистей не было, красок мало. Да ещё на старой клеёнке. Заострит спичку и сидит, мажет. Есть всё равно нечего.

Ванька уважительно поглядел на дядю Юру, на ковёр: три богатыря на конях были словно живые.

– Да, Юра молодец. Я бы не смог спичками написать. Терпения сколько надо, – покачал головой отец, и все жалостливо посмотрели на смущённого вниманием к своей скромной персоне дядю Юру.

– Да, а я помню, как приехал к Николаю в гости, в Чебоксары. Тося дома была, тут Николай приходит с работы; получку, говорит, получил. И выкладывает на стол кучу денег, я прямо обезумел, – глаза у дяди Мити заблестели.

– Пять тысяч тогда получил, заказов было перед октябрьскими праздниками, завались, – уточнил отец, погрустнев от воспоминания о былой столичной жизни.

– Я тогда подумал; зачем я бегаю по этажам конторы с бумагами, инженерик в приплюснутой фуражке, ногу натираю до крови. И всё за 350 рублей в месяц, – возмущался дядя Митя. – Всё, баста! Тоже стану художником...

Он замолчал было, но любопытство распирало его:

– Да, и такой работы лишиться, не понимаю, – покачал он головой в недоумении, подозрительно поглядывая на невестку. – Признавайся, Николай, за что тебя поперли? Небось, напился до чёртиков, и подрался, так?

Отец молчал, не желая бередить душу воспоминаниями. Такое не забудешь.

– Ну, чего пристал к брату? А то ты его не знаешь. Напился на банкете, хвастаться начал, а когда меня их директор на танец пригласил, он и взбеленился.

– Так он тебя лапать начал, ну я ему и врезал промеж гляделок чувашских пару раз. Его замы на помощь подлетели, тут и началось.

– Драться ты мастак, а вот соображаешь плохо. Ну, станцевала я один танец. Делов-то. А он директора своего бить бросился. Накостыляли да выбросили на улицу. Еле до дома довела. Кошмар. Стыдно вспомнить.

В комнате наступила неловкая пауза.

– Да ладно, чего уж там, – махнул рукой отец, – просто надоело. Директор чуваш, замы его тоже. Национальные кадры. А я этого не люблю. Вот поедem, заколотим денъжат, – размечтался отец, – глядишь, и домик свой купим, – подмигнул он жене с сыном. Все заулыбались ему, а бабушка чмокнула любимого сына в облысевшую маковку.

– Аминь, – попытожил дядя Митя, и сделал ход: – тебе шах.

– Ах, ты, ёксель-моксель, ёкарный бабай, – задумался отец над ответным ходом. – Ё-к-л-м-н, о-п-р-с-т, – ободряюще кивнул он сыну, и Ванька сел рядом с отцом, болея за него. Он впитывал происходящее и услышанное, как губка воду.

– Нас пятеро, одного не хватает, – пересчитал игроков Генка Черняк, и вдруг увидел соседского мальчишку из дома напротив, вышедшего из ворот погреться на солнышке, поглазеть по сторонам.

– Эй, Венка, давай дуй сюда, нам вратаря не хватает!

И вот мальчишки трое на трое играют в хоккей самодельными клюшками, гоня тряпичный мяч возле осевшей и потерявшей былой, грозный вид снежной крепости. Остановившись передохнуть, Ванька увидел полузабытую, было, бабушку Маресьеву, и бросился ей навстречу, оставив приятелей.

– Бабуля! Я тебя сразу узнал, – произошла радостная встреча соскучившихся друг по другу родственников.

– Пришла вот вас проведать, как вы тут поживаете? Забыл, небось, бабушку-то с дедом, – причитала бабушка, с трудом поднимаясь по лестнице вслед за лёгким на ногу внуком...

– Сватья пришла, проходи-проходи, раздевайся, – улыбалась ласково папина бабушка, помогая раздеться маминой. – Тосенька, посмотри, кто к нам пришёл, радость-то какая, господи, – позвала она невестку.

Из маленькой комнаты показалась мама с Вовой на руках. Она тоже обрадовалась приходу матери. Дядя Юра засуетился по хозяйству.

Бабушка Маресьева покосилась на чересчур приветливую, как ей показалось, сватью, и присела к столу, оглядывая квартиру.

– Пришла вот навестить, мать всё же, не кто-нибудь, – обиженно поглядела она в сторону дочери, та промолчала, памятуя о прошлом.

– Юрка, сбегай в магазин, хлеба купить надо, к чаю чего-нибудь, сахару пилёного не забудь, прикупи, – распоряжалась бабушка Шмаринова на правах хозяйки дома, бабушка Маресьева благосклонно внимала происходящему, прижимая к себе внука старшего и разглядывая внука младшего.

– Вырос-то как, скоро бегать, поди, будет, – ревниво говорила она, принимая на руки Вову и расцеловывая его. – Грех на мать-то обижаться, чево в жизни не бывает, поругались-помирились, дело житейское, чай, – пеняла она дочери, бабушка Шмаринова молча соглашалась с ней, поглядывая на невестку.

Та тоже оттаяла душой при встрече с матерью. Мир был почти восстановлен. Прибежал дядя Юра из магазина.

– Коленька с Митенькой на работу поехали, мы вот одни пока, без них, – объясняла папина бабушка маминой, глядя, как та прихлёбывает чай из блюдца, и пододвигая к ней поближе конфетки. Суёт и Ваньке.

– Спасибо, пора и честь знать, – чинно поклонилась бабушка Маресьева хозяйке и поднялась, крестясь на иконы. – А то дедушка мой, поди, заждался, один он там без меня, – покосилась она снова на дочь, надевая зимний пиджак и повязывая платок на голову.

– Бабушка, я тебя провожу, – вызвался Ванька, одеваясь.

– До свидания, мама, привет передавай от нас отцу, – провожала мать бабушку, напутствуя сыну: – не заблудись, смотри по дороге.

– Ты чего, мам, я же не маленький, – обиделся Ванька, выскакивая за дверь вслед за бабушкой Маресьевой на лестницу.

Они шли вдвоём по улице, и Ванька рассказывал бабушке про свою жизнь на новом месте, та внимательно слушала внука.

– Друзей у меня здесь полно, Генка Черняк, Венка Пигусов.

– Вася с Панькой про тебя всё спрашивают, когда придёт, говорят, – отвечала бабушка обиженным голосом, – и мы с дедом тоже скучаем.

– Приду скоро, – взрослым голосом пообещал внук и спросил: – ты не знаешь, почему дядя Юра горбатенький такой?

– В детстве они игрались втроём на печке, мать на работе была, вот они и разбаловались, да и уронили младшего братца с печки-то прямо на спинку железной кровати. С тех пор он и захирел, зачах, потом и горбы выросли. Судьба такая, знать, у него на роду написана, – словоохотливо рассказала бабушка внуку и остановилась передохнуть. – Намаялись тогда с ним, страсть.

– А дедушка Шмаринов давно помер?

– В тридцатом ещё. Раскулачивали тогда богатеев-то, он и отдал богу душу, не выдержал, стало быть, потери имущества. Магазин у него большущий был на станции, так-то вот, – заболталась бабушка про прошлое и осеклась, поглядев на внука. Лишнего наговорила. – Ты отца спроси, он тебе расскажет лучше про своих-то родных, – но Ваньку уже интересовало другое.

Он с любопытством смотрел на пацанов, затеявших возле забора игру в деньги. Медные пятаки и серебряные гривенники только отскакивали от досок, и пацаны бросались смотреть, чья денюга оказалась ближе...

– Давай иди домой, а то мать заругается. Скажет, я виновата, – она грустно посмотрела вслед убежавшему внуку и тоже заторопилась к себе домой, оглядываясь и бормоча что-то про себя.

Отец с дядей Митей приехали шумные и оживлённые, с чемоданами в руках. В квартирке сразу стало тесно, зато интересно. Ванька разглядывал привезённую ему отцом новую шерстяную форму с ремнём и фуражкой с кокардой. Предел мечтаний тогдашнего школьника.

Кто победнее, носили фланелевую форму, как Ванька до того. Остальные ходили, кто в чём. Бабушке был подарен платок, матери – кофта, дядя Юра получил зимнюю шапку с кожаным верхом и сразу утонул в ней, размер оказался велик, но он не унывал, наоборот:

– Тёте Наташе оттам, она стелает, – убеждённо говорил он Ваньке.

Вот они выпивают за столом, обедают с дороги, вспоминая поездку:

– Ковры наши сразу расхватили и заказали ещё больше, – хвастался подвыпивший отец, щурясь на окружающих домочадцев. – Фотографии тоже понравились, Митя хорошо придумал.

– И перевыполненный план сразу в карман, – сбалагурил дядя Митя и они ещё больше развеселились, опрокидывая стопки одну за другой.

– Завтра сбегая кой-куда, дом присмотреть хочу, – сообщил отец матери, сидящей рядом и осуждающе поглядывающей на выпивох.

– Мама сказала, рядом с ними часть дома продают, на Сурско-Набережной. Пока не продали, надо сходить посмотреть.

– Давай завтра с утра, и отправимся, – отец не возражал.

– Часть дома ты потянешь, а то сразу на целый размахнулся, он больших денег стоит, – остудил расхोлившегося отца старший брат. – Если не хватит, поможем, я дам займы, –

расщедрился экономный обычно дядя Митя и покосился на скептически усмехнувшуюся невестку.

Бабушка млела и таяла от гордости за своих сыновей, и поглядывала на фото покойного мужа, как бы разделяя с ним радость, пришедшую в их дом.

Ванька щеголял по комнате в новой школьной фуражке, но подпоясанный офицерским ремнём дяди Мити. Мать довольно оглядела его:

– Теперь хорошо. А то старая форма мала, поизносилась, я и не знала, что делать, во что его одеть, – делилась она радостью со свекровью, та согласно кивала в ответ, ласково поглядывая на сыновей и внуков.

– Вот и ладно, что складно. Даст бог, всё наладится теперь...

Семья подъехала к своему новому жилищу на грузовике; мать с Вовой вылезли из кабины, отец с Ванькой выгрузились вместе с вещами из кузова.

Шофёр откинул деревянные борта и помог разгрузаться. Правда, скарб был небольшой, и вскоре семья была уже в доме.

Прихожая маленькая, зато комната была просторная с окнами на улицу, большая русская печь вызвала спокойствие и уверенность.

Отец собрал сделанную ещё дедом Маресьевым кровать-качалку для братца и Вовка сразу же закачался в своём углу, радостно-возбуждённый от таких перемен в их жизни.

Ванька поставил в угол портфель и попросился у матери:

– Можно я к деду с бабушкой сбегать?

– Небось, по друзьям соскучился, – проницательно глянула на сына мать, – а кто в доме помогать будет, Пушкин?

– Пускай бежит, какая от него ещё польза, сами управимся, – отец был мягче матери, хотя и вспыльчивый до бешенства, и Ванька убежал.

Он вбежал во двор первого в своей алатырской жизни дома и сразу увидел деда с бабушкой; они пилили дрова и не сразу заметили внука.

Радость переполняла его, он подбежал к ним:

– Бабуля, давай я теперь с дедом попилю, – обрадовал он стариков и заступил на бабушкино место. Но теперь он пилил не так как раньше, в далёком детстве, а вполне уверенно, совсем по-взрослому и дед вскоре запыхался, выпрямился, остановившись передохнуть.

– Совсем деда уморил, – сообщил он бабушке её же словами. Она бросила укладывать поленницу, и они радостно заулыбались, особо бабушка.

– Теперь мы соседи, рядом жить будем. Я всё время буду к вам в гости приходить, – утешил Ванька загрустивших, было, от его слов стариков.

«Ваня!» – донеслось до Ванькиных ушей, и он увидел друга, выглядывавшего из окна наверху и призывно машущего ему рукой.

– Пойду к Ваське загляну, – вернул он пилу бабушке и взбежал на крыльцо, ведущее в квартиру друга. Дверь открылась, впуслав Ваньку под радостный лай забежавшего во двор Дружка.

Из соседней двери выбежал Панька, почуяв что-то неладное, и тоже взбежал на Васькино крыльцо, застучал в дверь сначала рукой, затем ногой, канюча впустить и его на правах друга. Дверь нехотя открылась, и Панька радостно ворвался внутрь...

Дед с бабушкой закончили работу и дед, поставив козлы у сарая, пошёл в дом вслед за бабушкой, когда в калитку на правах соседей вбежали Симак вместе с неразлучным Сашкой длинным.

Они тоже поднялись на Васькино крыльцо и забухали в дверь ногами. Наконец, многострадальная дверь открылась и выпустила на волю троих соскучившихся друг по другу друзей. Вместе с новоприбывшими они сбежали с крыльца. Состоялась долгожданная встреча закадычных друзей-приятелей:

– Ты чо, опять к нам жить приехал? – поинтересовался Симак.

– Он теперь на Сурско-Набережной живёт, рядом с Откосовыми, – ответил за друга Васька, довольный передышкой в уроках. Не тут-то было.

Снова открылась дверь, и друзья увидели грозную Васькину мать:

– Вася, не забывай про уроки! – она презрительно оглядела сорванцов и покачала головой, дескать, куда денешься от таких соседей.

– Побежали на Суру, поглядим! – Ванькина идея пришлась всем по вкусу, и компания помчалась вниз по переулку, к реке.

– Вася, не бегай долго, простудишься! – закричала им вслед Марь Васильевна, но мальчишек уже и след простыл.

По переулку спускался пьяный в лоскуты дядя Саня Лабуркин, сосед, горланя какую-то непотребную песню, и Дружок испуганно убежал в проулок напротив, ведущий в Сандулеи, а Марь Васильевна поглядела-послушала и плотно закрыла за собой дверь, не забыв запереть её на засов.

В новом доме было по-новому уютно и тепло. Вовка спал в своей кроватке, а Ванька сидел за столом и рассматривал привезённые отцом книги: быстро пролистав унылые картинки блокадного Ленинграда, нарисованные художником Пахомовым, он взялся за альбом Брюллова и, просмотрев красочные портреты, приступил к изучению сумрачных картин Рембрандта.

– Изучаешь? – подсел к нему отец, пришедший со двора. – Про жизнь Рембрандта почитай, я оторваться не мог. Интересно. Особо про сына его, Титуса ван Рейна. Да, Рембрандт был настоящий художник, мастер.

Мать стучала посудой в прихожей, убиралась. За окнами синел вечер, сопел брат в кроватке, и Ванька тоже зевнул.

Мать выглянула из прихожей, посмотрела на своих сморившихся мужчин:

– Скоро будем ложиться, потерпите немного. Я сейчас, домою вот.

– Хочешь, я портрет твой напишу? – вдохновлённый просмотром работ великого художника, спросил отец сына. Ванька неопределённо пожал плечами, но отец уже загорелся идеей портрета старшего сына.

Вынув из-за печки подрамник, примерил холст, открыл этюдник и проверил наличие кистей, красок. Ванька тоже увлёкся, следя за отцом.

Мать разобрала кровать, затем постелила Ваньке на печке, уложила Вовку в кроватке как следует, и вскоре все уже спали. Было слышно, как за стеной стучали и разговаривали соседи, лаяла соседская собака на запоздалого прохожего, и Ванька улыбался сквозь сон, чутко реагируя на эти звуки...

Школьный двор оживлённо шумит: идёт урок физкультуры. Девочки прыгают в высоту, мальчики в длину. Тётя Дуся граблями зачищает песок после каждого прыжка, громко ворча и ругаясь беззлобно.

Прыгнул Вовка Косырев, теперь настала Ванькина очередь.

Он приготовился и по команде учительницы помчался: разбежавшись, оттолкнулся от доски и прыгнул...

Приземлился дальше других, на зависть одноклассникам.

– Маресьев прыгнул на отлично. А ты, Косырев, что же отстаёшь? – Мария Михайловна была строга и справедлива, как всегда.

Косырев злобно стрельнул глазами в сторону Ваньки, но промолчал: сказать было нечего. К прыжку готовился Витя Марков, спортсмен и отличник.

Он тоже прыгнул на отлично. И Ванька стал смотреть на девочек.

Девочки зааплодировали, когда планку высоты ловко взяла Таня Журавлёва. Следом за ней помчалась отличница Галя Петрова, но сбила планку и, сконфуженная, отошла в сторону.

– Теперь поменяемся местами; девочки прыгают в длину, мальчики в высоту. побыстрее, урок заканчивается, – скомандовала учительница.

В высоту Ванька прыгал гораздо хуже и сбил планку.

Зато Вовка Косырев прыгнул выше других, перепрыгнул даже Маркова, и победно поглядывал в сторону Ваньки.

Зазвенел звонок, паритет был достигнут, и соперники побежали в школу, за ними потянулись другие ученики. Перемена так коротка, а надо ещё переодеться и подготовиться к следующему уроку...

Мальчишки не спеша шли домой после школы; один за другим они расходились в разные стороны. Ванька остался наедине с Вовкой. Они шли молча, не глядя друг на друга, но включив боковое зрение.

На Кировской их догнал, как обычно, Васька, и они пошли втроём.

– Давай сегодня в городскую библиотеку запишемся, или завтра сгоняем, – предложил другу Васька, но тот вяло махнул рукой. Настроение у Ваньки было препоганое и портилось ещё больше по мере приближения к дому.

– Он опять двойку по арифметике схлопотал, мамаша теперь ему задаст, – злорадно пояснил Вовка, и Васька сочувственно глянул на двоечника.

Они остановились у Ванькиного дома, постояли недолго, и Васька пошёл дальше к переулку уже в одиночестве.

– Теперь мы соседи, – примиряюще сказал Вовка и Ванька кивнул.

Из ворот дома вышел Юрка Откосов, тоже новый сосед Ваньки, и присоединился к стоящим. Они помолчали, изучая друг друга.

– А ты в школе не был? – спросил Вовка у Юрки, и тот отрицательно помотал головой, хитро ухмыльнулся:

– Я болею, простыл. Куда она денется, эта школа? Находимся ещё, верно, Ванька? – он по-дружески хлопнул Ваньку по плечу.

– Ладно, мне домой пора, – Ванька пошёл к себе домой, новые товарищи изучающе смотрели ему вслед, словно размышляя, принимать его в свою команду или нет. Они явно сомневались.

– Надо о нём Чистилю рассказать, как думаешь?

– Верно. Он сразу его расколлет, а там будем посмотреть ...

Ванька сидел за столом и учил уроки. Вот он открыл дневник, хмуро полюбовался двойкой и стал стирать её резинкой. Он так увлёкся, что не заметил пришедшего отца, пока тот не подошёл и молча наблюдал за работой сына.

Ванька вздрогнул и оглянулся, прикрыл двойку рукой.

– Я тоже двойки стирал, – успокоил отец сына. – Не бойся, я матери не скажу. Только она всё равно узнает, тебе же хуже будет. По арифметике получил? – наклонился отец к дневнику. Посмотрев, отошёл.

Ванька вздохнул, а отец достал подрамник с натянутым холстом, этюдник и удобно расположился у окна на табурете; прямо перед собой на стуле он установил холст, разложил краски, приготовил нужные кисти, налил в баночку разбавитель и, довольный собой, поглядел в окно. Осталось только подождать, пока сын закончит свои уроки...

Он готовился писать портрет и наблюдал, как сын закончил уроки и стал запихивать учебники в портфель, спрятав дневник подальше.

– Давай садись. Начнём, пока матери нет, – позвал он сына и усадил его на стул возле печки. Поправив белый воротничок на новой форме и алый галстук, отец удовлетворённо оглядел сына и принялся за работу.

Ванька задумался о чём-то своём, глядя в окно, отец увлечённо работал, и они проморгали тот момент, когда пришла мать.

Тут же проснулся Вова и заорал, вскочив в своей кровати.

– Рисуете? – злорадно протянула мать, увидев нетронутое молоко в бутылочке для Вовы. – Ребёнок голодный остался, без полдника, а им хоть бы хны! – бушевала мать, выхватывая Вову из кровати и пихая ему бутылочку с молоком в руки. Вова тут же успокоился и принялся за полдник.

Отец с Ванькой виновато молчали, посматривая на него.

– Я на работе целый день, приду домой, тут тоже конь не валялся. Ты хотя бы ужин приготовил, а то или у своей родни сидит, в шахматы с Митей играет, или дома рисует, – ругала мать отца, и тот не выдержал, вспылil:

– Хватит, не то всю плешь пропилишь. Надоело.

– Если надоело, так работать иди, нечего баклуши бить.

– Скоро поеду в Канаш, церковь в реставрацию сдают, настенная живопись облезла, приглашают меня. Это большие деньги, – набивал себе цену отец, но мать неумолима, как приговор в суде:

– Халтура, она и есть халтура. Иди на фабрику оформителем, там зарплата каждый месяц, и стаж идёт. А то пропьёте деньги с братцем да с друзьями, а есть каждый день надо.

Отец вскочил и выбежал из дома, лишь бы подальше от бесконечных скандалов. Настала Ванькина очередь, и он обречённо вздохнул.

– Сейчас отдохну, ужин приготовлю, и уроками займётся. Как я погляжу, не успел наверно со школы прийти, сразу рисовать.

– Я учил, – неуверенно отвечал Ванька, но мать не проведёшь:

– Вот и посмотрим, чего ты научил. Дневник приготовь, проверю.

Ванька сник, отдаваясь воле судьбы...

Он сидит за столом, и всё пишет и пишет, шлифуя свой почерк и посматривая на сердитую мать, которая строго следит за его работой.

– Опять напартачил, так не пойдёт, – она твёрдой рукой вырывает очередной лист из тетради, и Ванька снова пишет длинный текст из учебника литературы, отобранный специально для него матерью.

Наконец, ей надоело возиться с сыном, и Ванька радостно вздохнул, почуввав слабину. Так и есть, интуиция не подвела его.

– Хватит на сегодня, завтра продолжим. Ты обязательно будешь у меня отличником, как Вася. Ты что, хуже его? Да и Мария Михайловна верит в твои способности, – тут мать с некоторым сомнением оглядела сына, который сразу же забыл про уроки. – Ладно, погуляй с полчаса, и домой. Перед домом гуляй, в подгорье не бегай, уже поздно.

Ванька со всех ног кинулся одеваться, пока она не вспомнила про дневник.

Он выбежал во двор дома и у своего сарая увидел отца, который вышел из уборной и теперь смотрел в небо, задрав голову. Ванька последовал его примеру, и они вдвоём стали любоваться звёздами, усыпавшими небосклон.

Внизу, в подгорье лаяли собаки, чуя волков за рекой, а у них во дворе было тихо, лишь горели окна в доме у соседей.

– Вон большая медведица, а рядом малая, видишь? – показывал отец сыну, но сын был хорошо знаком со звёздным небом и в ответ тоже показал отцу:

– А вон млечный путь, это вот полярная звезда.

Отец удивлённо посмотрел на сына и Ванька пояснил:

– Мы с Васькой астрономию давно уже изучаем, с первого класса.

– Ладно, хорош, пойдём домой. Мать, наверное, заждалась, – глубоко вдохнул напоследок свежего воздуха отец, и они подались в свой новый, уже обжитый дом, с любопытством заглядывая в ярко освещённые окна соседей.

– Мама не смотрела дневник, – счёл нужным сказать сын.

– Устала, наверное, на работе, но ты не обольщайся, завтра посмотрит, тогда задаст тебе перцу, только держись, – пострашал отец сына, закрывая входную дверь на крючок. В коридоре было темно.

Отец на ощупь нашёл дверь в комнату и открыл её: Ванька зажмурился от яркого света и тепла, пахнувшего навстречу.

В маленькой прихожей было тесно, но отец с сыном дружно раздевались и вешали одежду на вешалку, снимали обувь, не замечая неудобств. Это был их дом, пусть и небольшой, но собственный...

По пашне прыгали скворцы, налетевшие целой стайкой в поисках червяков и другой живности. Ванька с матерью и отцом вышли копать огород.

Соседи уже давно копали, о чём свидетельствовала полоса свежевскопанной земли, по которой сновали скворцы, отгоняя воробьёв и синиц.

– Здравсьте, дорогие соседюшки, – с ироничной улыбкой приветствовала их тётя Настя, а дядя Гриша молча кивнул, не отрываясь от работы. – Чой-то запоздали вы малость, проспали, небось?

– Устаю на работе, тётя Настя, – пожаловалась мать, и соседка сочувственно покачала головой, поглядывая на отца, с энтузиазмом взявшегося за вспашку.

Покопав немного вместе со всеми, отец вдруг разделил участок пашни на три равные части, и стал копать свою часть, поближе к тропинке.

Ванька старался изо всех сил, но за матерью ему было не угнаться, как впрочем, и за отцом. Припекало солнце, становилось жарко.

Отец устал, непривычный к тяжёлому труду на земле. Отерев пот со лба, он покопал ещё немного и бросил лопату, чертыхаясь:

– Я художник, а не крестьянин. И горло саднит. Заплатим, вскопают весь огород за деньги-то. Найди кого-нибудь, слышишь?

– Лодырь ты, а не художник. Мама права, – рассердилась мать, глядя, как отец плюнул с досады и полез вверх по тропинке, бросив их на произвол судьбы, но мать с сыном решили не сдаваться:

– Сами вскопаем, не впервой, – мама с сыном ещё усерднее принялись за работу, и вскоре у Ваньки образовались волдыри на руках, но он не жаловался.

Завидев деда с бабушкой, вышедших на свой огород с лопатами, Ванька радостно замахал им руками, мать тоже выпрямилась.

– Надо бы маме с папой помочь, – она обвела свою обширную пашню взглядом и снова стала копать. – Отец твой подвёл нас, работничек.

– Мама, ты глянь, тётя Лида с тётей Нюрой пришли, и Юрка со Славкой, – снова обрадовался Ванька, увидев своих тёток и братьев троюродных, пришедших на помощь бабушке с дедом.

– Слава богу, – тоже обрадовалась мама приходу родственников.

– Можно, я к ним сбегая?

– Беги уж, я сама докопаю ...

Ванька помчался через огороды и вот он уже рядом со своими родными, о чём-то толкует с братьями, забыв про работу, больше мешаясь под ногами взрослых, чем помогая им; мальчишки ещё совсем, подростки.

Вот на огородах появились Васька и Панька с родителями, мальчишки объединились в ватагу и умчались куда-то по своим делам.

Мать вздохнула и снова принялась копать свой новый огород вместе со своими новыми соседями. На душе у неё стало гораздо легче...

Ванька с Васькой вышли из школы и целеустремлённо направились к Дому пионеров, что на Ленинской улице. Они боялись опоздать.

– Переходи к нам в кружок, мы скоро настоящий планер запускать будем. Я сейчас макет «У-2» заканчиваю, здорово получается, – уговаривал Васька товарища, но тот небрежно отмахнулся, не оценив грандиозности замыслов.

– У вас скуотища, реечки клеить, больно надо. Мы костюм водолаза изучаем, скафандр называется, знаешь? Азбуку Морзе зубрим, на сигнальных флажках переговариваться учимся, как настоящие матросы. Понятно?

Полные разногласий, они подбежали к зданию с вывеской: «Дом пионеров».

Васька скрылся за дверью, торопясь в свой кружок, а Ванька побежал дальше. Ему тоже опаздывать ни к чему. Не любил он этого, так дед научил.

Вот и его здание с вывеской: «ДОСААФ».

В просторной комнате уже начались занятия: бравый моряк-отставник, которого Ванька встречал не раз в обществе тёти Лиды, объяснял ребятам устройство глубоководного водолазного костюма, скафандра, показывая, как надевается он на водолаза, как закручивается шлем, как подаётся воздух.

Рядом с ним стоял Юрка и внимательно слушал руководителя кружка на правах почти родственника. Увидев Ваньку, Юрка важно подмигнул ему и снова углубился в изучение предмета.

«Лидкин хахаль», – вспомнил Ванька высказывание его бабушки на счёт моряка-отставника, и с любопытством уставился на него, тоже стал слушать и смотреть во все глаза вместе со всеми, представляя, как он в таком водолажном костюме ходит по дну океана, а над ним плавают акулы...

Ванька вбежал домой и, бросив портфель на стул, увидел бабушку, укачивающую брата. Она сердито погрозила ему пальцем, призывая к тишине, и снова стала раскачивать кроватку, напевая что-то.

Ванька сел в прихожей за стол и стал жадно поглощать приготовленную для него еду, он был голодный, как волк. Подошла бабушка и зашептала ему:

– Потихе ходи, а то Вовку разбудишь, слон. Я пошла, дома у самой дел полно, дед один там хворый мается. Мать записку для тебя оставила, на столе лежит. За хозяина остаёшься, – она ушла, а Ванька подбежал к столу:

«Сынок, уберись по дому, с братом поиграй, будешь умницей – 50 копеек получишь в награду за труды. Мама», – прочитал он, и рьяно стал заниматься хозяйством; приволок ведро воды, тщательно вымыл пол, покрикивая на проснувшегося братца. И тот не плакал, зачарованно наблюдая за действиями старшего брата, которого он боялся и беспрекословно слушался.

Переделав все дела, он уселся за стол и стал глядеть в окно на улицу, поджидая мать с работы. Братик играл на полу с игрушками, по радио шла какая-то передача, и Ванька прибавил звук, стал слушать радиопостановку:

«Ирина, Ирина, – звал слабохарактерный царь Фёдор, – скорее позови шурина. Борис!..» – Ванька так заслушался, что едва не прозевал мать, шедшую с работы; она торопилась по улице с сумками в руках, и Ванька побежал её встречать, строго цыкнув на братца, чтобы сидел смирно.

– Вижу-вижу, порядок навёл, с Вовиком играешься, – оценила мать старания сына. – Сейчас ужин приготовлю, об уроках, поди, забыл?

– Так завтра воскресенье, мама, какие уроки? – напомнил Ванька, и она согласно замолчала, вышла в коридор и стала накачивать примус, стучать кастрюлями. Ванька показал братику кулак и тот, собравшись, было, заплакать, замолчал, преданно глядя на старшего брата.

За окном сгустилась синь наступающего вечера, по улице мимо их окон прошёл кто-то, и снова стало тихо и безлюдно...

Утро. Ванька включил радио: «*Шупашикар колозят...*» – заговорили по-чувашски, но он привык к этому ещё в Чебоксарах, улавливая знакомые слова. Настроение у него было безоблачное, у братца тоже.

Воскресная передача «*С добрым утром*» пришла на смену местному радио, и настроение братьев улучшилось ещё больше.

– Отец, когда приедет? – спросил Ванька у матери, хлопчущей по хозяйству. Та промолчала и в сердцах застучала посудой ещё громче.

Тогда Ванька открыл книгу, в которой рассказывалось про жизнь и творчество художника Рембрандта, и стал читать, помня наказ отца, и искоса приглядывая за братцем, чтобы не набедокурил.

Затем, по радио начали передавать сказку «*Приключения Буратино*», и Ванька невольно заслушался, отложив книгу в сторону. Мать поставила перед ним тарелку с манной кашей, и он стал завтракать, слушая сказку вместе с братиком Вовой, который тоже завтракал под чутким руководством матери.

– Можно, я с Васькой в кино пойду? – увидев, что мать улыбается, тут же спросил Ванька, и она утвердительно кивнула. Взяв ридикюль, она щёлкнула замочком и, порывшись в кошельке, вручила ему обещанные ещё вчера 50 копеек. Подумав, добавила ещё 50, и Ванька расцвёл от неожиданности.

Вскочив, он стал собираться на улицу...

Мать с грустной улыбкой прослушала, как сын простучал каблуками по коридору и хлопнул дверью. Взяв Вовика на руки, стала тоже собирать его на улицу, и Вовик радостно засмеялся, догадавшись об этом.

– Мы с тобой к бабушке с дедушкой пойдём, в гости, вот они обрадуются, скажут: кто это к нам пришёл, такой красавчик и умник. Потом погуляем там по саду, и домой вернёмся, – рассказывала она сынишке, и тот, в полном восторге, слушал свою любимую маму, торопясь как можно быстрее оказаться на улице...

– Здорово, я бык, а ты корова! – Симак пожал Ванькину руку, и компания во главе с Васькой торопливо зашагала по направлению к кинотеатру «АРС». Шествие замыкал, как всегда, Панька...

Простояв очередь у кассы, и купив билеты, мальчишки вошли в фойе и купили себе по мороженому в вафельных стаканчиках. Паньке не хватило на мороженое, и он завистливо поглядывал на счастливых, глотая слюну.

Прозвенел третий звонок, и мальчишки заняли свои места во втором ряду согласно купленным билетам. Они вертели головами и чувствовали себя чудесно в шумном просмотрном зале, наполненным самым разновозрастным людом.

Погас свет, и взорам очарованных друзей предстала необыкновенно прекрасная для неискущённого зрителя кинокомедия: «Черноморочка».

Ванька сидел, не сводя глаз с экрана, друзья тоже...

Выйдя на улицу, пацаны кто как мог, пересказывали особо понравившиеся места из фильма, больше всех старался Симак, приплясывая под героиню и наступая на оторопевшего Паньку.

В Ванькиных ушах ещё звучали песни, мелодии и танцы. Перед его внутренним взором мелькали лица героев, и он шёл, молча переживая увиденное чудо, уже скучая и мечтая снова увидеть его.

– Давайте завтра ещё сходим, после уроков? – предложил он.

– Понравилась черноморочка? Я бы тоже не отказался от такой красотки, – скорчил рожу Симак. – Можем и завтра, и каждый день ходить, чать, целый месяц будут крутить, успеем насмотреться.

В шепотной голове его родилась новая идея, и он остановился:

– Пойдёмте со мной, не прогадаете. Я вам таких наших черноморочек покажу, ахнете! Ляжете и не встанете, гадом буду.

Ватага дружно побежала вслед за выдумщиком, и вскоре была возле городской бани. Пацаны недоумённо переглядывались.

– Не пойду я в баню, – заупрямился недогадливый Панька, остальные тоже мало чего понимали, ожидая дальнейшего развития событий.

Симак таинственно махнул им рукой и повёл за угол бани, к окнам, низко расположенным над землёй и замазанным белой краской. Мальчишкам стало беспокойно, они озирались по сторонам, опасаясь, не заругает ли их кто-нибудь из взрослых, если увидит.

Симак ловко подобрался к одному из окон, где краска была соскоблена, и пригласил друзей на просмотр; пацаны по очереди приникали к окну и, смущённые, отходили в сторону.

Настала Ванькина очередь. Он заглянул внутрь; это было женское отделение, и Ванька увидел, как женщины моются, не догадываясь, что за ними могут подсматривать. Они разговаривали, тёрли друг другу спины, мыли детишек, и Ванька вспомнил себя в этой бане с бабушкой в далёком раннем детстве. Но это было так давно, что казалось неправдой.

Женщины наклонялись, мыли толстые ноги и необъятные по разумению мальчишек, задницы, большие груди, окатывали себя водой из шаяк, и Ванька засмотрелся, было, такой непривычной была картина, потом отпрянул от окна и подошёл к возбуждённым мальчишкам.

– Ну, как, хороши черноморочки? – ржал довольный Симак, показывая руками необъятность увиденных женских задниц и грудей.

– Так они старые все, – разочарованно махнул рукой Васька, и пацаны взволнованно засмеялись.

– Там есть одна ничего, не скажи, – размышлял Сашка длинный, вызвав новый бурный приступ веселья товарищей.

– В «Октябре» скоро «Тайны двух океанов» показывать будут, две серии! Вот уж тогда поглядим, – размышлял Ванька. – Говорят, про подводников и шпионов. Приключенческий фильм.

– Лады. Пошли к себе в подгорье, покурим, – Симак показал товарищам пачку «Прибоя» и компания поспешила домой, в родное подгорье.

– Хотя Ванёк теперь не наш, он уже городской, – подначил, было, Ваньку злой на язык Симак, но получил от Сашки длинный тычок под рёбра в знак того, что он не прав, и смягчил свою позицию: – наполовину наш, наполовину городской, это уж верняк.

Пацаны не обращали внимания на его трёп, торопясь побыстрее оказаться на месте, в ожидании нового и не менее увлекательного приключения: посмолить папиросками и поболтать о разном. Ведь они сами уже почти взрослые.

Панька старался не отставать от старших, завистливо поглядывая на карман товарища, в котором лежала заветная пачка папирос.

Мария Михайловна взволнованно оглядела свой любимый класс, где принаряженные ученики чинно сидели парами в ожидании прощальной речи своей строгой, бессменной учительницы.

– Ну вот, дорогие мои, сейчас не только последний урок в этом учебном году, после него вы станете учениками пятого класса, и осенью пойдёте уже в другое здание школы. Там у вас будут разные учителя, классный руководитель, новые предметы, и вы узнаете много нового, станете на ступень взрослее.

Ванька переглянулся с Таней Журавлёвой, другие тоже недоумевали, что такое приключилось с их обычно строгой учительницей.

– Я хочу, чтобы вы всегда помнили свою первую школу, не забывали и обо мне, своей первой учительнице. Вы всегда останетесь в моей памяти такими, как сейчас, даже когда вырастаете и станете взрослыми людьми.

– Мы вас никогда не забудем, Марь Михайловна! – вскочила отличница Галя Петрова и, подбежав к учительнице, прижалась к ней.

Мария Михайловна приложила платочек к повлажневшим глазам, в классе все взволнованно задвигались. Прозвенел последний звонок, разряжая обстановку и все шумно вскочили из-за парт, обступили свою учительницу.

Они ещё не осознавали важности происходящего. Они радовались, что закончились уроки, и впереди у них целое лето, каникулы. А что будет после, так до этого ещё так далеко, когда это ещё будет?..

– А сейчас сделаем фото на память. Все идите за мной, и тётю Дусю позовите, – ученики вышли из класса следом за Марь Михайловной и выстроились вдоль стены коридора.

Фотограф установил треногу с фотоаппаратом, усадил и расставил учеников вокруг своей первой учительницы. Марь Михайловна сидела в центре на стуле. Сбоку к стоящим ученикам пристроилась тётя Дуся, и все впервые увидели её смущённую улыбку.

– Приготовились! – скомандовал фотограф и приник к фотоаппарату.

Вспышка на миг ослепила всех:

– Есть, все свободны ...

Ванька с Вовкой, как соседи, спешили домой уже вместе. На Кировской их настигли Васька с Симаком, и все радостно засмеялись, размахивая портфелями. Со школой покончено до осени. А впереди их ожидало долгожданное лето.

– «Черноморочку» твою наконец-то убрали, – сообщил Симак Ваньке. – Теперь «Подвиг разведчика» идёт. Железный фильм, сгоняем, дружбаны?

Дружбаны согласно закивали, продолжая путь к дому.

У Ванькиного крыльца компания остановилась. Подошли Толька Чистяков со своим извечным адъютантом Витькой, оба из соседнего двухэтажного барака, вышел Юрка Откосов из своего дома.

Хулиганистый Толька Чистяков оглядел мелюзгу, покуривая папиросу. Он был старше года на два и важно вытащил из кармана пачку «Беломорканала», протягивая ребятам и предлагая закурить.

– Ух, ты, ништяк, – не стушевался Симак и вытянул из пачки сразу две штуки. – Это про запас, хорэ?

Остальные не решались, переглядываясь.

– Давайте на огородах покурим, вечером, – предложил Симак, и все согласились. На крыльце показалась Ванькина мать, подозрительно оглядывая компанию и особенно Тольку

Чистякова с Симаком. Они ей явно не нравились, те тоже не питали нежных чувств к этой строгой, и сердитой соседке.

– Ваня, пора домой, – скомандовала она и улыбнулась Ваське, игнорируя других: – Вася, заходи к нам в гости, давно тебя не видела. У Вани много книг по искусству, заходи, не стесняйся.

– Зайду, тётя Тося, – отвечал Васька под смешки приятелей.

Ванька попрощался с друзьями и пошёл домой, сопровождаемый насмешливыми комментариями Тольки Чистякова:

– Ваня, пора домой, заходи Вася, не стесняйся, – передразнивал он Ванькину мать под гогот приятелей. Ванька сердито оглянулся на насмешника.

– Он ещё оглядывается, напугал меня, ой, помираю! – ёрничал Толька, но компания после Ванькиного ухода распалась; Васька с Симаком побежали в подгорье, Вовка Косырев домой, Юрку Откосова позвал отец и он тоже ушёл, а Толька Чистяков с адъютантом Витькой большим побрели к своему барaku...

Родное подгорье утопало в цветеньи своих садов; цвела сирень пышным цветом, черёмуха, вишни и яблони, по откосам оврагов сплошным ковром раскрылись ландыши, стайки птиц перелетали с дерева на дерево, над смородинными кустами порхали бабочки, жужжали шмели, майские жуки и мухи.

Ребята расположились по склонам своей любимой воронки, оглядывая окрестности и любуясь птицами. Взрослых рядом не наблюдалось, и они вольготно покуривали папиросы, подражая всё тем же взрослым.

– В дальний лес, за кордон надо сходить. Там грибов и ягод, говорят, не меряно. Зава-лись, – Симак показал в синеющую даль за Сурой, все тоже поглядели: далеко придётся шагать, путь не близок, но заманчив.

– Это ещё не скоро, – отмахнулся Сашка длинный.

– Я сеть плету, сам: ячейки мелкие делаю для верности, сетками рыбу ловить будем, – похвалился трудолюбивый Васька, и ребята уважительно поглядели на него, соглашаясь.

– А я попросил отца велик мне купить. Представляете, на велике по городу разъезжать, – размышлялся Ванька, и ребята тоже оживились.

– А у меня самокат есть, брат Саня сделал. С настоящими подшипниками, – гордо сказал Панька и все добродушно посмеялись над недомерком. Панька был необидчив и смеялся над собой вместе со всеми.

От переулка к ним бежали через огороды троюродные Ванькины братья Юрка со Славкой, и Ванька призывно замахал им руками.

Наверху, на горе показались Вовка Косырев и Юрка Откосов.

Они заинтересованно глядели в их сторону, и ребята засвистели им призывно, предлагая присоединиться к компании. Те стали спускаться вниз, привычно прыгая по склону, словно альпинисты.

Компания сразу разрослась, и смех из воронки стал разноситься далеко вокруг, вспугивая птиц и подгорных собак, которые загавкали из своих дворов и подворотен, захлебываясь от злобы на нарушителей тишины и спокойствия.

Вся эта какофония звуков отразилась и на взрослых.

В огороде показалась Васькина мать, и Васька вынужден был покинуть коллектив под улюлюканье новоприбывших озорников.

– Маменькин сынок, отличник, – скривился Юрка Откосов, и они с Вовкой Косыревым насмешливо заржали вслед послушному паиньке.

– Нам тоже приходится подчиняться, – вздохнул Славка Карачаровский, вспомнив про свою строгую бабу. А Юрка Борисов добавил, ухмыляясь:

– Попробуй, послушайся нашу бабу Грünü, так врежет по затылку, голова потом неделю целу раскалывается. С детских лет над нами лютует, старая карга.

Ванька, вместе с другими, сочувственно выслушал обиды братьев на свою бабушку и вспомнил, как он сам в детстве побаивался грозного вида бабу Грүни.

– Я бы не позволил своей бабушке бить меня, – возмутился, было, Вовка Косырев, но под насмешливым взглядом соседа Юрки стушевался. Тот видел, как отец порол Вовку ремнём под руководством бабушки.

Наслушавшись страшных историй и увидев свою мамашу, появившуюся в огороде, Панька со всех ног припустил к дому, поднялся и Ванька:

– Пойду и я домой, мать ждёт. Завтра увидимся.

Проводив ушедших насмешливыми взглядами, оставшиеся парни закурили ещё по одной; в воронке стало потише, и только табачный дым от папирос стал стлаться над ней ещё гуще. Примолкли птицы, угомонились собаки.

Вечер опускался на родное для них всех подгорье.

Седьмая глава **И снова «Лето на Суре»**

Ванька, с братиком на закорках, резво спускался сначала от дома по узкой крутой тропинке вниз, на огороды, пробежав через огороды, стал спускаться по переулку, к Суре; Вовка вцепился в братнину шею и с ужасом глядел сверху по сторонам, боясь свалиться на землю и разбиться.

– Не бойся, Вовка, я держу, – успокаивал старший брат младшего, выбегая, наконец, к реке. Увидев друзей, резвящихся в воде, он призывно заорал им, махая рукой, и Вовка чудом удержался на его спине.

Сбросив братика на песок, Ванька нашёл прут и очертил круг вокруг Вовки, так, чтобы ему было, где поиграть.

– Вот за эту черту, если выползешь, – поднёс он кулак к личику братика, – враз башку отверну, понял?

Вовка понял как нельзя лучше, кивая в ответ.

А Ванька мгновенно разделся и бросился догонять друзей; поплавав и поныряв, все разлеглись отдохнуть, отгоняя назойливых слепней. Ванька оглянулся и ещё раз посмотрел в сторону брата: тот играл в песок.

Тогда он вскочил и, как всегда, подзадорил вострепенувшегося Ваську:

– Ну что, рванём наперегонки?

Затем быстро вошёл в воду, Васька за ним. Симак и Сашка длинный тоже вскочили, и лишь Панька трусливо остался сидеть, опасливо глядя на ту сторону реки: до противоположного берега было далековато, да и течение быстрое, снесёт или в воронку попадёшь, тогда хана, закрутит и головой об корягу на дне.

Опасно плавать через Суру и Панька знал об этом. Потому и сидел; пускай насмеются, он потерпит, не гордый.

В это время друзья изо всех сил плывут, плывут на ту сторону, стараясь перегнать один другого. Переплыв, бегут по берегу вверх по течению.

Отдохнув, снова бросаются в воду и плывут, что есть силы, выгребая как раз к тому месту, откуда приняли старт...

К их возвращению набежало ещё несколько знакомых мальчишек, которые стали нырять на глубину, стараясь достать донный песок и, вынырнув, показать его в знак доказательства, что достиг дна.

Ванька свечкой ушёл на глубину: вода потемнела, в ушах зазвенело, но он достал рукой до дна и, схватив горсть песка, пошёл вверх; вода посветлела, и на последнем дыхании он вынырнул, показывая всем руку с зажатым в ней песком.

Мальчишки одобрительно загалдели, ещё один пацан ушёл под воду свечкой, и все замерли в ожидании: но назад он не вынырнул. Все ждали, зачарованно глядя на стремнину, и когда до них дошло, что пацан утонул, ужас охватил мальчишек, и все разом бросились из воды на берег, а вдруг утопленник схватит их под водой за ноги и потянет за собой на дно реки.

Страх погнал их ещё дальше, домой. Ванька подхватил Вовку и побежал, стараясь догнать убежавших друзей. Впереди всех нёсся Симак.

Добежав до середины переулка, Симак присел в облюбованном всеми для большого дела месте и с испугу наложил огромную кучу: подтянув трусы, он оглянулся посмотреть и замер в недоумении; куча получилась в виде серпа и молота. Симак онемел в полной прострации.

Набежали другие мальчишки и тоже, зажав носы, останавливались полюбоваться произведением искусства. Пробегая мимо, Ванька привычно зажал нос и замер на мгновение, затем побежал дальше, восхищённый:

– Ну и Симак, настоящий художник, скульптор!..

Во дворе дома ребята обсуждали происшедшее, Вовка играл в камешки.

– Это Витёк с Киевского переулка утонул. Я видел, как он нырнул и капец, с концами, – рассказывал герой дня, Симак. Остальные сидели смирно, подавленные происшедшим.

С реки пришли взрослые ребята, ходившие поучаствовать в поисках: Саня Дамарин, старший брат Паньки и Толя Шлепнёв, живущий теперь на месте Лабуркиных, недавно переехавших всей семьёй куда-то в город.

Вот из их квартиры показался дядя Федя, отец Толи, выбежали сёстры на выданье – Зойка и Валька, местные красавицы. Даже Панькина мать подошла и молча слушала, что говорят ребята.

– Мужики баграми ищут, шарют по дну. Не скоро найдут, унесло, поди, далеко парнишку-то, под железнодорожный мост, – серьёзно говорил Саня присутствовавшим, жадно внимающим ему. Толя подтвердил:

– На самой стремнине утонул, конечно унесло. Теперь ищи-свищи.

– Лезут куда не следует, а матери-то теперя каково?! – вспыхнула вдруг тётя Дуся и треснула Паньку по затылку для профилактики.

– А я чево, я тама и не купался, – заныл незаслуженно обиженный Панька.

Сёстры засмеялись над ним и побежали вверх по переулку – гулять. В нарядных платьицах, туфельках, ладные и складные, стройные, на загляденье.

Саня с Толей тоже пошли переодеваться, пока младшие приходили в себя, и вышли в костюмах, белых рубашках и при галстуках, в новых кеппи.

– Пойдём, прошвырнёмся, в горсад заглянем, – сообщил Толя отцу и тот согласно кивнул, любуясь красавцем-сыном. Тётя Дуся поддержала:

– Конечно, дело молодое. Это нам, старым пням, на крыльцах сидеть да вокруг глядеть, лясы точить да семечки лузгать.

Взрослые оживились, мальчишки завистливо смотрели, как старшие ребята чинно поднимаются по переулку. Солидно переговариваясь.

А навстречу им спускались пьяные в дымину Васькины родители: дядя Антон держался за забор, чтобы не упасть ненароком, Марь Васильевна шагала посреди переулка, так что ребята едва обогнули её огромную фигуру.

Дядя Федя с тётей Дусей переглянулись и ушли по домам, Васька тоже сбежал от стыда подальше, Ванька взял Вовку за руку и потащил к деду с бабушкой в гости. И лишь оба Сашки выбежали в переулок и наблюдали, как Васькины родители добираются домой с работы, насмехаясь над ними и копируя их пьяные походки...

Вовка сидел у деда на коленях и радовался, подпрыгивая на них, как на лошадке. Дед подарил ему деревянный пистолет, точно такой же, как и Ваньке когда-то, и Вовка цепко держал его обеими ручонками.

– Тоже вояка вырастет, наше племя, – усмехался дед, запыхавшись.

– До Ванюшки нашего ему далеко, не та прыть, – возражала бабушка, угощая внуков наспех сварганенными блинцами, да чаем с вишнёвым вареньем.

Наверху что-то тяжело упало, аж потолок затрещал.

– Опять Антоша с кровати упал, – резюмировал дед, бабушка сокрушённо покачала головой, поглаживая Мурку, вьющуюся у её ног.

– И как это у них утроба выдерживает, каждый божий день вдугаря с работы приходят. Вечером дома тоже без бутылки за ужин не садятся.

– Нам домой пора, скоро мать явится, – вскочил Ванька, глянув на ходики. Он схватил Вовку в охапку и, сопровождаемый бабушкой, выскочил во двор и помчался напрямик, через огороды, затем вверх по тропинке рысью.

Бабушка опасливо смотрела им вслед; не упали бы с горы-то.

Только Ванька отдышался, усадил братца в угол к игрушкам, наспех вымыл пол, отжимая тряпку и бегом протирая пол насухо, как хлопнула входная дверь и вошла мать, как всегда с сумками в руках, пытливо всматриваясь в озорника-сына, и оглядывая содеянное им по дому.

Найдя содеянное удовлетворительным, она захлопотала по хозяйству.

– Завтра у меня выходной, Вовик со мной будет, а ты можешь рыбалкой своей заняться, как хотел, – обрадовала она сына. В знак благодарности тот налепил солдатиков из пластилина для братца, и Вовик восхищённо наблюдал за волшебными руками старшего брата.

По радио задушевно пел русский народный хор, день – такой насыщенный впечатлениями, завершался тихим мирным вечером. И ужином втроём: Ванька с матерью ели гречневую кашу с молоком, Вовик сидел рядом с ними за столом, как взрослый, и питался кашей манной. Он очень старался, но получалось у него ещё плохо, и мать время от времени вытирала ему рот салфеткой.

– Отец наш совсем заработался, денег наверно кучу привезёт, – высказал им Ванька наболевшее, но мать не поддержала разговор, и тогда он скорчил брату такую смешную рожу, что Вовик прямо зашёлся от смеха.

Мать не стала ругаться, вопреки обыкновению, и даже улыбнулась своим детям, а им только этого и надо. Однако, когда игры братьев достигли апогея, и в комнате настал «дым коромыслом», она быстро навела порядок, и снова тишь да гладь да божья благодать воцарились в их маленьком домике...

Друзья ловили рыбу круглыми сетками на палках. Опуская по очереди сетки в воду, они юлили ногами в воде, привлекая этим рыбу, но на отмели, где они находились, попадались только пескари.

– Вон там вчера Витёк утонул, – Симак огляделся. Они были довольно далеко от вчерашнего места происшествия, но всё-таки им было не по себе.

– Не нашли ещё его, – ответил Васька неохотно.

– Ты чо, его, поди, под мост утащило, ищи-свищи теперь, – авторитетно пояснил Сашка длинный, насаживая на кулан очередного пескаря.

Ребятам надоело ловить пескарей, и они выбрали на берег.

– Твоя мамаша на работе? – спросил выдумщик и заводила Симак у Паньки, тот кивнул утвердительно и Симак бурно обрадовался: – Побежали к Паньке домой, в картишки сразимся!

Ребята помчались вверх по переулку. Пробегая мимо куч в углу дома, они зажали носы, не забывая посмотреть на вчерашнее произведение Симака.

Оно ещё не утратило вида, и Симак гордо любовался им, пробегая последним. Налюбовавшись, рванул вдогонку: он не любил быть последним.

Очутившись во дворе, рыболовы и картёжники вдруг увидели соседок, удобно расположившихся на огороде.

Валька с Зойкой загорали, лёжа на одеяле и томно поворачиваясь.

Мальчишки взволнованно любовались стройными фигурками девушек.

Симак стрельнул камешком и попал в старшую, Зойку. Она лениво приподнялась и погрозила мальчишкам кулачком.

Они засмеялись, довольные вниманием.

– Кто там, Зойк? – поинтересовалась Валька сквозь дрёму.

– Пацаны, мелюзга соседская, – нарочито громко и презрительно ответила Зойка и снова улеглась на одеяле, оттопырив задницу.

Смущённые мальчишки ретировались к Паньке домой, играть в карты.

– Давай бей, тетёха, чего заснул? – пихнул Симак задумавшегося в нерешительности Паньку, тот несмело положил карту на стол, застеленный старой клеёнкой, опасливо поглядывая на приятелей.

– Крести, дураки на месте! – тут же отреагировал Симак, кидая ему следующую карту, приятели тоже подбросили по одной. Панька молча сгрёб карты к себе, обиженно хлюпая носом.

– Не можешь в подкидного играть, не садись, – авторитетно заявил Сашка длинный, и приятели снова приготовились обыгрывать своего младшего кореша.

Как-то незаметно для окружающих и самих себя они вытянулись, подросли и из детей давно уже превратились в подростков. Сашка длинный стал просто большим, даже Панька являл из себя коренастого крепыща. Васька с Ванькой сидели рядом, они тоже вытянулись и окрепли. И только Симак оставался таким же щуплым и плюгавым, как раньше, только стал ещё нахрапистее и наглее. Хотя в душе они были ещё всё теми же детьми, что и раньше.

И Ванька часто думал: «Когда же я вырасту, наконец, и буду такой же большой и красивый, как Толька Шлепнёв, или хотя бы, как Санька Дамарин. Так надоело быть маленьким и беззащитным, все взрослые только и делают, что командуют: иди туда, иди сюда, делай то, делай это».

Симак лихо махнул рукой и нечаянно опрокинул красивую герань на окне. Все проследили, как цветок упал на пол, а горшок разбился вдребезги. Панька бросился подбирать черепки, и тут вошла его мамаша.

Она поставила кошёлку с продуктами на стол и грозно оглядела расшалившихся картёжников. Увидев разбитый цветок на полу, разгневалась:

– А ну марш отседова! Лето на дворе, нечего тут дурака валять. Я вам покажу кузькину мать. Кто цветок разбил?

Она приготовилась отвешивать оплеухи направо и налево, но пацаны ловко поднырнули под её руку и бросились в коридор, так что оплеуха досталась, как всегда, замешкавшемуся в дверях Паньке, и тот с воплем выбежал во двор вслед за более ловкими приятелями.

Дядя Федя дымил на скамеечке перед входом в свою полуподвальную квартиру, наблюдая за расшалившимися вконец пацанами.

Мимо них прошествовали утомлённые загаром Валька с Зойкой, и скрылись в недрах квартиры, не замечая мелюзгу, но и пацанам было не до соседок. Они вошли в раж.

Симак цыкнул слюной в Паньку, но промахнулся и попал в Ваньку. Утеревшись, тот схватился с приятелем биться на кулаках. Остальные с интересом наблюдали, Панька отбежал в сторонку на всякий случай.

Получив от Ваньки удар в скулу, Симак отбежал и стал метать в него камни, один из них попал Ваньке в лицо и он бросился на приятеля, но тут вмешался дядя Федя, как опытный рефери:

– Давайте-ка все в переулок, хватит хулиганить, лучше в лапту сыграйте, или в мяч, больше пользы будет. Кому я сказал?

Его грозный рык возымел действие, и драчуны переместились в переулок...

Ванька потрогал ссадину на щеке и, поморщившись, хотел, было, продолжить схватку, но время для этого было упущено: внимание мальчишек переключилось на прохожих.

Мимо них проходил сосед из Сандулей, и мальчишки поприветствовали взрослого мужика, сняв кепки, один Симак стоял, засунув руки в карманы и не думая снять свою фуражку, за что тут же поплатился.

Сосед треснул ему по затылку, и фуражка сама слетела с головы неучтивого пацана. Симак оторопел от неожиданности и злости.

– Здороваться надо со взрослыми, как полагается, – научил его уму-разуму сосед и Симак сразу же вынул руки из карманов.

Подобрав фуражку, он картинно растопырился, не изменяя своей натуре, и нарочито подобострастно прокричал вслед взрослому обидчику:

– Здрасьте вам, дяденька, извиняйте!

– Так-то лучше будет, – оглянулся на него сосед, не заметив фальши, а Симак горделиво нахлобучил фуражку на место, восстановив пошатнувшийся было авторитет в глазах друзей.

– Панька, за мной, мяч с битами принесём, – скомандовал Васька, и они помчались в дом, оставив приятелей в нетерпении от предстоящих сражений.

Из калитки напротив вышла соседская Наташка.

– Натаха, подь сюда, шестой будешь, – обрадовались наконец-то её появлению пацаны, и девочка недоверчиво приблизилась к ним.

– Теперь порядок, трое на трое махнёмся. Я с Сашкой большим и Васька с нами, а Ванька с Панькой и Натаха с ними, ну держись! – ярился в предвкушении интересной баталии Симак.

Сашка большой критически оглядел девочку, но промолчал. В переулок выбежали со двора Васька с Панькой, и игра началась...

Бабушка вышла из сеней и прислушалась к шуму из переулка: услышав голос внука, улыбнулась и оглянулась на деда, ковыряющегося у верстака. Дед силился строгать по привычке, но получалось у него плохо.

– Иди лучше на солнышке погрейся, отец, – позвала она мужа, с жалостью наблюдая за его усилиями. – Вот силов наберёшься, тогда и строгай себе на здоровье. А пока отдохни, наработался на своём веку-то, поди.

Дед послушно отложил рубанок и тоже показался на дворе. Отдышавшись, присел на табуретку перед окнами и дрожащими руками стал сворачивать козью ножку. Табак просыпался меж пальцев.

– Руки-то будто чужие, совсем не слушаются, – пожаловался он жене.

– Ничего, старый, ещё поживём на свете божьем, – старалась подбодрить его бабушка, но в голосе её уже не было прежней уверенности.

– Антоша с Фирой обещались прийти в гости. Намедни я с Фирой у магазина повстречалась, говорит, придём, давно Иван Яковлевича не видели.

Дед оживился на мгновение, поглядел на огороды.

– Тогда надо пораньше огород-то полить. Пироги поставила?

– Дак с утра ещё, забыл што ли? И бутылку приготовила, всё честь по чести, как полагается, – успокоила она разволновавшегося, было, мужа и тот успокоился, покуривая самокрутку, по привычке.

– Когда помру, они тебе пригодятся, брат твой всё же. Он мужик правильный и хозяйственный, поёт хорошо, стервец. На дочь надежды мало. Зятёк-то не приехал ещё? – вспомнил он о дочери с внуком: – А Ванька где шастает, шельмец эдакий?

– Где ж ему быть-то, в переулке вон в лапту играют. Лутона наш не торопится домой, Тоська одна-то совсем извелась. Мыслимое ли дело с двумя сыновьями управиться одной, да ещё работает, хозяйство на ней, огородище какой. Пряма беда с ними.

– И мы уже обуза, не помощники. Што за жизнь, ети её в дышло, – осерчал, было, на жизнь дед и закашлялся.

Бабушка сердито посмотрела на матершинника, но промолчала. Пошла в дом, по хозяйству. Загремела посудой, разговаривая сама с собой.

А дед осматривал сад, который взращивал и охранял столько лет, огороды, лес за Сурой и в глазах его ширилась печаль, словно он прощался с миром, с которым ему так не хотелось ещё расставаться, но он чувствовал, что придётся скоро, пришло его время...

Ванька в очередной раз запулил мячом в вертлявую Натаху и, наконец-то попал, обрадовавшись. Ребята побросали биты на землю, надоело. Чем бы ещё заняться? Бежать искупаться или ещё поиграть? Ваську осенило:

Он побежал в дом и через мгновение очутился перед друзьями с верёвкой в руках, и старой дореволюционной десяткой. Пацанва заинтересованно сгрудилась вокруг очередного выдумщика...

Но вот все залегли во дворе за забором; Васька держал в руках верёвку, к концу которой была привязана десятка, лежавшая посреди переулкa в пыли и зазывно краснеющая, словно невеста на выданье.

Ждали недолго. По переулку вниз спускалась чувашка из соседнего проулкa, ведущего в Сандулеи, где она и проживала. Вот она подошла ближе и увидела деньги. Остановившись, испуганно огляделась по сторонам, не веря своему счастью, свалившемуся на неё неизвестно откуда.

Наклонившись, быстро схватила десятку, но Васька был ещё проворнее, и десятка вильнула в сторону, поехав к калитке, за которой прятались озорники.

Раздался гомерический гогот, и чувашка выпрямилась, поняв свою оплошность, смутилась. Так оплошать перед детворой.

– Тётя Мотя, тётя Мотя, что вы трёте между ног, когда идёте?! – загорланил вдруг Ванька, вспомнив слышанную где-то прибаутку. Ребята заржали, и громче всех смеялся Симак, восхищённый Ванькой, тот не унимался:

– Тётя Мотя, киль кунда. Капся пур?

– Пур-пур, – машинально ответила чувашка и, осознав, наконец, происходящее с ней, возмутилась необыкновенно: – Ах, вы, юрамасть! Где велтерен? Я вас, охальники, шайтан вас заberi, эпе халь...

Путая русские слова с чувашскими, она огляделась в поисках крапивы: выдернув куст, бросилась, было к калитке, но обидчиков уже и след простыл. Только брошенная десятка застряла в заборе, призывно краснея.

Чувашка повертела десятку в руках и, плюнув с досады, бросила её на землю. Затем поспешила дальше, что-то бормоча по-чувашки и прислушиваясь к крикам разбесившихся хулиганов, доносящимся издалека.

День клонился к вечеру, но мальчишки плавали наперегонки, не зная устали и не думая о времени. Утомившись, наконец, повылезали на берег, отдыхая и дрожа от холода. Греясь на песочке.

– Здорово ты по-чувашки лопочешь, где научился? – Симаку интересно было знать, остальным тоже.

– Я же в Чебоксарах жил с родителями, там чувашей много.

Удовлетворённые ответом, мальчишки огляделись и вдруг увидели мужчину с женским лицом, пришедшего искупаться. Он разделся и остался в мужских трусах, а на груди его красовался женский лифчик.

Мальчишки замерли, разглядывая его, словно пришельца из космоса.

– Это Иван Иванович – Марь Ивановна, мне братан говорил, что он гер-ма-фро-дит, – почему-то шёпотом проинформировал друзей Симак.

Мальчишки недоверчиво переглянулись, и Симак загорячился, поясняя:

– Он наполовину мужик, наполовину баба, а в паспорте у него записано, что он Иван Иванович. Верно говорю, век мне воли не видать!

Это было убедительно, но Васька всё же спросил, уточняя:

– А ты сам паспорт его видел?

– Братан мой видел, а он скажет – не соврёт.

Мальчишки молча понаблюдали, как Иван Иванович искупался, плавая по-женски, лягушкой, и вышел на берег, отдыхая. Посмотрел подозрительно в их сторону, и Ваньку снова словно прорвало:

– Иван Иванович, покажи Марь Ивановну! – истошно заорал он под смешки развеселившихся, было, приятелей.

– Я вам сейчас Иван Ивановича покажу, оглоеды! – Иван Иванович надел галифе и направился в сторону мальчишек, грозя жилистым кулаком, но они разом снялись с места и помчались вверх по переулку, сопровождаемые грубым мужским матом, исполненным женским голосом Иван Ивановича.

Жуя на ходу, Ванька выскочил от деда с бабушкой и побежал в переулок, где они с друзьями договорились встретиться после обеда.

Там оба Сашки уже резались в ножички: начертив круг на земле, они кидали самодельный ножик с руки, с ноги, с груди, с головки и отрезали себе часть круга там, куда попал нож. Панька с завистью наблюдал за игроками.

Следом прибежал Васька, и похвалился новеньким перочинным ножиком.

Друзья тут же пустили его в дело...

Но вот с работы пришли старшие ребята – Саня с Анатолием, и вскоре все соседи по дому и переулку вышли поливать огороды, а ребятам надоело играть в ножички, и они разбежались по домам помогать взрослым; их не надо было упрашивать, дело привычное и повседневное...

Ванька помогал на огороде деду с бабушкой. И вдруг увидел мать с братом. Они спустились по тропинке, с ведрами в руках. Бабушка выпрямилась:

– Беги матери помогай, у вас огород большой, а мы сами как-нибудь управимся, не впервой, – подсказала она внуку, и Ванька побежал через соседские огороды помогать матери.

– Тебя где целый день черти носят? Обедать, почему не приходил? – допытывалась у сына мать, поливая разросшиеся помидорные кусты большой кружкой – по две кружки на каждый куст.

– Я у бабушки с дедом обедал, – отвечал сын, стараясь работой искупить свою вину. Вовка тоже старался, поливая грядки из детской леечки.

Ванька сбежал к колодцу, гремя пустыми вёдрами, и снова наполнил их, памятуя о том, что когда-то свалился в этот самый колодец и чуть не утонул, да друг Васька спас. Огляделся, чуток передохнуть.

Перемигнувшись с Васькой, работающим на своём огороде вместе с родителями, он поглядел на старавшихся изо всех сил Паньку с тётей Дусей, на своих любимых деда с бабушкой, без которых он не мыслил себя в этом мире, на других соседей. Затем Ванька снова полез вверх по тропинке к матери с братом, так как их огород был выше по уровню и, стараясь не расплескать драгоценную поливочную воду, стал поливать капусту...

– Из-за острова на стрежень, на простор речной волны, vyplывают расписные, Стеньки Разина челны... – пел дядя Антоша мощным надтреснутым голосом, подкручивая при этом свои кавалерийские усы и подмигивая Ваньке, улетающему пироги, сготовленные бабушкой по случаю прихода гостей.

Был он маленький и лысенький, в тёмной гимнастерке и галифе, одно плечо выше другого, это у него от ранения, ещё с гражданской войны, говорила бабушка, но всегда весел, активен и привлекал всеобщее внимание. Сидевшая рядом с ним дородная супруга подпевала ему тоже басом, так что их пение разносилось далеко вокруг.

Дед с бабушкой тоже повеселели, мать успокаивала испуганного пением Вову, тарасившегося на громогласных гостей.

– Душенька, отчего не подпеваешь нам? – ласково спросил дядя Антоша сестру, бабушка в ответ положила ему холодца в тарелку.

Дед разлил по стопкам, и взрослые выпили повторно. Пошёл в дело холодец, квашеная капуста с мочёными яблоками.

– Тосенька, посиди с нами, детишки никуда не денутся, – дядя Антоша обнял племянницу и понимающе покивал головой: – трудно тебе, а ты не сдавайся, жить надо весело. Тогда и трудности отступят.

– Правда твоя, шурин, – согласился дед, усмехаясь. – Я вот думал, помру, ан нет, живу пока. Давай-ка чеколдыкнем лучше по третьей.

Взрослые снова выпили. Закапризничал Вовка.

– Мальчик не должен плакать, ты будущий мужчинка, – склонилась над ним тётя Фира, и Вовка со страхом смотрел на её усатое лицо, забыв про слёзы.

Тётя Фира умилилась, разводя руками:

– Умник. А уж на дедушку как похож, вылитый Иван Яковлевич.

Тут даже дед развеселился вместе со всеми, снова разливая по стопкам водку. Чувствовал он себя нормально, и даже аппетит появился.

Глядя на выпивающих за столом, Ванька вспомнил почему-то инвалидов, повстречавшихся им с дедом в городе, давным-давно:

– Дед, а куда инвалиды те безногие, в тележках, подевались? Помнишь их?

Дед удивлённо посмотрел на внука:

– Как не помнить. Перемёрли все от пьянства, болезней, от безнадёги.

– Да, жизнь у них была тяжкая, не позавидуешь. А ведь герои все, за Родину пострадали, – помрачнел и дядя Антоша. – Горемыки были, одним словом. А Ванюша наш с душой растёт паренёк, молодец.

– Хватит вам о грустном талдычить, душу бередить. Закусывайте лучше, – бабушка ласково оглядела своих близких, дорогих сердцу людей: – Мы ещё споём, чево нам печалиться раньше времени.

– Точно, сестрица, споём, – снова воодушевился дядя Антоша, обнимая свою супругу за плечи и прокашливаясь.

Мать вдруг засуетилась и стала собираться:

– Домой нам пора, темнеет уже. Рада была повидаться с вами. Приходите почаще, не забывайте наших старичков. Ваня, тебе что, уши заложило?

Ваньке не хотелось уходить, но деваться было некуда. Перечить матери бесполезно, да и ко сну стало клонить...

Сашка большой грёб уверенно, и лодка быстро приближалась к противоположному берегу. Всплеск вёсел и скрип уключин казались чересчур громкими в утренней тиши...

Но вот лодка уткнулась носом в песок, и мальчишки дружно повыскакивали из неё, Сашка большой загремел цепью, привязывая лодку к коряге, и путешественники вскарабкались на крутой берег.

До леса казалось рукой подать и ребята, подхватив корзинки, почти бегом ринулись вперёд к заветной цели. Панька бежал последним, боясь отстать...

– Малины наберём, пока всю не обобрали, и грибы уже появились. Братан говорит, полным-полно их в лесу, – мечтал Симак на бегу, друзья не возражали, тоже наддавая ходу.

– Я вчера вечером в телескоп спутник видел, – не терпелось сообщить важную новость Ваське, друзья насмешливо запрыскали в ответ. – Не верите? Честное слово, не вру, – обиделся будущий астроном.

– Ты нам лапшу на уши не вешай, – пробасил Сашка большой, оглядываясь: – ты вон Паньке расскажи, он поверит.

– Спутник низко летает и медленно, можно разглядеть, – поддержал друга Ванька и тот благодарно посмотрел на него.

Панька же восторженно внимал старшим, ибо он верил всему, что они скажут; главное для него, не отстать от них и не потеряться.

Друзья продирались через кусты, преодолевали овраги, обходя топкие низины, но лес был всё ещё далековато. Не зря его называли дальним.

Наконец они подошли к опушке и углубились в чащу, держась рядом.

– Малинник вон там, ноздрями чую, – указал Симак направление, и пацаны побрели по лесу, на ходу выискивая грибы и ягоды. Увидев гриб, с радостными воплями бросались к нему, так что корзинки наполнялись медленно, но верно.

– Земляничка, – набрёл на земляничную поляну Панька и, набрав горсть ягод, тут же отправил их в рот. Сладостно чавкая.

– Один пацан вот так же, нажрался земляники в лесу и помер, – прервал его восторги Симак, остальные тоже заинтересовались.

– Кончай травить, – не поверил Сашка большой, с опаской глядя на Паньку; тот замер в страхе, разинув рот от ужаса.

– Точно говорю, медведь нассал на ягоды, а моча у него ядовитая, – заржал Симак, довольный произведённым впечатлением от своей выдумки, и успокоил Паньку: – Закрой варежку, сямка, муха влетит. Я пошутил.

– Мастак ты заливать, – восхитился другом Сашка большой, – я чуть не поверил, а Панька наверно в штаны наделал от страха.

Панька привык быть предметом насмешек и радостно улыбался от того, что не помрёт, поспешая за друзьями. А вот и долгожданный малинник.

Банки были у всех почти полны малины, как вдруг неподалёку раздалось ворчание, и зашевелились кусты, затрещали сучья.

Пацаны замерли в страхе, глядя, как в малиннике мелькнула медвежья морда с разинутой пастью – медведь тоже пришёл полакомиться малинкой, потеряв бдительность, как и они.

Не разбирая дороги, пацаны ломанулись прочь, и остановились, только отбежав от леса на приличное расстояние, и оглядываясь; нет ли погони?

Отдышавшись, побрели прочь от ставшего таким страшным леса. Корзинки и банки были при них, никто не потерял грибов и ягод, а это главное для них. Остаться без добычи для путешественников было хуже смерти...

Дед бодро работал фуганком, шлифуя бруски для очередной оконной рамы на заказ. Чувствовал он себя неплохо, и бабушка тоже была довольна, поглядывая на мужа с надеждой и радостью: дай бог ему здоровья.

Взяв в чулане очередную банку с прошлогодними огурцами, она вышла в сени и увидела, как дед выронил из рук инструмент и, словно споткнувшись, упал ничком в стружки на полу.

– Ты што, старый, на ровном месте спотыкаешься? – Не поверила она плохому. И подошла к мужу. Наклонившись, потрепала за плечо и выпрямилась, медленно осознавая случившееся, и не желая верить в это.

Выбежав из сеней за помощью, увидела дочь, направлявшуюся к ним по тропинке от своего огорода. За руку она тащила упиравшегося Вовку. Тот не хотел идти пешком и рыдал, просясь на руки, но мать не обращала на его ухищрения никакого внимания.

– Тоська, скорее, с отцом плохо, – пыталась она кричать дочери, но горло словно забило ватой, и она побрела в сени, шатаясь.

Подхватив сына под мышку, дочь побежала к ней, почуяв неладное...

– Панька быстрее всех драпал, как тока штаны не потерял, – ехидничал Симак, и друзья хлопали Паньку по плечу, радуясь, что убежали от страшного зверя. Панька радовался больше всех, возглавляя отступление...

Лодка стояла на прежнем месте, покачиваясь на волне. Погрузившись, все вздохнули с облегчением, и на вёсла теперь сели Ванька с Васькой на пару.

Гребли они ровно, умело, и лодка быстро приближалась к родному берегу.

Оба Сашки и Панька готовились к высадке.

Вот лодка уткнулась носом в берег, и измученные путешественники вылезли из неё на траву; Сашка большой привязал лодку цепью, подхватил вёсла и вслед за друзьями зашагал к переулку, домой.

Мальчишки устали и шли молча, сжимая в руках дары леса, даже Симаку не хотелось подшучивать над Панькой. Подъём в гору не казался им, на сей раз, таким же лёгким, как обычно.

В переулке все разбежались по домам.

Ванька с удивлением увидел раскрытые настёж сени и, захлопнув дверь, вошёл в дом, готовясь порадовать деда с бабушкой добытыми с таким трудом грибами и ягодами.

В квартире толпился народ: все соседи собрались у них дома, даже Васькины родители, даже пьяница-бурлак Санька, тихий и трезвый, стоял, вытянув шею и глядя впереди себя жалостливо, с уважением, утирая рукавом слёзы, скатывающиеся по небритым щекам:

– Пришёл вот проведать Иван Яковлича, а тут на тебе, такое дело, – бормотал он потерянным голосом, обращаясь к бывшим соседям, но его не слушали. Не до него было.

Внимание соседей было приковано к чему-то такому в передней, что пока было сокрыто от Ваньки, застрявшего на кухне.

На него оглянулась стоявшая последней Панькина мать, и молча поманила в переднюю, помогая пробраться сквозь толчею.

«Внучок-то не знает ещё, сердешный», – шепнул кто-то рядом.

Предчувствуя недоброе, Ванька недоумённо шагнул в комнату, и замер.

Он увидел плачущих бабушку и маму, стоящих возле сдвинутых в переднем углу столов, на которых в праздничном костюме и ботинках, коих сроду он не носил, лежал его дед.

Ваньку пропустили вперёд и, очутившись возле бабушки с матерью, он впервые в жизни увидел смерть, но не поверил и молча смотрел на ставшее не знакомым, строгое лицо деда с задранной кверху седой бородкой:

«Ты не умер, дед, ты просто заснул, да? Вставай, я же вернулся из леса, нас чуть не загрыз медведь, я принёс вам с бабушкой грибов, ягод!» – кричал откуда-то со стороны Ванькин голос, взывая, но дед не вставал...

Наконец Ванька всё понял и оцепенел: тишина, словно облаком окутала его, заложила ватой уши. Он ничего не слышал и только смотрел на деда, затем выбежал из дома. Побежал. Куда глаза глядят.

Он прибежал в сад. Вокруг стояла мёртвая тишина.

Кто-то тряс его за плечо, Ванька обернулся и увидел мать.

– Ванечка, пойдём домой, – она обняла его и тут Ванька тихо, горько заплакал, прижавшись лбом к стволу дикарки...

Похоронная процессия шла по улице Ленина. Мужики несли гроб с телом деда на полотенцах, по русскому обычаю, за гробом шли мать с бабушкой, родственники, соседи, знакомые.

Играл похоронный оркестр, сзади процессии тархтел грузовик с откинутыми бортами. Растерянного Ваньку сопровождал верный друг Васька.

Мальчишки шли сбоку от процессии, и вдруг Ванька увидел отца, подошедшего к матери с бабушкой. Он что-то сказал матери и они пошли рядом, в руках у отца Ванька разглядел знакомый фотоаппарат.

– У меня отец приехал, я сейчас, – Ванька подбежал к отцу с матерью и вклинился между ними. Рядом с отцом ему казалось спокойнее.

Из столярки, где работал дед, вышли рабочие проводить товарища в последний путь. Весёлый парень на этот раз был грустным, в руках он нёс деревянный памятник со звёздочкой и фотографией в рамке.

Положив памятник на грузовик, подошёл к сопровождающим.

Процессия замедлила ход. Оркестр умолк.

– Это тебе от нас, Иван Яковлевич, от рабочих столярного цеха, – поклонился парень гробу с телом деда и отошёл к своим.

Процессия медленно удалялась по дороге, прохожие останавливались и смотрели ей вслед, сопереживая чужому горю.

Васька какое-то время шёл рядом, но Ваньке было не до него, и он повернул в сторону дома.

Гроб с телом деда стоял у недавно открытой могилы.

Представитель горкома партии говорил что-то хорошее о его дедушке, затем ещё кто-то. Отец поправил венок и сделал несколько снимков, мужики приколотили крышку гвоздями и, опустив гроб в могилу, стали быстро орудовать лопатами, закидывая яму землёй. Прощавшиеся бросили в могилу по горсти земли. Ванька неотрывно смотрел перед собой. Лишь бы не заплакать.

Рыдали мать с бабушкой, прощаясь навсегда с усопшим, тут снова душераздирающе заиграл оркестр, и Ванькины глаза заволокло слезами.

Когда он пришёл в себя, то увидел холмик, памятник: с фотографии на него смотрел бравый дед, словно напоминая внуку, чтобы он был мужчиной и не проливал слёз понапрасну.

Ванька вытер глаза и пошёл за матерью с отцом, которые вели под руки обессиленную от горя бабушку к выходу с кладбища...

Позднее утро. На фасаде кинотеатра «АРС» красуется яркая афиша нового художественного фильма: «Атаман Кодр».

Изнутри доносятся звуки страстной прикарпатской музыки. Но вот распахнулись двери, и на улицу высыпал детский в основном народ.

Среди возбуждённых просмотром фильма мальчишек особняком держатся подгорные, во главе с Сашкой большим. Симак показывает друзьям, как храбро бился атаман Кодр саблём с врагами, и друзья внимательно смотрят на него, заново переживая увиденные события.

Ванька шёл рядом, в ушах его звучала непривычная мелодия, перед глазами стояла сцена гибели атамана вместе со своей возлюбленной: вот они скрываются в волнах реки, тут Ванька вновь вспомнил про смерть деда, и глаза его опять заволокло слезами.

– Вишь, Ванька переживает, как девчонка, – кивнул в его сторону Симак и, получив затрещину от большого друга, взъерепенился, было, но Васька покрутил пальцем у виска и прошипел:

– Ты что, забыл? У него же дедушка умер.

– Вот он и переживает, дурья башка твоя, пустая, – опять вознамерился отпустить ему затрещину Сашка большой, но маленький на этот раз был начеку и ловко увернулся от карающей десницы.

Мальчишки быстро перебежали дорогу перед грузовиком и вскоре были уже на Сурско-Набережной улице. Возле своего дома Ванька остановился:

– Мне домой надо, отец велел.

– Ладно, фраерок, пока. Приходи вечером, в футбол сыграем, – Симак покровительственно похлопал товарища по плечу, и ватага побежала к себе в подгорье. Ванька поглядел вслед друзьям и пошёл домой.

Отец был дома и играл с Вовкой так же, как играл с Ванькой в те давние и прекрасные времена их былой жизни в столице, когда он, Ванька, тоже был малышом. А теперь Вовка пикировал у отца на коленях и визжал от восторга.

Ваньке тоже захотелось к отцу на колени, но он вспомнил, что уже большой и чинно присел рядом с запыхавшимся отцом. Вовка был неутомим.

– Хватит беситься! Опять всю постель измяли? – ахнула вошедшая мать, сгоняя всех с кровати и заботливо поправляя подушки с покрывалом.

Мужская компания переместилась на диван.

– Ты бы лучше работу искал, чем дома околачиваться, или на огороде поработал; картошку окучивать надо, сорняком вся заросла, – ругалась, глядя на отца мать, но отец только похохатывал в ответ, продолжая резвиться.

Наконец мать осенило, и она подошла к дивану, приняхиваясь:

– Где это ты с утра пораньше нализался? Опять к своим ходил, понятно! Я работаю, дома кручусь, а они там у себя в шахматы играют, выпивают. Так Митя холостой, ему что, а у тебя семья, дети.

– Я к матери ходил, и отчитываться перед тобой не собираюсь, – отцу надоели придирки жены, и он встал, собираясь уходить. – Тебе что, денег мало? Я ещё заработаю, меня вон в Порецкое зовут, в Васильсурск.

– Сопьёшься ты, Николай, с халтурой этой, – покачала головой мать. – Устраивайся на завод художником-оформителем, пока не поздно.

– Я свободный художник, понимаешь ты это своей дурьей головой, или нет? А ты меня в оформители на завод, – отец был вне себя от гнева.

– Я, это последняя буква в алфавите, доякаешься смотри.

Захныкал Вовка, Ваньке тоже надоело слушать ругань родителей, и он незаметно улизнул из дома, надеясь перекусить у бабушки.

Бабушка молилась в углу перед иконами и не сразу заметила приход внука.

Ванька поглядел на портрет деда на стене и вздохнул.

– Ваня, не хочу я без тебя на этом свете мыкаться. Господи, возьми к себе мою душу грешную, не оставь в милости, – истово просила она у бога и Ваньке опять стало не по себе.

Он заёрзал на табурете, и тот покосился под ним набок. Ванька взял табурет и вышел из кухни в сени. По-хозяйски оглядев верстак, разложил рубанки, достал стамески, гвозди, затем положил табурет на бок и выбил молотком перекладинки: их надо было заменить на новые. И Ванька принялся за работу, вспомнив всё то, чему научил его дед. Наука явно пошла впрок.

Вышла бабушка и молча любовалась работой внука, который своими повадками так напоминал ей умершего мужа. Затем захлопотала по хозяйству, чтобы накормить работника.

А Ванька так увлёкся починкой табурета, что не замечал ничего вокруг. Но вот табуретка снова прочно стоит на четырёх ногах, и Ванька отнёс ее в дом:

– Принимай работу, бабаня.

Бабушка присела на табуретку и одобрительно кивнула:

– Прямо как влитая. Наверное, ты тоже столяром будешь, как дед.

– Нет, я космонавтом решил стать. Васька астрономом хочет быть, а я хуже его, што ли? Вот выучусь, и полечу в космос, не веришь?

– Помнится мне, ты и на целину собирался. Садись-ка, пообедай пока, а то притомился, поди, – усадила за стол внука бабушка.

Ванька не заставил себя долго упрашивать, уж больно хороши у бабушки щи да каша. А тут ещё и любимые блины со скоромным маслом...

Ванька любил деда с бабушкой. Когда он был маленьким, то называл их ласково, бабуленькой и дедуленькой. Теперь деда нет, бабушка вся извелась. Но жизнь есть жизнь. Он повзрослел и звал теперь её бабулей, когда сердился, бабушкой, а когда хотел казаться взрослым и самостоятельным, называл бабаней.

– Хочешь, я тебе воды из колодца натаскаю?

– Да есть пока, а вот завтра в колонку за водой надо сходить. Колодезную-то нельзя пить, уж больно жёсткая. Ты вон с Васькой сходи поиграйся.

– Занят он, книжки всё читает, научные, – буркнул недовольно Ванька.

– Умный парень растёт. Это надо же, родители – пьяницы горькие, а он такой самостоятельный, всё занимается чем-то, – удивлялась бабушка, загремев ведрами в сенях. Ванька выскочил из-за стола.

– Огород поливать пошла? Я тебе помогу, бабаня.

– Рано ещё поливать-то, солнце припекает. Пойду, пока сорняки пообрываю, – довольная вниманием внука, ворчала бабушка. Они вышли во двор.

Бабушка привычно накинула щеколду на входную дверь в знак того, что дома никого нет, и поспешила за внуком на огороды...

От своего дома по тропинке спускалась мать с ведрами в руках, за ней отец с Вовкой. Наступало время поливки огородов. Солнце клонилось к закату. Душно.

Увидев бабушку с Ванькой, дёргающих сорняки вокруг буйно разросшихся кустов картошки, она кивнула на них отцу, тот понимающе улыбнулся:

– Большой стал, понимает жизнь.

– Коля, ты тут проследи за Вовочкой, а я маме помогу, хорошо?

– Беги-беги, мы сами с усами, управимся. Верно, Вовка?

Вовка радостно закивал в ответ, хватая детскую леечку и пытаясь поливать из неё лук на грядке. Родители рассмеялись и улыбнулись друг другу особо ласково, как раньше. Мир в семье был налажен.

А навстречу матери уже бежал быстрый, как метеор, Ванька:

– Мама, мы с бабаней картошку пололи, сейчас поливать будем, а потом я к вам приду помогать, договорились?

– Договорились. Ты пока отцу помоги с братом, а я бабушке.

Ванька не возражал. Он радостно оглядел родное подгорье, увидел соседей, друзей, выходящих на свои огороды с вёдрами в руках, и помчался к отцу с братом, которым требовалась его помощь.

«С добрым утром, с добрым утром, и с хорошим днём!..» – по радио шла любимая всеми воскресная передача «С добрым утром». Перед Ванькой на столе стояла кружка с горячим какао, тарелка с пшённой кашей, Вовку кормила мать с ложечки, а отец снова побежал куда-то по своим делам, разругавшись с матерью.

Ванька проследил, как он пробежал по тротуарам мимо окон и посмотрел на мать: та была мрачнее тучи, но сдерживалась перед детьми.

– Опять к своим побежал, в шахматы с братьями играть. Дружки потом найдут, вино-домино, а мамаша его блаженная всё одно твердит: лежи, Коленька, ещё наработаешься. Отдыхай...

– Я бабушке обещал воды натаскать из колонки, – вспомнил вдруг Ванька и, выскочив из-за стола, опрометью бросился на улицу. Главное, не попасть под тяжёлую руку раздражённой матери.

«Долго не шлейся, к обеду чтобы дома был, понял?» – донеслось ему вдогонку, но Ванька был уже далеко от дома, а вот и переулоч...

Ванька набрал воды из колонки полные вёдра и, подставив лицо под хлещущую под напором струю воды, попытался попить напоследок, но весь облился. Отпустив ручку колонки, подхватил вёдра и поволок мимо обувной фабрики к родному переулочу. Обратный путь с тяжёлыми вёдрами казался намного длиннее обычного, налегке.

Запыхавшись, остановился передохнуть. Уже припекало, жара и пыль на дороге, а ещё тащить и тащить. Главное, не расплескать воду из вёдер, пока несёшь. Облизнув пересохшие губы, Ванька упорно понёс вёдра с водой дальше.

Из барака, что прямо напротив переулоча, показался Чистиль с дружками. Увидев Ваньку, они направились к нему своей развязной блатной походкой, покуривая в открытую и сплёвывая на сторону.

– Эй, Ванёк, никак, притомился? Мало каши ешь, – заржали дружки, поглядывая на предводителя. Тот ухмыльнулся, схватил ведро и стал пить через край, дружки тоже отпили изрядно. Воды в ведре поубавилось, но Ванька терпеливо ждал окончания водопоя.

– Приходи вечером, в картишки сразимся на деньги, покурим, а может и того, – Чистиль щёлкнул пальцами под горлом, намекая: – врежем по стаканчику, или по два, лады?

Ванька засмутился, было, старшие пацаны засмеялись над младшим простаком-соседом. Чистиль покровительственно похлопал его по затылку:

– Ладно, тащи воду бабке, тимуровец.

Ванька только того и ждал. Схватив вёдра, стал осторожно спускаться вниз по переулочу, стараясь не споткнуться и побыстрее уйти от назойливых приятелей.

Вот и знакомая до каждого сучка калитка, дверь в сени была распахнута по обыкновению, и он наконец-то внёс вёдра с водой в дом.

– Помощник ты мой единственный, – обрадовалась внуку бабушка и, накрыв вёдра крышками, поставила на стол миску с фруктами.

– Вот, груш набрала в саду спелых, да слив маненько, яблок на продажу. Бери, попробуй-ка с устатку, поишь. Хорошие да расхорошие, бог знат, каки хорошие. Прямо во рту тают.

– Ничего. Мягкие, созрели. – Ванька съел пару груш, и взялся за сливы.

Бабушка ласково наблюдала за ним, поглядывая в угол с иконами.

– Мы все тебе помогать будем, – вспомнил он вдруг слова бабушки, сказанные ею во время молитвы, у икон.

– Кому я нужна, старая, у вас своя семья. Матери и так тяжело одной-то и работать, и по хозяйству. Отец твой всё не работает?

Ванька отрицательно помотал головой, нахмурившись. Он не понимал этой странной для него вражды между бабушкой и отцом. Ведь все родные и близкие должны любить друг друга, как он их любит.

– Не куксись. Беги вон на улицу, погуляй, чево в доме париться? Чай лето на дворе, благодать божья. А я обед сготовлю, приходи обедать.

– Мать велела дома обедать. Они с отцом опять разругались.

Наябедничал, ни с того ни с сего, Ванька. И пошёл на улицу, сопровождаемый охами и ахами возмущённой бабушки.

На крылечке подле своей квартиры Валька с Зойкой лузгали семечки от безделья и жары. Поэтому они обрадовались даже соседскому пацану.

– Ванюша, иди, хоть ты посиди с нами, скушно одним, – потянулась старшая, Зойка, протягивая соседу горсть семечек. – На, погрызи, калёные.

Ванька стал старательно грызть семечки, стараясь не глядеть на прелести разнигишавшихся девиц. Сёстры переглянулись и засмеялись:

– Ваня-то скоро жених хоть куда будет, – обняла его, было, Валька, но он вывернулся из её объятий, и отодвинулся.

– Он на Гале обещал жениться, однолюб, – поощрила его Зойка и сёстры развеселились, найдя объект для насмешек.

– Ничего я не обещал, – соврал Ванька, вставая с крыльца. – Я вообще никогда жениться не буду! Больно надо, ругаться с этой женой да детей нянчить.

Откуда ни возьмись, появились Васька с Панькой, и Ванька повеселел:

– Пошли все на Суру, купаться!

Мальчишки выбежали в переулок, за ними следом увязались и Валька с Зойкой, тоже босиком, в лёгких сарафанах.

– Куда так помчались, женихи?

– Пошли, может, на речке кто и повзрослее окажется.

– Да откуда им взяться? Все на работе, или водку жрут, им не до нас.

– Так сегодня воскресенье, дурёха. Какая работа?

– С этой жарой всё на свете забудешь. Вечером на танцы в горсад пойдём, там женихов навалом.

– Вот это другой разговор, – шутя и перебраниваясь, сёстры выбежали следом за ребятами на берег реки. Потянуло прохладой.

Сбросив сарафаны, сёстры остались в модных купальниках. Они были хороши, просто загляденье, но любоваться ими было некому, и девчонки с визгом бросились в воду, где уже резвились во всю ивановскую мальчишки...

Подрагивая от холода и голода, накупавшийся вдрызг Ванька подбежал к своему дому, вбежал в сени и остолбенел на месте, не веря глазам своим.

В сенях сверкал и сиял новый взрослый велосипед, ещё в солидоле. Ванька подошёл и потрогал настоящее кожаное седло, спицы на колёсах, звякнул звонком на руле. Всё настоящее, значит, это не сон.

Услышав трели звонка, из дома вышел отец.

– Я обещал тебе велосипед? Вот он, владей.

Переполненный чувством благодарности, Ванька прижался к отцу; слов не было, как он счастлив. Вышла мать и стала накачивать примус, делая вид, что ещё сердится. Но Ваньку не проведёшь.

Заметив на её лице лёгкую улыбку, он подбежал к ней, желая высказаться, но она опередила: – Давайте мойте руки и за стол, обедать будем.

Под звуки раскопегарившегося примуса, отец с сыном вошли в дом, встреченные радостными криками истомившегося в одиночестве Вовки.

Ванька один на один боролся с непослушным велосипедом; стоя сбоку на одной педали, он ещё как-то ехал, вихляя рулём, но, взгрозившись на седло и оттолкнувшись от крыльца ногой, он проехал несколько метров и брякнулся оземь вместе с велосипедом, который оказался явно не по возрасту и не по росту неугомонного наездника. Но Ванька не собирался сдаваться.

Он подлез под раму и из-под рамы поехал, было, по дороге, нажимая на педали. Радость от езды была недолгой; наскочив на камень, он не справился с управлением, руль вырвался из ослабевших рук и Ванька снова оказался на земле. В который уже раз, бедолага.

Скривившись от боли, он поднял велосипед и, прихрамывая, побрёл к дому вместе со своим непокорённым пока мустангом. На сегодня хватит.

В это время на улице появились Вовка Косырев с Юркой Откосовым.

Увидев соседа с новым велосипедом, они подбежали к нему, осматривая машину с видом знатоков.

– Неплохой велик, – Вовка похлопал по седлу рукой и предложил: – дай прокатиться. Я покажу тебе, как надо гонять.

Ванька не возражал, так как устал бороться с непослушным велосипедом и молча смотрел, как Вовка вскочил на его велосипед и быстро поехал по улице, вращая педалями и ёрзая задом по седлу. Развернувшись, приехал обратно.

Тут его место занял Юрка, и тоже стал кататься.

Вскоре великом завладели Чистиль с друзьями. И укатали на нём куда-то всей капеллой, оставив хозяина в одиночестве.

Ванька сидел на крыльце, протирая ссадины на коленях и локтях травой и думая о том, что все, кроме него, умеют ездить на велосипеде, хотя у них его нет, а у него есть. Он должен научиться ездить, как они. Чего бы это ему ни стоило.

Ванька сошёл с крыльца и увидел возвращающихся велосипедистов.

Чистиль с натугой крутил педалями и вёз ездовых; на раме у него сидел Вовка, на багажнике сзади пристроился Юрка, дружки бежали следом за вожаком, сзади, пыля по дороге босыми ногами.

Подъехав к крыльцу, Чистиль вернул транспорт владельцу:

– Держи, дружбан, свой тарантас. Славно покатались. А ты не жмот, держись нас, не пожалеешь. «Минск» классный велик, точняк. Ничего, научишься. Не журишь. Главное, не бойся его.

Удовлетворенные ездой на настоящем велосипеде, пацаны подались к себе домой, обсуждая на ходу своё мастерство и достоинства велосипеда, а Ванька открыл дверь и поволок запыхавшийся велик вверх по ступеням, в сени.

Ежевечерняя поливка огородов была в разгаре. Поспешая за родителями, Ванька быстро выдохся и устало выпрямился, отдыхая и с завистью поглядывая на бабушкин огород, где бабушке помогали тётки Лида и Нюра, а возле них крутились его троюродные братья Юрка со Славкой, также посматривая в его сторону и приглашая жестами к себе.

– Ну ладно, беги, с тётками не забудь поздороваться, – разрешила, наконец, мать, напутствуя вдогонку тут же умчавшемуся сыну.

Отец оглядел обширный огород и поставил вёдра на землю:

– На кой чёрт нам такой огородине сдался, горбатиться на нём. Договорись вон с сёстрами, на следующий год отдадим им в обработку, исполу. Они только рады будут, у них земли с пятачок, мало, а ртов много.

– Пожалуй, тут ты прав, – согласилась на этот раз с мужем жена, поглядывая в сторону огорода своей матери. Затем помахала сёстрам рукой в знак приветствия, мол, повидаться пора, покалякать.

– Они сами намекали как-то, да я не придавала тогда значения.

– Бабы работающие, деревенские, им будет хорошо и нам хватит. Ну, тогда я пошёл, что-то горло побаливает, – прокашлялся отец и собрался уходить. – Тут немного осталось, управишься. Пить охота, жуть.

– Я компоту целую кастрюлю наварила. В сенях стоит, попей.

– Компоту не надо, – поморщился отец, – рислиничку хочется, или пивка на худой конец, прохладного.

– Опять к своим намылился? Только посмей уйти, домой не возвращайся тогда. Права мама, лодырь ты, Колька, лишь бы не работать, – пеняла жена мужу, поглядывая в сторону соседей по огороду и стараясь говорить тише, но тот уже не слышал её, взбежал по тропинке и исчез во дворе.

Соседи понимающе переглянулись, и тётя Настя осуждающе покачала головой, но промолчала, жалостливо поглядывая на оставшуюся в одиночестве соседку. Дядя Гриша выразил своё осуждение ещё более упорным трудом, яростно таская воду из колодца и обильно поливая помидоры, капусту, так что воды в колодце оставалось едва на дне, и матери надо было поторопиться, пока не поздно, несколько грядок ещё были сухими...

Лёгкая на ногу Натаха ловко уворачивалась от мяча, так что ни та, ни другая сторона не могли попасть в неё, игра затягивалась.

В переулке собрались все, кому не лень, то бишь молодёжь: Ванька с Васькой и Панькой, оба Сашки, Ванькины братья Юрка со Славкой, с одной стороны; Валька с Зойкой, Толя Шлепнёв и Саня Дамарин, старший брат Паньки, с другой стороны.

Натаха играла на стороне взрослых, и мальчишки старались как можно быстрее расстрелять её, особенно Симак, но Натаха была пока неутомима и неуязвима, словно заговорённая.

Из калитки напротив вышла соседка Галина, и в это время Ваньке удалось, наконец, поразить цель. Натаха выбыла из игры.

– Перекур пока, шабаш, – увидев красавицу Галину, бросил мяч Толя Шлепнёв, заговорщицки переглянувшись с другом Саней. Тот кивнул и Толя исчез в недрах своей полуподвальной квартиры. Все разбрелись в ожидании какого-то сюрприза, на которые Толя Шлепнёв был большой мастак.

– Здравствуй, женишок. Ловко ты играешь, – улыбнулась Ваньке Галина.

Тот, было, собрался отвернуться, нахмурившись, но радостная улыбка непроизвольно растянула его губы, он был рад встрече с девушкой своей мечты.

Валька с Зойкой насмешливо захихикали, и в это время появился Толя с проигрывателем в руках. Через мгновение, по подгорью полились сладостные звуки аргентинского танго, взбудоражив собравшуюся в переулке молодёжь.

– Разрешите? – гоголем подскочил Толя к Галине, и вот они уже танцуют, Саня пригласил Зойку, а Валька закружилась с Натахой.

Оставшиеся не у дел пацаны с завистью наблюдали за старшими, делая вид, что им безразлично происходящее вокруг.

Ванька взволнованно наблюдал за красавицей Галиной, танцующей с Толей, и она чувствовала его ревнивые взгляды, улыбаясь в его сторону.

Валька подождала, пока закончится танго, и выключила проигрыватель.

– Кончай самодеятельность. Пошли в горсад, на танцы, – объявила она торжественно и, поглядев на пацанов, добавила: – а маленьким пора баиньки.

Возмущённые пацаны сбились в кучку, поглядывая на старших ребят, но тем было не до них, когда впереди грядут такие события, как танцы в горсаду.

– Сбор через десять минут! – объявил Толя, посмотрев на часы на руке, бывшие предметом зависти всех пацанов, и старшие разбежались наряжаться.

А младшим сразу стало скучно, и они нехотя разошлись по домам, вяло попрощавшись друг с другом.

Юрка со Славкой побежали вверх по переулку, торопясь к себе домой в алатырское подгорье, а Ванька заглянул в окна к бабушке:

Увидев, что она молится перед иконами, пошёл через огороды к тропинке, ведущей в гору, к родительскому дому, где в сенях его дожидался собственный велосипед, а дома наверняка уже ждала недовольная опозданием сына к ужину мать, а также отец с братиком Вовкой.

Его семья.

Восьмая глава

Опять «Осенние заботы» (1-я часть)

Класс был просторный, с большими окнами на улицу, вместо привычных парт – ряды неудобных столов, третий у окна заняли Ванька с Васькой, по соседству с ними Симаков, Косырев, в середине класса на лучших местах расположились девочки, Галя Петрова восседала за первым столом прямо перед учительским столом, как и полагается отличнице.

Повзрослевшие и загоревающие за лето, они уже не выглядели учениками начальных классов. Среди них были и новички.

На «камчатке» сидел здоровый взрослый парень, и снисходительно поглядывал на мелюзгу, покуривая исподтишка, но все видели и чуяли это.

– Видали, какой лоб сидит? – кивнул в его сторону Симак, и Ванька с Васькой уважительно поглядели в сторону парня. – Это Валька Пудов, второгодник. Он уже в седьмом или в восьмом классе должен учиться.

– Ты-то почём знаешь? – недоверчив как всегда Вовка Косырев.

– Пудилу все знают. Держись теперь, мелкота, – насмешливо захихикал Симак и пересел от них поближе к авторитету. Тот одобритительно кивнул ему.

В это время в класс вошла строгая, но красивая учительница. Она подошла к столу и оглядела всех, словно сфотографировала. Класс тут же отреагировал, затихнув, даже Пудов загасил папиросу.

– Я ваш классный руководитель, буду вести уроки английского языка. Зовут меня Любовь Андреевна. С вами познакомимся по ходу дела. Все вынули учебники, открыли тетради, приготовили ручки.

Она подошла к доске, и стала быстро и энергично писать буквы на английском языке, стуча мелом:

– Эй, би, си, джи ... Прошу записывать и запоминать. Теперь вы ученики пятого класса, предметов много, учителя разные, нянчиться я с вами не буду, – она метнула взгляд в сторону камчатки. Пудов затих в ожидании.

– Пудов, ещё раз учую дым в классе, на свои уроки не допущу. Так и знай.

– Я не курю, Любовь Андреевна, – обиженно забасил Пудов.

– А теперь всех попрошу сесть попарно. Никаких мальчишников, взяли в руки портфели, тетради, и за столом мальчик с девочкой, как положено, – не обращая больше на него внимания, стала рассаживать своих новых учеников Любовь Андреевна. – Кто с кем хочет, я не возражаю.

Ванька с Васькой уныло переглянулись, и Васька пересел за второй стол к одиноко сидевшей новенькой. Та сразу оживилась.

– Лучше бы я в прежней школе остался, там ребята вместе сидят, – оглянулся на друга Васька, тот был занят поисками напарницы и Васька стал устраиваться на новом месте, поглядывая на новенькую.

Ванька хотел, было, пересест по привычке к Тане Журавлёвой, но его место уже занял Витя Марков.

Ванька увидел, как обрадовалась Журавлёва, тут же позабыв про него, но не успел обидеться, так как рядом с ним села сама Люда Архангельская.

Строго посмотрев на нового соседа, она улыбнулась, и Ванька ответил тем же. Он всегда мечтал об этом, и вдруг его мечта сбылась – они сидят рядом.

– Не буду я с этой девчонкой сидеть! – воспротивился на весь класс Симаков, когда учительница посадила рядом с ним высокую худую девочку в очках, но под неумолимым взглядом нового классного руководителя сник, осознав, что про жизнь в начальной школе пора забыть.

Наконец, все разместились, Любовь Андреевна снова подошла к доске, и снова словно сфотографировала всех. Класс замер.

– Продолжим урок. Смотрите внимательно на мой рот и повторяйте: уан, туу, срии...

Класс хором пытался повторять, копируя движения губ учительницы, Пудов с Симаковым заржали, было, поняв буквально произношение цифры три по-английски, но класс не поддержал, и они тоже стали повторять вместе со всеми труднопроизносимые звуки...

Ванька с Васькой шли по улице, оглядываясь на двухэтажное здание своей новой школы. Симак отстал от них, пристроившись вместе с Вовкой Косыревым в компанию к Пудову, который вальяжно шествовал позади, покуривая в открытую на правах почти взрослого.

– Здесь библиотека классная, почитаем ужо, – Васька недовольно покосился на новообразовавшуюся компанию, догонявшую их с Ванькой.

– Теперь не до чтения будет, уроков назадавали, кошмар! – Ванька толкнул локтем обгонявшего их Симак, и тот чуть не упал. Однако совсем не обиделся, он был захвачен новой идеей.

– Слушай сюда, Пуд дело предлагает, вечером рванём, если в штаны не наложите, – захохотал он, угодливо поглядывая на старшего приятеля. Тот снисходительно поглядел на мелюзгу:

– Пацанва, имеется сад, который ломится от лишних яблок. Надо будет его обчистить. Вы как, участвуете?

Пацанва молча закивала, выражая согласие. Отказаться равносильно признанию в трусости. Ванька с Васькой прибавили шагу, чтобы не отстать от своих новых поделльников.

– Вот и лады, мне сюда, – Пудов пошёл по Кировской улице к своему дому. Не оглядываясь, помахал рукой на прощанье: – до вечера, братки.

Друзья-приятели с уважением поглядели ему вслед и побежали дальше.

Остановились возле Ванькиного дома. Они были взволнованы от предстоящего дела, но виду друг перед другом не подавали.

– Может, на велике твоём погоняем? – скорее для отвода глаз предложил Вовка Косырев, Ванька отмахнулся:

– Нет, пойду уроки учить. Когда встречаемся-то?

– Как тока уgomонятся все на огородах, тогда и рванём. Пуд будет ждать нас у Киевского спуска, внизу, – сообщил Симак. Все вздохнули, переживая предстоящее событие каждый по-своему, и разбежались.

На опустевших пашнях было раздолье: дымили костры из собранной в кучи усохшей ботвы, прыгали птицы в поисках корма, возле одного из костров собрались «налётчики», нетерпеливо ожидая, пока не разойдутся эти чересчур трудолюбивые взрослые.

Наконец, огороды опустели. Панька попытался незаметно сбежать, но получил подзатыльник от Симака и успокоился. Компания побежала к месту сбора, и ещё издали все увидели долговязую фигуру главного зачинщика.

Отбросив в сторону окурков, Пудов придирчиво оглядел свою команду и, увидев на лицах готовность номер один, молча повёл всех к одному ему известному дому. И вот они на месте.

За высоким забором стояли усыпанные плодами яблони, словно ожидая, когда же их обтрясут? Отогнув доску, Пудов пустил Паньку на разведку:

– Слазий, позырь там по сторонам, нет ли кого? – шёпотом приказал он.

Ни жив ни мёртв от страха, Панька пролез в щель и подбежал к одной из яблонь, озираясь. Вроде бы никого. Он махнул рукой, и тогда все полезли кто через забор, кто в щель, словно на штурм крепости.

Подбежав к деревьям, стали лихорадочно собирать яблоки, набивая ими карманы, накидывая за пазухи, в руках у Симака была кошёлка, а Пудов сноровисто наполнял бездонный мешок.

Работа спорилась, и мальчишки повеселели, чувствуя её окончание.

Загомонили. Симак подбежал к особо усыпанному яблоками дереву и, обнаглев, затряс его изо всех сил; на землю просыпался град из крупных плодов.

Все бросились собирать, забыв про осторожность.

– Ты чо, офанарел? – прошипел Пудов, отвечивая затрещину самовольнику: – Хозяева могут увидеть, тогда прибегут и всем нам хана.

– Не бойсь, паря, не увидят, – Симак в запале наполнял кошёлку.

Пудов поднял мешок с яблоками и, прислушавшись, заблаговременно полез через забор. За ним Васька, остальные продолжали своё дело.

– Ах вы, черти, яблоки воровать? Вот я вас сейчас, как огрею! – со стороны дома в сад бежал высокий мужчина с палкой в руках.

Воришки бросились через забор, и Ванька успел быстрее других.

Симак едва увернулся от палки и спрыгнул на тропу; прижимая к груди кошёлку с добычей, понёсся следом за Пудом.

Панька застрял в щели и получил палкой по горбу. Вопя от ужаса и боли, побежал прочь от страшного места, теряя на ходу яблоки.

– Люба, посмотри, это случайно не твои школьники? – мужчина показал на убежавших воришек подошедшей дочери. Та внимательно посмотрела, но увидела лишь последнего из убежавших, Паньку. Понимающе усмехнулась.

Она видела этого паренька, в компании её новых учеников.

– Нет, папа. Это чужаки, свои не будут рядом воровать, – успокоила отца Любовь Андреевна, наблюдая, как тот приколачивает оторванную доску на старое место. Отец покачал головой, не соглашаясь:

– Не скажи. Я вроде узнал одного, из Сандулей.

– Так это ж далеко от нас, папа. И яблок они с земли насобирали, нам меньше хлопот. Правда, одну яблоню обтрясли начисто.

– Заметь, самую лучшую. Жаль, не успел поймать никого. Обсуждая происшествие, отец с дочерью пошли к дому...

Запыхавшись, мальчишки забрались в воронку, и расположились на её пологих склонах. Можно было отдохнуть и обсудить свой лихой набег.

– Могли бы больше набрать, – Пудов приподнял почти полный мешок с яблоками и замахнулся на Симака: – трясти не надо было, у, вахлак.

– Ты чо, на базар собрался? – Симак хитро ухмыльнулся: – Я как увидел училку, сразу допёр, в чём дело.

– Вот и помалкивай, раз догадался. Здравее будешь. А то угрожать мне вздумала: на уроки не допущу! – передразнил учительницу Пудов и встал, забросив мешок за спину. – Покеда, пацанва. Где были, у кого – молчок. Ясно?

Мальчишки молча проводили глазами Пудова, пока до них не дошло, в чей сад они забрались сегодня. Васька сердито глянул на Симака:

– Ты больше этого Пудилу к нам не води, понял?

– Да я чо, пацаны, я сам не знал, гад буду!

– Будешь с ним дружбу водить, в наши сады дорогу забудь! – все впервые увидели Ваську таким сердитым и решительным.

– Плевать я хотел на ваши сады, у нас в Сандулеях лучше, – не остался в долгу и Симак, вскакивая и хватая кошёлку с яблоками.

– Вот и катись, пока цел, – поддержал друга Ванька, и даже Панька согласно закивал головой, расхрабрившись впервые в жизни.

– А ну вас в баню! – обиженный на приятелей Симак убежал, а хозяева своих садов и огородов решили попробовать яблоки на вкус, раз такое дело.

Панька был в полном восторге, хрумая яблоки одно за другим.

– Завтра после уроков в городскую библиотеку пойдём. Там полное собрание сочинений Жюль Верна имеется, – вспомнил вдруг Васька.

– А я хочу Джека Лондона всего прочесть, в школьной наверняка нет. Только Майн Рид, да Фенимор Купер, – одобрил решение друга Ванька.

Панька уважительно слушал своих заумных друзей, не понимая ни бельмеса, а Вовке Косыреву стало скучно, и он побежал в гору, к себе домой...

– Нам тоже пора, пока! – Васька встал и, сопровождаемый верным Панькой, направился к дому. Панька обернулся и помахал оставшемуся в воронке товарищу рукой на прощанье; друг как никак, хотя и не такой, как Васька.

Ванька посмотрел им вслед и тоже побежал вверх по тропинке, домой, где ему предстояло отчитаться перед матерью по полной программе: где был, почему поздно пришёл, что в школе? И главное, откуда столько яблок?..

Не успел прозвенеть последний звонок, как Ванька с Васькой уже выбежали из школы и торопливо пошли по улице.

Вот они, запыхавшись, подбежали к зданию городской библиотеки и вошли внутрь: народу было немного, и они встали в очередь, последними.

Им не терпелось поскорее набрать книг и побежать домой, читать.

Друзья благоговейно поглядывали на стеллажи с книгами; вот бы их все прочесть, сколько интересного должно быть в этих бесчисленных книгах.

– Давайте теперь с вами займёмся, молодые люди, – пожилая женщина-библиотекарь благосклонно взглянула на юных читателей, в которых видела настоящих ценителей книг, и улыбнулась им:

– Ну, смелее, кто первый?..

Нагружённые книгами, друзья остановились у Ванькиного дома. Передохнуть слегка, да по домам разбежаться.

– После обеда приходи, я дома буду, читать, – Васька чинно пошёл домой, и Ванька тоже избежал сначала на крыльцо, в сени, затем в дом, где увидел бабушку, нянчившуюся с Вовкой.

Увидев Ваньку, они оба несказанно обрадовались, каждый по-своему:

– Ну, вот и ладно, давай хозяйствуй тут, а мне домой пора, – засобиравшись уходить бабушка. – Обед я вам подогрела.

– Бабань, я же с Васькой договорился, он будет ждать, – Ванька в сердцах бросил портфель на стол, положил книги. Вовка заинтересованно протянул к ним руки, и Ваньке пришлось дать ему по рукам. Вовка обиделся.

– Некогда мне, там Мурка дома одна осталась, нагадит ещё, – всполошилась бабушка, – а вы обедайте, да мать свою поджидайте с работы.

Бабушка ушла, а Ванька загремел тарелками на кухоньке, налил себе борща, брату отрезал кусок булки.

Подзаправившись, братья занялись каждый своим делом; получив от старшего брата лёгкий подзатыльник для профилактики поведения, младший тихо занялся своими игрушками, а старший сел за уроки: раскрыв учебник английского языка, стал писать в тетради по-английски, нащёптывая для убедительности:

– Э тэйбл, э пэнсил, буук...

Теперь настала очередь математики: раскрыв учебник, Ванька углубился в решение трудной задачи и не заметил, как пришёл отец.

Он был слегка подвыпивший, как всегда, и тоже принялся за борщ.

Отобедав, оглядел занятое своими делами потомство, и тоже решил продолжить работу над портретом старшего сына.

Устроившись поудобнее, стал прописывать лицо, ловко смешивая краски на палитре колонковой кисточкой и виртуозно нанося мазки на холст, поглядывая при этом изредка на оригинал, корпевший над уроками...

День клонился к вечеру, когда пришла с работы мать, и разрушила творческую ауру, скопившуюся вокруг работников умственного и творческого труда. Работники враз оживились, увидев свою кормилицу. Вовка засмеялся.

– Чего это вы в темноте глаза себе портите? – мать включила свет, и в комнате сразу стало радостнее, и уютнее. Она стала разгружать сумки с продуктами, и в комнате настал праздник.

– Я же с Васькой договорился, он меня ждёт, – вспомнил Ванька и бросился к двери, забыв отчитаться перед матерью о проделанных уроках, она не стала его задерживать, всему своё время.

Друзья сидели в Васькиной комнате и читали каждый свою книгу, перелистывая страницы, и изредка поглядывая друг на друга отсутствующими взорами, наполненными содержанием прочитанного.

В комнату заглянула Васькина мать, напуганная тишиной и, увидев склонившихся над книгами читателей, тихо прикрыла за собой дверь.

Друзья прислушались: во входную дверь настойчиво стучали.

– Это Панька, опять припёрся, – недовольно заметил Васька и отложил книгу в сторону. – Так и будет стучать, пока не откроют. Настырный.

– Пойдём, прогуляемся, пока не стемнело, – Ванька встал из-за стола и выглянул в окно. За окном был вечер.

Едва троица встретилась во дворе, как открылась калитка, и вошли Сашка большой и Сашка маленький. Тогда все направились на огороды.

На огородах было пустынно. Поёжившись, друзья-приятели расположились возле дикарки, в воронку идти расхотелось.

– Ну, как, спина не побаливает? – примиряюще хмыкнул Симак, похлопав Паньку по многотрадной спине. Панька покачал головой.

– Вам ещё повезло, там, через дом такие звери живут, – покачал тоже головой Сашка большой, нагнетая обстановку, – если бы к ним полезли, назад живыми не вернулись, точно говорю.

– И стал бы ты, Панька, как Вася-крыса, гнусавый. Помните его? Он со своими родителями приходил как-то к деду с бабушкой в гости, – Ванька оглядел едва виднеющихся в темноте друзей, те закивали в ответ.

– Его так измелили, полгода в больнице провалялся, инвалидом стал.

– Отбили ему охоту по чужим садам лазить, – пояснил все знающий Сашка большой, покуривая папиросу.

Симак рядом с ним так затянулся своей папироской, что огонёк от неё высветил его плутоватое лицо. Симак закашлялся, не рассчитав затяжку.

– Да ну вас к лешему, – отмахнулся Васька, мечтательно глядя в небо на бесчисленные звёзды: – Представляете, сейчас бы залезть в корзину и на воздушном шаре облететь всю землю! Пролететь над морями, океанами.

– Попали бы в какой-нибудь тайфун и на дно, к рыбам на корм, – вернул его к действительности Симак, посмеиваясь над мечтателем.

Компания оживилась. Ванька вскочил и быстро забоксировал на месте с воображаемым противником, насмешив друзей до слёз.

– Я у Джека Лондона рассказ прочитал, «Кусок мяса» называется, – пояснил Ванька свои действия. – Там одному старому боксёру куска мяса не хватило, чтобы молодого побить. Если бы он съел на обед кусок мяса, то обязательно побил бы его и выиграл бой.

Ванька снова забоксировал, друзья тоже повскакали со своих мест.

– Жрать охота, – выразил всеобщее мнение всегда голодный Панька.

– От куска мяса и я бы сейчас не отказался, – сглотнул голодную слюну Симак, – пошли по домам. Завтра договорим.

– Я завтра кусок мяса съем, и вечером Ваньку точно побью! – решил пошутить напоследок Сашка большой.

– Ты его и без мяса побьёшь, связался чёрт с младенцем, – не понял шутки вконец проголодавшийся Симак, поспешая за Сашкой большим в переулочек.

Панька юркнул в дверь своей квартиры, Васька – своей, а вот Ваньке надо было ещё бежать через огороды и наверх, к своему дому.

Он по привычке заглянул в окна к бабушке, увидел её всё так же молящуюся перед иконами, и побежал вприпрыжку домой, с опаской вглядываясь в стусившуюся темноту...

Евдокии Алексеевне показалось, что кто-то подсматривает в окна: убедившись, что во дворе никого нет, она поправила занавески на окнах, ещё раз перекрестилась на иконы и подошла к портрету мужа.

Долго смотрела на него, потом вынула из комода коробку с фотографиями и села рассматривать; вот они с мужем совсем ещё молодые, вот её и его родители, вот они с маленькой дочкой, а это он в столярном цехе вместе с другими рабочими, это дочь с мужем и маленьким Ванюшкой в Чебоксарах...

Отложив фотографии в сторонку, встала и подняла гири у ходиков по привычке, пошла на кухню – есть не хотелось, тогда она пошла в спальню, выключив в комнатах свет. Но мысли роились в голове, не давая уснуть:

«Вот, Ваня и покинул ты меня, осталась я совсем одна. Правда, дочь помогает, племянницы, Ванюшка не забывает, да я и сама им помогаю, чем могу. Но у них своя семья, свой дом. Невмоготу мне без тебя, жизнь стала не в радость, а в тягость. Так-то вот...»

Мерно тикают ходики, скребётся мышь в подполье, кошка пришла и расположилась в ногах, мурлыча. Ночная тишина смыкала уставшие веки и уносила в сон измученную душу...

– Изучая историю древнего мира и средних веков, затем новую и новейшую историю, вы узнаете, какой долгий путь прошло человечество в своей эволюции. Вместе с тем я буду рассказывать вам и об истории нашего города, который был построен ещё в 1552 году по повелению царя Иоанна Грозного, для охраны границ Московского государства, – учитель истории обвела заслушавшихся учеников ласковым взглядом, и в это время звонок возвестил о конце урока и начале новой перемены.

– Продолжим на следующем уроке, – учительница выплыла из класса, с достоинством неся своё полное тело, а в классе сразу стало тесно от суесящихся учеников, старающихся вволю наговориться и набегаться к новому уроку.

Люда Архангельская шепталась о чём-то с подружками, и Ванька вышел в коридор, где у окна стоял в одиночестве долговязый новичок с выющим чубом на голове. Ваньке он явно обрадовался.

– Я рядом со школой, за «АРСом» живу, – сообщил он дружелюбно, поправляя ладонью чуб. – Хочешь, после уроков ко мне зайдём, на баяне поиграем, или по улице прошвырнёмся, – предложил он, явно набиваясь в друзья.

– Ты на баяне играешь? – удивился Ванька, оглядываясь по сторонам.

Пудов с Симаковым вышли из уборной вместе с клубами табачного дыма и направились к ним, толкаясь со встречными.

– Борька, тебя что, выперли из седьмой школы? – поинтересовался Пудов у старого знакомого, рассевшись на подоконнике.

– Да нет, там местов не хватает, вот, и решили направить к вам, учиться, – недовольно пробурчал Борис. – У вас школа большая.

– Тебя тоже направили, тютя? – Симак пихнул локтем ещё одного новичка, застенчиво пристроившегося рядом с ними.

– Мы с Урала приехали, из Нижнего Тагила, – необидчиво разъяснил новичок новым товарищам. Из класса выбежал Васька и понёсся по коридору, в это время прозвенел звонок и он повернул обратно.

– Ты чо, бегуном решил стать, тренируешься? – удивился Симак.

– В библиотеку хотел сгонять, не успел, – досадовал Васька, заходя вместе со всеми в класс...

Только они успели рассестись по местам, как вошла худенькая, пожилая учительница с картой и глобусом, под мышкой у неё была зажата указка; поставив глобус и повесив карту на стену, она постучала указкой по столу, призывая к тишине, и раскрыла журнал, водя пальцем по фамилиям:

– Глазырин Владимир, кто тут у нас будет?

Встал новичок из Нижнего Тагила, испуганно глядя на учительницу.

– Идите к доске, и покажите нам СССР, в своих исконных границах, – учительница проследила, как Глазырин прошёл к карте и начал пристально вглядываться в неё, не решаясь показать границы. Он явно боялся ошибиться и переминался с ноги на ногу.

– Так, кто у нас более решительный в этом вопросе? – учительница обвела класс насмешливым взглядом. Ванька изо всех сил тянул руку вверх, жаждая показать свои познания в географии, наперегонки с Галей Петровой.

– Идите вы, – указала она на Галю Петрову и та с готовностью прошла к доске и уверенно очертила указкой границы своей Родины.

– Ну а вы скажите нам, на каком материке располагается СССР? – кивнула учительница Ваньке, и тот встал, не зная, что ответить.

Тут поднял руку Васька и, встав после разрешения учительницы, ответил:

– СССР расположен в Европе и в Азии, а материк называется Евразия. Он самый большой в мире, – пояснил Васька и сел.

– Учёный, Тимирязев, – сказал Сима, и они с Пудовым засмеялись над Васькой, но класс не поддержал их, а учительница скользнула по ним безразличным взглядом и прошла к окну:

– Я расскажу вам о материках, о влиянии морей и океанов на погоду на планете. Люди веками, с огромным трудом расширяли свои познания о мире, в котором живут, составляли карты, путешествовали. Колумб, Магеллан, Дежнёв, Крузенштерн – десятки великих имен, благодаря которым мы познали землю, на которой живём...

За окнами была осень, птицы собирались в стаи, чтобы лететь в дальние края на зимовку, люди спешили по своим делам по улице, осыпались жёлтые листья на деревьях, а в пятом «а» классе заканчивался урок географии, оказавшейся такой интересной наукой. Зазвенел звонок, возвещающий о конце урока и начале новой перемены.

Не успели мальчишки пару раз пробежаться по коридору, толкаясь с девчонками, как новый звонок возвестил о начале нового урока.

На этот раз в класс вошёл длинный худой учитель математики и, бросив журнал на стол, стал быстро и нервно чертить мелом на доске условие для решения задачи, объясняя попутно правила и кидая на учеников колючие взгляды из-под очков. Мол, это вам не география.

Весь класс уныло склонился над тетрадями, корпее над решением трудной задачи, даже Пудов пытался решать её, тут уж не до шуток, когда между рядами ходит сердитый педагог, не склонный шутить...

Николай Дмитриевич свернул на свою родную улицу; засунув руки в карманы пальто, он шёл, не разбирая дороги и, поскользнувшись в осенней грязи, пал ничком в грязь.

Повозившись, поднялся и снова упрямо зашагал по направлению к дому; был он изрядно пьян на этот раз и шёл на автопилоте.

Дядя Саша Откосов, Юркин отец, сидел возле своего дома на лавочке и покуривал, отдыхая от работ по хозяйству. Вдруг он увидел, как по их улице идёт негр, и аж привстал от удивления. Сроду по этой улице не ходили негры, тут было чему удивиться.

Когда негр подошёл поближе, дядя Саша признал в нём своего соседа, художника. Тот был весь в грязи и поэтому дядя Саша так ошибся.

Он хотел, было заговорить с соседом, но тот был в стельку пьян и прошёл мимо, пошатываясь на ходу.

Сосед взобрался на крыльцо и хлопнул дверью на всю улицу, скрывшись в сенях своего дома. Вскоре оттуда раздалась ругань, плач ребёнка, из дома выбежала Евдокия Алексеевна и торопливо пошла к своему переулку, стараясь не глядеть по сторонам от стыда.

Дядя Саша проводил её сочувственным взглядом и снова сел на лавочку, чтобы продолжить своё любимое занятие.

Большая перемена была в разгаре. Ученики возвращались в свой класс из буфета, дожёвывая на ходу пирожки и булочки.

Ванька подсел к Борису и хитро подмигнул ему, показывая на сидящих впереди них девочек-подружек, тоже переведённых из другой школы.

Борис заинтересованно глядел, что же будет дальше.

Девочки усиленно зубрили английский, готовясь к уроку, и не замечали ничего и никого вокруг себя.

Ванька осторожно взял их длинные косы с бантиками на концах, свисающие на спины, и связал приготовленной заранее для этого случая бечёвкой.

Прозвенел звонок, и в класс тут же вошла Любовь Андреевна, классный руководитель, словно ждала за дверью. Ванька бросился к своей парте, где его поджидала красивая, но как оказалось, сердитая и склочная Люда Архангельская.

Она толкнула его локтем, чтобы не возился, и Ванька замер в ожидании.

Любовь Андреевна подозрительно поглядела на него, затем обвела класс своим цепким взглядом, подмечающим всё и вся, села за стол и долго изучала журнал, давая ученикам время сосредоточиться.

– Кто у нас дежурный, почему доска не вытерта?

Одна из сидящих впереди Бориса девочек вскочила и бросилась, было, к доске, но связанные косы не дали ей сделать этого, более того, её подружка-соседка закричала и тоже вскочила, хватаясь за голову. Девочки заплакали от боли, пытаясь распутать косы, и освободиться друг от друга.

Насмешники сзади хохотнули, но смолкли под строгим взглядом педагога.

– Устинова и Юклотова, пока садитесь на место, а доску протрёт Пудов, он у нас большой мастер на всякие выдумки. И руки у него длинные, загибающиеся, – Любовь Андреевна проследовала за тем, как девочки сели на свои места, возмущённо оглядываясь на Бориса, но тот развёл руками; мол, я ни при чём.

Пудов поплёлся к доске, показав Ваньке кулачище, и начал лениво протирать испещрённую задачками и уравнениями доску.

– Ко мне в сад забрались какие-то любители чужих яблок, – Любовь Андреевна встала и стала прохаживаться между рядами, останавливаясь возле Симакова, Устименко и Шмаринова, поглядывая на Пудова, ставшего рьяно тереть доску сухой тряпкой.

– Я примерно догадываюсь, кто это, но на первый раз прощаю. Они подбирали яблоки с земли, и успели обтрясти только одну яблоню. Если у них нет своих яблок в саду, желаю им приятного аппетита. Но не советую больше лазить по чужим садам и слушаться негодяя, у которого в голове вместо учёбы одни пакости на уме. Пудов, идите на место.

Она снова села за стол и открыла учебник:

– Марков, вот из ю нэйм?

– Май нэйм, из Виктор, – встав, ответил Марков.

Васька с Ванькой облегчённо вздохнули, оглядываясь на Симака. Тот тоже сидел тихо, притаившись как мышь. Пудов мрачно глядел в потолок.

– Садитесь, Марков. Сейчас я буду писать на доске по-английски, а вы записывайте в тетради. Потом будем читать вслух.

Она подошла к доске и стала быстро писать слова, ученики склонились над тетрадями, пытаясь не отстать от учительницы...

Прозвенел звонок, и Любовь Андреевна бросила мелок.

– Сегодняшний урок у нас фактически сорван по вине кое-кого из присутствующих. Шмаринов, всю неделю до конца будете помогать дежурным после уроков: мыть полы, протирать доску, столы, наводить порядок в классе. Вам ясно, почему?

Ванька молча кивнул головой, понимая всю неизбежность наказания.

Девочки-подружки осуждающе поглядели на него, и пошли домой вместе со всеми. Симак похлопал приятеля по плечу, сочувствуя, Васька тоже, и вот Ванька остался в классе один на один с грязными полами, доской, сдвинутыми с мест столами и стульями.

Устинова и Юклотова были освобождены от дежурства, как потерпевшие, а виновник вздохнул и стал наводить порядок в классе...

Отец валялся на диване и смачно храпел, а мать сидела за столом и проверяла дневник. Ванька был ни жив, ни мёртв от страха.

- Ну, рассказывай, что ты натворил на этот раз?
- Двум новеньким косы связал, чтобы не задавались.
- Что, значит, не задавались? – мать была мрачнее тучи.

Ванька стоически молчал, и мать поняла, что больше он ничего не скажет, хоть убей. Тогда она возмутилась:

– Наказать надо, если виновен, но чтобы целую неделю полы мыть после уроков? Завтра же пойду в школу, поговорю с вашей учительницей. Отец твой вон, пьяный припёрся, маму выгнал. А она с ребёнком сидит, пока нас нет. Господи, что мне с вами делать, ума не приложу. Одни мужики.

Ванька понял, что гроза миновала, и взялся за портфель.

– Вот-вот, давай-ка лучше уроки учи. Может, поумнеешь...

Ванька сидел за столом и учил уроки, попутно наблюдая, как проснулся зарёванный братик и со страхом смотрел на храпящего отца, прислушивался, как мать на кухне готовила обед и ужин, смотрел, как за окном ходят знакомые и незнакомые люди, и был он вполне счастлив...

Небольшая трибуна стадиона «Спутник» заполнена до отказа родителями, учителями, представителями РОНО, руководства города, общественности. Просто любопытными зрителями и прохожими.

Ванька стоял с пионерским горном в руках впереди своего класса и готовился к маршу, оглядываясь на нарядных одноклассников.

– Пионерский сбор, посвящённый дню рождения комсомола, объявляю открытым! – выступающий выждал мгновение, и продолжил с энтузиазмом:

– Пожелаю вам, как будущим комсомольцам, быть достойными своих старших товарищей. В борьбе за вечно живое дело Ленина будьте готовы!

Он обвёл ряды пионеров горящим взглядом, и они ответили:

– Всегда готовы!

Из репродуктора над стадионом разнеслась песня: *«Взвейтесь кострами, синие ночи, мы пионеры – дети рабочих...»*

Под эту песню классы один за другим замаршировали по беговой дорожке стадиона, делая круг почёта. На трибуне зааплодировали.

Ванька изо всех сил горнил, гордо шагая впереди своего пионерского отряда, но вот они прошли круг, и вышли на финишную прямую, перед трибунами; и тут горло у трубача пересохло, губы тоже, и вместо марша из горна раздалась жалкие хриплые звуки.

Ванька растерялся и продолжал натужно хрипеть в горн, спотыкаясь, горя от стыда и позора. Шедший рядом с ним барабанщик Саня Борискин выручил товарища; он ещё громче застучал палочками по барабану и класс вполне сносно прошёл перед трибунами.

– Эх ты, простофиля, – похлопал его по спине Симак, когда они все сбились в кучку после марша. – Надо было перед трибунами стараться, как другие, а ты протрубил на другом конце поля, где никто не видит и не слышит, и сдох раньше времени, весь класс осрамил.

– Ничего не осрамил, – вступился за друга Васька. – Он для нас горнил, а не для трибун, понял?

– Молодец, Ваня, – похвалила его Люда Архангельская. – Ты за весь круг ни разу не остановился, даже не передохнул. Так не каждый может.

– Ладно, построились и в школу пора, на собрание, – Виктор Марков построил класс на правах председателя совета отряда и повёл в школу.

Ванька шагал рядом с товарищами и весело смотрел по сторонам, думая о том, «какие хорошие у него друзья, да и весь класс тоже замечательный».

И снова зима (2-я часть)

Ванька сидел за столом и учил уроки. Ему казалось, что он никогда не станет взрослым, а вот так всегда будет ходить в школу и затем дома за этим вот столом всегда учить уроки, которые никогда не кончатся.

Он посмотрел на гору учебников, на братика Вовку, который ему полагался в довесок к урокам, и уныло глянул в окно: по улице к дому шли мать с отцом.

Они улыбались друг другу, а отец тащил в руках большую коробку, стараясь не оступить. Такое увидишь не каждый день, и Ванька бросился встречать родителей, Вовка не отставал от старшего брата.

Раздевшись и повесив пальто на вешалку, родители втащили коробку в комнату: раскрыв упаковку, отец достал из коробки радиолу и торжественно водрузил на стол, к стенке.

Воткнув вилку в розетку, включил радиолу: зажёлся зелёный огонёк индикатора. Покрутив ручку настройки, прибавил звук, и по комнате разнеслись волшебные мелодии вальса.

Ванька побросал учебники с тетрадями в портфель, тут уж не до уроков.

Вместе со взрослыми веселился и Вовка, даже мать сменила сердитое выражение лица на весёлое, и бойко хлопотала на кухне, напевая про себя.

Отец тоже был рад, трезв, и расположился на диване с Вовкой, наблюдая за Ванькой, который приник к радиоле, изучая её в деталях.

Вдруг Ванька бросился к портфелю и достал из него дневник:

– Я сегодня две пятёрки получил, по географии и по русскому, вот, поглядите, – отец с матерью не преминули посмотреть: мать придирчиво, не забыв и про предыдущие тройки, отец мельком, одобряюще.

Вскоре вся семья ужинала за столом. Вовка очень старался, подражая взрослым, но получалось у него пока ещё плохо.

– Я тут работёнку в церкви получил, иконы прописать. Заплатят хорошо, не сомневайся, – сообщил муж жене, опасаясь нового скандала, но на сей раз, жена была в хорошем расположении духа, и он успокоился, налегая на любимую жареную картошку с мясом...

На следующий день, по дороге домой, Антонина Ивановна зашла в магазин за продуктами, что на Комсомольской улице. Увидев её, продавщица заглянула в подсобку, и тут же оттуда вышла заведующая магазином.

Улыбаясь полным лицом, она пошла навстречу важному покупателю.

Антонина Ивановна оглядела полупустые прилавки, рядом томилась большая очередь в ожидании мяса, которое должны были вот-вот подвезти.

Мясник разложил на прилавке остатки прошлого завоза, но женщины в очереди не торопились брать эти кости, надеясь на лучшее.

– Антонина Ивановна, здравствуйте. Давненько вы у нас не были, – заведующая наконец-то пробралась к ней сквозь народ, всё так же улыбаясь радушной улыбкой.

Они поздоровались. Очередь недружелюбно косилась в их сторону.

– Да вот хотела мясом разжиться, мужиков-то своих надо кормить, – Антонина Ивановна снова оглядела кости на прилавке, очередь, и собралась, было, уходить, но заведующая подхватила её под локоть и пригласила пройти к ней в кабинет. Уже вдвоём они проделали обратный путь, за прилавков.

В подсобке мясник извлёк на свет божий свежее мясо, отрубил топором большой кусок, заведующая принесла завиток колбасы, сыр, завернула аккуратно в бумагу всё по отдельности.

– Приходится мясо придерживать, куда же остатки девать? Мне их продать надо, сами знаете, Антонина Ивановна, – объясняла заведующая, и Антонина Ивановна понимающе кивнула, рассчитываясь за покупки.

– Наверное, скоро и к нам с ревизией нагрянете, давно уже не были, – попыталась пошутить заведующая, кисло улыбнувшись.

– В этом квартале точно нет, ну а дальше видно будет, – успокоила Антонина Ивановна заведующую, и та облегчённо перевела дух.

– Но я вам этого не говорила. Кстати, скоро нас переводят на ночной режим, тогда не надо будет закрывать магазины на учёт днём. Придётся ночью работать, – вздохнула Антонина Ивановна, и заведующая сочувственно заохала, провожая её до выхода из магазина.

– Снегу-то намело, осторожнее по ступенечкам, – забеспокоилась она, выглядывая на улицу: – Заходите, не забывайте нас. Уж вам-то мы всегда рады, – напутствовала заведующая важную покупательницу, и та молча кивнула ей в ответ, направляясь к следующему магазину...

Нагружённая сумками, Антонина Ивановна добралась наконец-то до своей улицы, а вот и их дом, припорошенный свежеснеженным снегом, родные окна с нарядными занавесками, крыльцо, сени, всё – она дома.

Положив сумки на кухонный стол, она разделась, сняла боты и прошла в комнату, где на полу разгорелся настоящий бой между её мужем и младшим сыном, играющими в солдатиков; возле каждого из них стояло по несколько солдатиков, слепленных из пластилина, и они по очереди сбивали их с ног шариком, тоже пластилиновым.

У отца получалось намного лучше и точнее, чем у сына и Вовка жалобно заревел, глядя на своё поверженное воинство и вошедшую мать.

– Как маленький ты, Николай, связался с младенцем, – она устало присела на стул, глядя на возбуждённого игрой мужа.

– Ничего, пусть привыкает к жизни. Крепче будет, верно, Вовка?

Вовка кивнул и подбежал к матери за утешением.

Отец быстро разобрал сумки и, отломив кус колбасы, стал жадно есть, не забыв и про хлеб. Вовка забыл про утешение и бросился к отцу за колбасой.

Глядя на них, мать в отчаянии покачала головой:

– Тебя вот надо в магазин за мясом послать, постоял бы полдня в очереди да пораскинул умишком, а то шляется по городу без дела, на жену надеется: ничего, она двужильная, прокормит.

– Ты чо, ворона старая, колбасы пожалела? – взбеленился вдруг отец, перепугав сына. – Да я летом поеду на заработки, чемодан денег тебе привезу. Я мужик нежный, со мной не надо так разговаривать, – он сел на диван и уставился в окно, продолжая жевать.

– До лета ещё дожить надо. Ты же говорил, работёнку в церкви получил, а сам дома штаны просиживаешь. В чём дело?

– За те копейки, что они мне предложили, пусть дураков ищут. Я художник, а не мазила какой-нибудь, – он лёг и уставился в потолок.

Вовка подошёл к отцу и стал разглядывать наколки у него на руках и на груди, водя по ним пальчиком. Отец улыбнулся.

– Вот, я дура и есть, работаю с утра до вечера за копейки, – мать прошла на кухню и раздражённо загрохотала посудой. – Брошу всё к чёртовой матери. Тоже мне художник нашёлся, был да сплыл.

При этих словах отец взвился на диване и подбежал к жене:

– У меня на твои слова ноль внимания, кило презрения, ясно? Ты забыла, какие деньги я зарабатывал в Фонде в Чебоксарах?

– Когда это было? Жрать-то ты сейчас хочешь.

В самый разгар ссоры хлопнула сенная дверь, затем входная и на пороге появился Ванька с неизменным портфелем в руках. Отец тут же ушёл в комнату, а Ванька разделся и прошёл к столу, за которым всегда учил уроки.

Он сразу понял, что родители опять ругаются, и хмуро раскладывал учебники, поглядывая на них и на брата.

Мать молча приготовила еду, и все молча стали есть, даже Вовка.

Ванька вышел на крыльцо с вёдрами в руках, собираясь идти за водой на колонку. Вслед ему донеслись из дома гневные слова матери отцу:

«Мог бы и сам за водой сбегать, не переломился бы. Ребёнок из школы только пришёл, ему уроки учить надо. Если не работаешь, хоть по дому бы, чем занимался. Скоро совсем обленишься, действительно Лутоша, права мама».

Затем менее гневные, но более громкие возражения отца матери:

«Чихать я хотел на твою маму. А этот ребёнок скоро за девками бегать будет. Он парень боевой, работающий, к тому же и способностями не обделён. В нашу породу уродился, в Шмариновых».

Ванька подхватил вёдра и бодро побежал к колонке.

Наполнив их водой, потащил домой, стараясь не расплескать.

Он забыл варежки дома, и руки быстро окоченели на морозе. Остановившись передохнуть, сунул руки за пазуху, отогревая. Затем снова потащил воду к дому, закусив губу от напряжения; поняв, что вот-вот выронит вёдра из рук, остановился. Ничего, он донесёт, не впервой.

И снова упрямо пошёл вперёд, вот он и дома наконец-то.

Аккуратно занёс вёдра с водой в дом и поставил в кухоньке. Заглянув в комнату, увидел по-прежнему ругающихся родителей. Им было не до него, и Ванька снова выбежал из дома, во двор.

Он пошёл в сарай, где наколотых дров было, совсем кот наплакал, вытащил чурбаки наружу и принялся колоть дрова колуном.

Дело продвигалось медленно, но Ванька не унывал. Всё лучше дрова колоть, чем родительскую ругань слушать. Ещё плевать начнут. Было и такое.

Он так увлёкся, что не заметил подошедшего отца, выбежавшего из дома до ветру. Тот взял колун из уставших и замёрзших рук сына, поставил поудобнее новый чурбак, и с маху развалил его надвое. Затем ещё и ещё.

Выпрямившись, подмигнул сыну, с завистью наблюдавшему за ним.

– Ничего, сынок. Скоро и ты так будешь колоть дрова, даже лучше. А теперь беги домой, поужинай и за уроки, лады?

Ванька кивнул и побежал домой отогреться, он замёрз, как цуцик.

Оглянувшись, увидел отца за работой и радостно улыбнулся: не правы мать с бабушкой, когда говорят, что отец его лодырь...

В школьном спортзале шёл урок физкультуры пятого «а» класса: мальчишки только что один за другим попрыгали через «козла» и сидели на скамейке вдоль стены, наблюдая, как учитель физкультуры помогает девочкам работать на кольцах.

– Глянь, как наш Иван Филиппыч старается, Серенкову за задницу поддерживает, – ехидно заметил Симак, и мальчишки дружно засмеялись, с завистью поглядывая на Людку Серенкову, ладную смуглую девочку с округлыми формами.

Закончив упражнение на кольцах, Серенкова подошла к скамейке для девочек и села рядом с подругами, смущённо поглядывая в сторону насмешников.

Она чувствовала себя неловко, ощущая их плотоядные взгляды.

Иван Филиппыч оглянулся на скамейку мальчишек и погрозил им кулаком, понимая их боевое настроение. Теперь к кольцам подошла худенькая отличница Галя Петрова, и мальчишки сразу потеряли интерес к кольцам.

Прозвенел звонок, и учитель резко засвистал в свисток, выстраивая класс в линейку. Прошёлся перед строем, строго посмотрел на Симака.

– Насмешничать ты горазд, Симаков, а вот прыгаешь плохо. Остальным всем ставлю по тройке, а девочкам по четвёрке. Сейчас отдыхаем, после перемены на лыжню, бег на один километр. Разойдись!..

Девочки побежали переодеваться дружной стайкой, мальчишки тоже пошли, поглядывая с интересом на их ладные фигурки в трико, подчеркивающим явно намечающиеся девичьи прелести. Особо среди девочек выделялись Серенкова и Киселёва, неразлучные подружки.

И вот начался второй урок физкультуры. Ученики один за другим уходили на лыжню, настал Ванькин черёд. Подтянув крепление на валенках, упёрся палками в снег и приготовился бежать, поглядывая на рябоватое лицо учителя, который сверял время пробега по секундомеру.

Вот Иван Филиппыч махнул рукой, и Ванька помчался по лыжне, стараясь догнать ушедшего вперёд Вовку Косырева, но тот не собирался уступать и вскоре Ванька запыхался.

Однако упрямо бежал и бежал, иногда сбиваясь с хода и помогая себе палками. Наконец Вовка сдался и уступил лыжню, отдыхая от гонки.

Теперь Ванька обходил девчонок, гуськом шедших друг за другом. Они охотно уступали лыжню и посмеивались над ретивым гонщиком...

Обратный путь был гораздо труднее и длиннее, так как Ванька слишком резво взял старт, и на финиш его явно не хватало. Он с трудом передвигал лыжи, вяло махал палками, улица Стрелецкая казалась бесконечной.

Но вот впереди замаячил долгожданный финиш и Иван Филиппыч щёлкнул секундомером, когда Ванька пересёк черту.

Пока он приходил в себя, финишировали самые последние, и класс собрался вокруг преподавателя, готовясь идти в школу и сдать лыжи с палками в кладовку, благо уроки физкультуры завершали учебный день.

– Отличное время показал Марков, он занял первое место, – Иван Филиппыч хотел подбодрить уставших спортсменов. – Молодец, Виктор. На втором месте Шмаринов Иван, третьим пришёл Устименко Василий. И вообще у всех неплохие результаты, так держать.

Окрылённые словами преподавателя, ученики пятого «а» класса забыли про усталость, подхватили свои лыжи и до самых дверей не отпускали от себя Ивана Филиппыча, который охотно общался с молодёжью, сам молодо улыбаясь своим рябоватым, чувашским лицом.

Вовка сидел в своём углу среди игрушек и сочувственно посматривал на старшего брата, который лежал на диване с закрытыми глазами и кашлял.

Вовке было непривычно видеть всегда шустрого брата неподвижно лежащим и даже постанывающим. Жалко его. Да и Ваньке было неудобно с обвязанным вокруг шеи тёплым материнским платком, но горло саднило, и он терпел, пока мог.

Наконец встал и прошёл к окну, на улице всё же было веселее: искрился снег на морозе, куда-то по своим делам шли люди.

Вот мимо окон продефилировала компания соседских парней во главе с Чистилем, нещадно дымя папиросами. Они глянули в сторону Ванькиных окон, и он непроизвольно отпрянул от окна, не желая, чтобы его увидели.

Включив радиолу, поймал какую-то радиостанцию на английском языке и стал слушать, не понимая ни слова, но, стараясь хоть что-то угадать. Недаром же он корпел над учебником английского языка.

Подошёл Вовка, и они стали слушать вдвоём.

Мать они прозевали, и когда хлопнула входная дверь, впус­тив её в дом вместе с клубами морозного воздуха из сеней, они оба обрадовались и подбежали к ней, наблюдая, как она ставит сумку на стул, раздевается, снимает боты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.